prose_history
nonf_biography

Юлиус
Мадер
43a1ead0-b31b-102a-94d5-07de47c81719

Тайна Хантсвилла

Немецкий публицист Юлиус Мадер хорошо известен советскому читателю как автор книг «По следам человека со шрамами», «Серая рука», «Убийцы в засаде», «Гангстеры Аллена Даллеса».

В своей новой работе Мадер разоблачает преступное прошлое гитлеровского ракетчика Вернера фон Брауна, возглавляющего ныне центр американского ракетостроения в Хантсвилле.

ru
de

kontiky
kontiky@gmail.com

FB Tools
2007-09-10
http://epizodsspace.testpilot.ru/bibl/mader/obl.html
61990904-b31b-102a-94d5-07de47c81719
1.11

Тайна Хантсвилла
Политиздат
Москва
1964

Юлиус Мадер
Тайна Хантсвилла

Вместо предисловия

У отрогов Камберлендских гор, как раз в том месте, где извилистая Теннесси делит их на две части, расположился Хантсвилл. Этот захолустный американский городок в северной части штата Алабама, окруженный полями с бурой плодородной почвой, еще совсем недавно принадлежал хлопковым королям. Белая фермерская аристократия издавна господствовала здесь над чернокожими рабочими плантаций, влачившими жалкое существование в убогих бараках.

Однако десять с небольшим лет назад со спокойной деревенской жизнью в Хантсвилле было покончено. Число жителей городка стало быстро увеличиваться и вскоре достигло более шестидесяти тысяч.

На вновь построенной федеральной дороге № 231 не редеет поток автомобилей. Самолеты один за другим приземляются в аэропорту или же взлетают с расположенного поблизости военного аэродрома, преодолевая звуковой барьер над городом. Ультрасовременные магазины кричащей рекламой расхваливают свои товары. Бойко идет торговля сувенирами в лавках. Как грибы после дождя, выросли три отеля и два десятка столь типичных для Америки мотелей. Многие владельцы плантаций, получив в компенсацию за свои земли солидные суммы, занялись куда более выгодным бизнесом, чем выращивание хлопка. С тех пор, как вместе с ракетами в Хантсвилл пришло процветание, его днем и ночью трясет, словно в лихорадке. В юго-западной части города изо дня в день, иногда целыми часами подряд, слышен оглушительный грохот. В каскадах желтого пламени и клубах черно-коричневого дыма почти вертикально взмывают ввысь и исчезают в южном направлении сигарообразные снаряды, оставляя в безоблачном небе белый расползающийся след. Но лишь приезжие обращают на это внимание. Нередко полицейские автомашины с синими фарами, сопровождаемые каретами скорой помощи,

пронзительным ревом сирен останавливают густое уличное движение. Жертвы ракетных экспериментов исчезают за решетчатыми воротами хантсвиллской больницы. Местные жители уже давно привыкли и к этому. Риск для них – часть бизнеса, а девиз «время – деньги» повелевает не слишком задумываться над тем, что несет людям развитие американской ракетной техники. В лучшем случае они звонят ближайшим друзьям, чтобы узнать, не помешает ли взрыв склада горючего или неудачный запуск ракеты традиционному «уикэнду».
Да, многое изменилось в Хантсвилле! Вокруг холма севернее хантсвиллского пригорода Монте-Сано раскинулся поселок роскошных вилл. В одной из них живет некий барон. Его вилла окружена плотной оградой из густо посаженных кустов роз. Садовники старательно ухаживают за ними. Барон чувствует себя некоронованным владыкой Хантсвилла. Ведь вместе с ним в это сельское захолустье пришло небывалое доселе «просперити».
Барон сам водит свой «Крайслер», притом каждый год новый. От виллы до «оффиса» – всего несколько километров. Жаждущие сенсаций репортеры постоянно подстерегают барона в пути. Но вот услужливо распахнутые стальные ворота закрываются, и знатному хантсвилльцу уже не страшны журналисты.
Широкоплечий барон, шеф пяти тысяч девятисот инженеров и техников, спешит по строго охраняемой территории в свой кабинет с табличкой на двери: № 4488. Секретарша, крашеная блондинка, кладет перед ним список намеченных дел. На письменном столе красного дерева громоздятся папки с бумагами на подпись, светокопии и листы со сложными расчетами. Опечатанный сейф полон сверхсекретных документов.
Имя этого барона, прусского юнкера и новоявленного американского босса, хорошо известно в «западном мире». Его зовут Вернер фон Браун.
Барон американизировал свой «двор». Заботу о телохранителях уже давно взяло на себя американское правительство. Вместо конюхов, которых у его отца были десятки, он держит для своих автомобилей и личного самолета кучу механиков. Смотритель винного погреба ему ни к чему, ибо он получает любимые вина и шампанское прямо от фирм со всего света. Он не довольствуется, как его отец, одним биографом. К услугам Вернера фон Брауна целая армия высокооплачиваемых журналистских звезд, которые обязаны заботиться, чтобы газеты, журналы, радио и телевидение получали только то, что он сам одобрил и считает нужным рассказать о себе и своих проектах. Примитивному тщеславию барона льстит, когда в набранных жирным шрифтом газетных заголовках его называют «Прометеем Америки».
Однажды Браун пригласил к себе западногерманского борзописца Клауса Харппрехта, посадил в свой спортивный самолет и во время полета над долиной Теннесси дал ему интервью. Ведь Харппрехта Вернеру фон Брауну рекомендовали непосредственно из Бонна. Это был тот самый Харппрехт, который предпринял попытку посмертно представить в виде мученика военного преступника группенфюрера СС Вальтера Шелленберга – в прошлом шефа шпионской и диверсионной службы Гитлера и Гиммлера. То, что сочинял Харппрехт, получало благосклонное одобрение хантсвиллского барона.
«Вернер фон Браун, – писал Харппрехт в западногерманской газете «Ди цейт», – стал героем Нового света. Никто не забывает его немецкого происхождения, но никто и не колеблется боготворить его как гаранта непобедимости Америки, ее надежд и исконного права на создание лучшего, более совершенного мира. Однако баловать Брауна славой и самим отражаться в ее блеске американцев побудили не только шумный успех его достижений, не только преклонение перед его творениями, но и то, что составляет секрет его способности творить, а именно сама его личность. В этом сыне померанских юнкеров поистине счастливо сочетаются энергия и одаренность».
Вот уж действительно этому аристократу с внешностью повесы, перед которым расшаркивается целый сонм ученых, генералов, дельцов и адмиралов и которого боготворят хозяева Уолл-стрита, скромность неведома! Искусственно созданная популярность, блеск и необыкновенная таинственность, окружающая барона, – дело его собственных рук. В то же время фон Браун старается создать плотную завесу молчания вокруг своего прошлого и частной жизни.
Журналист Нерин Э. Ган, например, потерпел неудачу в попытке приоткрыть эту завесу. В широко поданном газетой «Франкфуртер иллюстрирте» репортаже он писал:

> «Наиболее строго хранимая тайна ракетного города Хантсвилла в штате Алабама – это отнюдь не предназначенная для полета к Луне ракета «Сатурн» (которая создается в

расположенном поблизости арсенале «Редстоун»), а все то, что скрывается за фасадом виллы Вернера фон Брауна. Любой человек в Хантсвилле охотно беседует насчет ракетных дел, без которых город оставался бы захолустьем. Но стоит лишь задать вопрос о «герре Броуне» (как называют местные жители «своего» Вернера фон Брауна), собеседник тотчас замолкает... Сам ракетчик избегает давать интервью и очень редко пускает в свой дом фоторепортеров... К нему попасть не просто, и даже генералы из министерства обороны напрасно будут ждать приглашения на чай или коктейль...»

Браун предпочитает уединение. Он не хочет, чтобы к нему проявляли слишком большой интерес. Бывшему гитлеровскому ракетчику, натурализовавшемуся в США, хотелось бы, чтобы его нацистское прошлое осталось тайной.
Да, этого очень хотел бы фон Браун. Но человечество должно знать правду об этом, преданно служившем Гитлеру ракетном специалисте, сменившем черную форму СС на респектабельный костюм американского покроя.
О длинном пути преступлении, который привел бывшего штурмбанфюрера СС Вернера фон Брауна из фашистского ракетного центра Пенемюнде на нередком острове Узедом в город Хантсвилл в американском штате Алабама, рассказывается в этой книге.

Беседы у камина о трех «К»

В один из весенних дней 1931 года тяжелые, запыленные автомобили, нагруженные подарками, двигались вверх по долине к утопавшему в зелени дворянскому поместью Обер-Визенталь
1
в Силезии, недавно купленному семейством фон Браунов. На протяжении жизни четырех поколений резиденцией Браунов был старинный замок германского рыцарского ордена в восточно-прусском селе Нойкен. Род их олицетворял древнее дворянство: в 1573 году им было предоставлено право иметь крепостных, в 1699 году они были провозглашены богемскими баронами, в 1860 году прусский король подтвердил этот титул. В течение столетий Брауны считали эксплуатацию крепостных богоданным порядком, а усердное участие в разбойничьих походах своих государей – почетной обязанностью.

Владелец Обер-Визенталя хотел воспользоваться днем рождения сына Вернера, которому исполнилось 19 лет, чтобы снова сблизить большую родню и похвалиться перед старыми друзьями своим новым имением. Молодой Вернер на празднестве не присутствовал. Он находился в это время в Швейцарии, где проходил курс наук в цюрихской Высшей технической школе.
После того как все расселись за столом, уставленным серебром, хрусталем, тончайшим фарфором и вазами с цветами, отец виновника торжества барон Магнус фон Браун провозгласил первый тост. Справа от него восседала увешанная драгоценностями счастливая мать – Эмми фон Браун. Она радовалась, глядя на своих многочисленных родственников – сплошь представителей феодальной знати от Грейфсвальда до Штеттина, среди которых был и ее брат – сказочно богатый прусский судебный чиновник Александр фон Кисторп. Братья и сестры Магнуса фон Брауна прибыли к праздничному столу из Восточной Пруссии.
Особым вниманием присутствующих пользовался человек в сером мундире офицера рейхсвера, достаточно знатный для этой компании, хотя и не дворянского происхождения: полковник инженер доктор Карл Эмиль Беккер.
После обеда общество разделилось на группы и разбрелось. Наступили те часы, когда друзья и родственники за пуншем обмениваются светскими новостями. У каждого из гостей в запасе было немало всяких историй, да и фон Браунам не терпелось рассказать, разумеется по секрету, то, что стало им известно. Но в этот день гости собрались не только ради болтовни. Мужчины, привыкшие делать политику и на гладком паркете залов, где дают аудиенции, и на пышных балах, и в офицерских казино, удалились в кабинет хозяина. Пламя от нескольких горевших в

камине дубовых поленьев излучало свет, создававший особый интимный уют. Гости развалились в кожаных креслах.
Когда слуги, получив приказания, вышли, начался непринужденный разговор. И здесь в центре внимания был полковник Беккер, военный до мозга костей. Естествоиспытатель по образованию, он полностью посвятил себя военному ремеслу. Еще до первой мировой войны он работал над проблемой связи физики и математики с военной техникой. В 1917 году в чине капитана Беккер, имевший к тому времени опыт командира батареи 420-миллиметровых орудий, занимал должность референта Берлинской артиллерийской испытательной комиссии. Беккер был соавтором книги «Внешняя баллистика и теория движения снаряда от дула орудия до попадания в цель». Десять миллионов убитых в империалистической первой мировой войне явились убедительным подтверждением его «теории движения снаряда», а три с половиной миллиона инвалидов свидетельствовали о «попадании в цель». Естественно, что и после установления Веймарской республики армия не могла отказаться от этого специалиста. Беккер был произведен в чин полковника и назначен начальником армейской инспекции по вооружению. Кенигсбергский университет присвоил ему почетную степень доктор философии. На иерархической лестнице кадровой армии он занимал уже прочное место; однако настоящая его карьера только еще начиналась.
Рядом с Беккером удобную позу в кресле занял 60-летний отставной майор прусской королевской армии барон Фридрих Адольф фон Браун. Он прославился тем, что, будучи капитаном потсдамского гвардейского егерьского батальона, на рубеже нового века ввел в германской армии пулемет, дабы помочь его величеству кайзеру одерживать победы в будущих войнах. Сидящего напротив подполковника в отставке Зигфрида Вильгельма фон Брауна больше всего привлекала артиллерия, командованию которой он посвятил много лет.
Четвертым в этом интимном кругу был сам хозяин дома – младший из братьев фон Браун – Магнус, отец Вернера. Он мог похвалиться лишь чином капитана в отставке. Однако невысокое военное звание он компенсировал политическим влиянием, которым не без выгоды для себя пользовался благодаря своим тесным связям с китами промышленности, банковским миром и владельцами дворянских поместий. В студенческие годы Магнус приобрел кое-какие знания в области юриспруденции. Затем служил в качестве вольноопределяющегося в 1-ом гвардейском пехотном полку, восходившем к гвардии «длинных парней» – личной охране прусского «солдатского короля» Фридриха Вильгельма I. Однако сделать карьеру Магнусу фон Брауну было сужден лишь в прусском бюрократическом аппарате. Он занимал важные посты в министерстве внутренних дел, был прусским ландратом, затем стал членом правления Рейхсбанка. Барон «делал» сельскохозяйственную политику в интересах юнкерства, не забывая при этом и себя: доходное поместье Обер-Визенталь он приобрел буквально за бесценок. На шахматной доске прусско-германской политики он не был пешкой, хотя на высшую ступеньку чиновничьей лестницы еще не вскарабкался. Впоследствии он стал имперским министром продовольствия и сельского хозяйства.
Присутствующие вели мужской разговор вокруг неизменных трех «К»: Kaiser, Krieg, Kanonen (кайзер, война, пушки). С грустью предавались воспоминаниям о старом добром времени, когда они верноподданно служили королю прусскому, императору германскому. Крах кайзеровской Германии был для них крушением собственного мира. В лице Вильгельма они потеряли своего идола, верховного военачальника, из рук которого получали земли и чины. Хотя им и удалось сохранить огромные земельные владения, эти люди, сделавшие служение кайзеру своим ремеслом, чувствовали себя ограбленными: ведь они, как и все их единомышленники, считали ниже своего достоинства идти по жизни без бряцающей сабли и блестящих погон. В годы Веймарской республики этих людей всегда можно было встретить среди самых темных сил реакции, пытавшейся повернуть вспять колесо мировой истории.
Подали новые напитки, алкоголь развязал языки. С упоением болтали о том, где и как «поддали красным» и их приверженцам.
Вскоре разговор перешел на узкоспециальные теоретические темы. Речь зашла об артиллерии, о проблемах движения и рассеивания снарядов, расчета траекторий и т. п. И это было понятно. Версальский мирный договор, продиктованный союзниками Германии, обрек представителей военщины на вынужденную бездеятельность. Раздел V договора устанавливал, что уже с 31 марта 1920 года артиллерия ограниченного до десяти дивизий германского рейхсвера не могла иметь более 204 полевых орудий калибра 77 миллиметров и 84 полевых гаубиц калибра 105

миллиметров. Было установлено даже число снарядов: по тысяче на каждое полевое орудие и по восемьсот на каждую гаубицу. С такой огневой силой начать новую войну было немыслимо, не говоря уже о том, чтобы выиграть ее.
Германская военщина обнаружила вскоре лазейки в Версальском договоре. Производство, хранение и применение ракет не было категорически запрещено, если интерпретировать статью 166 таким образом, что ракеты не являются боеприпасами в прямом смысле этого слова. Эта статья запрещала германскому правительству иметь «какие-либо другие запасы, склады или резервы боеприпасов». Германская военщина не собиралась дискутировать, она намеревалась действовать, и притом целеустремленно.
Зигфрид фон Браун обратился к Беккеру с вопросом:
– Как я слышал, господин полковник, вы делаете ставку на ракеты?
– Осторожно, – предостерегающе заметил полковник, приложив к губам указательный палец с массивным золотым кольцом. – Вы же знаете, господин барон, офицеры слушают и молчат. Полтора года тому назад мы имели достаточно неприятностей с генералом фон Баумгартен-Крузиусом. Он подхватил просочившиеся каким-то образом сведения и написал рассказ, мне помнится, под названием «Возмездие 193». Содержание: немцы тайно строят ракеты, ракетный удар по Парижу, смертельный враг вынужден капитулировать, честь наконец восстановлена. Официально ничего нельзя было предпринять, это вызвало бы еще большую шумиху. Пришлось просто-напросто скупить весь тираж. Хотим надеяться, что за рубежом не придадут значения этому рассказу.
Полковник Беккер, который хотел извлечь пользу из широких политических связей Магнуса фон Брауна, быстро повернул разговор на темы современной политики. Ему, как военному специалисту, она казалась достаточно запутанной. Генрих Брюнинг, лидер католической партии центра, уже в течение многих месяцев правил лишь с помощью чрезвычайных законов. Семь миллионов безработных ежедневно собирались у бирж труда. Мощности промышленных предприятий были загружены в среднем лишь на одну четверть. Брюнинг повысил налоги и снизил на десять процентов заработную плату рабочих и служащих. Но этим он не ограничился. Пришлось уменьшить размеры пособий по безработице. Около года назад был досрочно распущен рейхстаг. На парламентских выборах социал-демократы получили 8,6 миллиона голосов. 4,6 миллиона человек отдали свои голоса Коммунистической партии Германии. Офицеры рейхсвера с опасением отметили этот сдвиг влево и особенно – неуклонный рост влияния коммунистов. Проповедовавшая безудержный шовинизм гитлеровская партия собрала 6,4 миллиона голосов.
Полковника Беккера интересовали политические перспективы. В лице Магнуса фон Брауна он видел несомненно знающего человека. Барон часто встречался в правлении Рейхсбанка с Ялмаром Шахтом, по словам которого нацисты уже давно перестали быть просто хулиганствующими когортами штурмовиков. За их спиной все резче вырисовывались фигуры промышленных магнатов с Рейна и Рура. Во всяком случае, с декабря 1930 года Ялмар Шахт установил контакты с Германом Герингом, а с начала 1931 года – даже лично с Гитлером. Тайный советник Эмиль Кирдорф, неограниченный владыка рейнско-вестфальского угля, еще до первой мировой войны посылавший Магнуса фон Брауна со специальной миссией в Лондон, неспроста уже в течение восьми лет вкладывал огромные суммы в гитлеровское «движение». Пушечный король Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, который с военных лет благоволил Магнусу фон Брауну, давно понял, что рейхсканцлер по имени Гитлер обеспечит ему новые большие военные заказы. Магнус фон Браун мог успокоить полковника Беккера: тяжелая промышленность нуждалась в заказах, она хотела производить вооружение. Она начнет скоро выпускать пушки, и не только пушки.
Часы пробили полночь. Магнус решил, что наступило время изложить свою просьбу полковнику Беккеру, пока тот еще более или менее трезв. Речь шла о протекции его сыну Вернеру, который был зачислен в Высшую техническую школу в Цюрихе.
– Господин полковник, – начал Магнус фон Браун издалека, – Вернер рассказывал мне о капитане Дорнбергере, с которым он встретился на берлинском ракетодроме. Каковы, по вашему мнению шансы ракетной лихорадки? Мой сын слышал будто ваше ведомство интересуется этими проблемами.
– Господа, – я уверен, что вы умеете хранить секреты, – ответил полковник Беккер, тщательно протирая свой монокль замшей. – Честно говоря, возлагаем большие надежды на ракеты. Что

касается капитана Дорнбергера, то я сам выискал его среди окончивших Шарлоттенбургскую высшую техническую школу в 1930 году. Уверен, что это энергичный и неглупый молодой человек. А Дорнбергер прямо-таки влюблен в вашего Вернера. Я давно бы затронул эту тему, но не хотел предвосхищать родительских соображений насчет выбора профессии. В одном могу вас заверить, господин барон, в нашем управлении вооружений перед Вернером открылась бы блестящая карьера, особенно если учесть тенденцию политического развития, которую вы нам изложили. Положитесь на меня, это мой долг чести!
Сговор состоялся. Студент машиностроительного факультета Вернер фон Браун был вызван из Цюриха...

Заглянуть в архиреакционный дом, где прошло детство Вернера фон Брауна, было необходимо, ибо здесь зародилась будущая карьера «ракетного барона». В биографиях Вернера фон Брауна, прошедших его личную цензуру, нет ни слова о закулисной стороне его профессии. Для обмана общественного мнения он придумал вполне невинную, но малоубедительную версию. Мол, вдохновленный своей матерью – астрономом-любителем, он построил себе телескоп и целые ночи подряд наблюдал за – Луной и Марсом. Еще тогда его потрясло величие бесконечного пространства. По словам инженера-ракетчика Гейнца Гартмана, Вернер фон Браун так живописал охвативший его восторг покорителя космоса: «Это была цель, которой можно было посвятить свою жизнь! Не только наблюдать Луну и планеты в телескоп, но и самому прорваться во Вселенную, исследовать таинственные миры! Я понял тогда, какие чувства могли владеть Колумбом»
2
.

В этой басне нет и доли правды. Безобидный примитивный телескоп занял в ней место изрыгающих смерть орудийных стволов. Вместо прусских офицеров, из винтовок, пулеметов и гаубиц стрелявших по французам, бельгийцам, англичанам, американцам, русским и даже по своим соотечественникам, появилась изящная, словно фея, матушка, любившая астрономию. Вместо опасных планов создания военных ракет появилось исследование космоса исключительно в гуманных целях.

Но гуманизм и прусско-германская мания величия с присущим ей милитаризмом – понятия несовместимые. Магнус фон Браун с типично прусским высокомерием и цинизмом говорил о людях своим сыновьям, напутствуя их в жизнь: «Люди – это добродушные бараны с инстинктом хищного зверя, готовые следовать за любым пастухом, у которого есть палка и сторожевая собака, и готовые убивать, если прикажет этот пастух»
3
.

Этот баронско-каннибальский образ мыслей свидетельствует о том, что пруссачество и милитаризм – синонимы бесчеловечности. Подобно тому как хищный волк не станет безобидным вегетарианцем, так и одержимый войной Вернер фон Браун, в жилах которого течет кровь прусских баронов-милитаристов, не станет невинной овечкой.

Грохот над Рейникендорфом

Не прошло и двух с половиной лет после торжественного празднования дня рождения Вернера фон Брауна в Обер-Визентале, как английский репортер Сефтон Делмер, часто пишуший под псевдонимами, случайно наткнулся в берлинском районе Рейникендорф на нечто весьма странное. На заброшенном пустыре стояло несколько сараев, и было похоже, что они предназначены главным образом для того, чтобы скрыть их содержимое от непрошенных глаз. Человек в замасленном халате, возившийся с конусообразным металлическим предметом, представился любопытствующему англичанину: дипломированный инженер Небель.

– Я строю для рейхсвера суперракету, – заметил он, следя за тем, какое впечатление произвели его слова на английского журналиста.
Молодой человек, стоявший рядом с Рудольфом Небелем и буквально сгоравший от нетерпения тоже представиться, щелкнул каблуками, чуть поклонился и програссировал:
– Фон Браун.

> – В один прекрасный день, – продолжал инженер, – ракеты, подобные этой, вытеснят артиллерию и даже бомбардировщики на свалку истории[4].

Вернер смотрел на своего учителя влюбленными глазами. Делмер же счел Небеля фантазером и склонен был даже злорадствовать по поводу того, что рейхсвер вкладывает деньги в столь утопические проекты. Одиннадцать лет спустя его соотечественникам пришлось на себе испытать, сколь роковым было это заблуждение.
Возможностями создания двигателя, работающего на основе принципа отдачи, уже с начала века интересовались гениальные ученые, способные инженеры, жаждущие сенсаций прожектеры, фабриканты – любители шумной рекламы и кинопродюсеры во многих странах. Ракеты были грудными младенцами того времени, и их духовные отцы с самого начала возлагали на них большие надежды.
Серьезные исследователи в своем полете мыслей намного обгоняли реальные условия, состояние производительных сил. Еще в 1895 году русский ученый К. Э. Циолковский начинает изучать проблемы создания ракет большой мощности. В 1903 году он передает изумленным специалистам свою работу «Исследование мировых пространств реактивными приборами». В ней он развивает основы теории ракетных двигателей, работающих на кислороде и водороде, которые с тех пор называют жидкостно-реактивными, в отличие от двигателей на твердом топливе. Циолковский смело стремится к полету в космос. В 1912 году он излагает свою вторую, улучшенную теорию об исследовании мировых пространств посредством ракетных кораблей. В 1915 году он предлагает проект конструкции ракеты, в котором формулирует уже свои взгляды относительно камеры сгорания ракетного двигателя, а также необходимых системах подачи топлива. Первая мировая война замедлила темпы работы этого неутомимого изобретателя ракет, занимавшегося решением больших научных задач космонавтики в мирных целях.
Однако в последний год войны стало очевидно, что в головах милитаристов во все большей мере зреют проекты создания ракет в военных целях. Так, в 1917 году 23-летний доброволец армии австрийского императора, фельдфебель санитарной службы Герман Оберт разрабатывает проект боевой ракеты длиной 25 и диаметром 5 метров, которая, работая на смеси спирта и кислорода, должна пролететь несколько сот километров и с помощью специальных автоматов сбросить на английское население 10 тысяч тонн взрывчатки. Его комментарий в этой связи был лаконичным: «Я думаю, что несколько таких ракет окажут кое-какое воздействие на Англию». В 1918 году кайзеровский офицер Рудольф Небель запускает со своего самолета-истребителя две построенные им небольшие ракеты на объекты противника. Герман Оберт, ставший тем временем румынским гражданином, в 1923 году в своей докторской диссертации «Ракета в межпланетном пространстве», базировавшейся на основных исследованиях Циолковского, объяснил принцип многоступенчатости для увеличения дальности полета ракеты.
Работы над ракетами продолжались. Герман Оберт, Рудольф Небель и Клаус Ридель производили эксперименты с ракетными двигателями. В 1930 году Небель построил в Рейникендорфе жидкостную ракету, стартом которой началась новая серия испытаний. Небель обратился к отечественным промышленникам с просьбой о пожертвованиях и пригласил американского автомобильного короля Генри Форда посетить рейникендорфский полигон, которому с целью рекламы было дано название «Первый ракетодром мира». Форд действительно приехал в октябре в Берлин. Вслед за этим американские меценаты предложили Рудольфу Небелю миллион марок, если он организует запуск тридцати ракет в США. Ракетный бизнес начал развиваться. В 1931 году группа Небеля испытала 87 малых ракет, одна из которых, «Мирак-2», поднялась на высоту 60 метров.

Группа известных ученых по инициативе лауреата Нобелевской премии физика профессора Альберта Эйнштейна выступила в 1932 году за мирное использование крупных технических проектов и за взаимовыгодный международный обмен. Эйнштейна поддержали берлинские профессора Капп и Архенхольд из обсерватории в Трептове. Было организовано общество «Пантерра», председателем которого стал профессор Капп, его заместителем – инженер Небель, третьим председателем – профессор Архенхольд.
Тем временем были созданы производственно-технические предпосылки для строительства мощных почтовых, фото– и метеорологических ракет. Были найдены легкие металлы, применяя которые можно было уменьшить вес ракет, а также жаростойкие сплавы для ракетных двигателей. В перспективе были надежные электрические, электронные и другие точные приборы для ракет, и, наконец, перестало быть проблемой производство жидкого кислорода, одного из важнейших элементов топлива ракетных двигателей. Однако развитие ракетной техники в мирных целях в Германии быстро приостановилось. Темные силы, жаждущие реванша за проигранную войну, ухватились за эту техническую новинку, находившуюся еще в зачаточном состоянии. Они хотели владеть ракетами, причем монопольно. Эта закулисная атака началась в 1929 году.
Министр рейхсвера отдал секретный приказ изучить возможности применения реактивных и ракетных двигателей в военных целях. Хотя полковник Беккер и не был светилом в науке, после этого приказа он почувствовал себя в родной стихии и в значительной степени форсировал его осуществление. Рейхсвер образовал в руководимом Беккером отделе баллистики при управлении вооружений рабочую группу по жидкостно-реактивным ракетам. На должность руководителя группы полковник Беккер пригласил весной 1930 года 35-летнего инженера-машиностроителя Вальтера Роберта Дорнбергера, которому сразу же было присвоено звание капитана. Этому откровенному милитаристу поручили создать опасное оружие уничтожения. Дорнбергер приступил к своей новой работе с большим рвением. С помощью богатого архива управления вооружений он установил, какие достижения имелись в свое время у прусских ракетных войск и кайзеровской артиллерии.
Ведь еще в 1823 году существовал прусский ракетный корпус, на вооружении которого были пороховые ракеты. 60 лет спустя этот корпус был расформирован вместе с прусскими исследовательскими бюро ракетной техники. Причиной расформирования послужило то, что точность попадания сравнительно примитивных пороховых ракет была намного меньшей, нежели созданных тем временем орудий с нарезным стволом.
В первой мировой войне кайзеровская артиллерия исчерпала свои технические возможности. Орудие, построенное на заводах Круппа и вошедшее в историю под названием «Большая Берта», обстреливало Париж с расстояния 125 километров. Снаряды калибра 210 миллиметров, имевшие заряд в 10 килограммов взрывчатки, падали на город с 40-метровой высоты. Однако вес этого орудия был огромен. Оно было нетранспортабельным, почти беззащитным во время налетов авиации и требовало слишком длительной подготовки к бою. Капитан Дорнбергер размышлял:

> «С тех пор, как существует артиллерия, военные стратеги хотели иметь идеальный снаряд, который был бы способен пролететь большее расстояние, чем любой артиллерийский. Даже когда авиация начала свое беспримерное триумфальное шествие, стратеги все равно стремились получить носитель боевого заряда, который был бы дешевле и проще в применении, нежели, скажем, бомбардировщик»
> 5
> .

С одобрения полковника Беккера Дорнбергер поставил перед собой в качестве ближайшей цели создание мощной ракеты, которая могла бы покрыть вдвое большее расстояние, чем снаряд, выпущенный из крупповской «Большой Берты» – этого самого большого орудия вильгельмовской артиллерии, и обрушить на будущего противника в сто раз большую массу взрывчатки; выражаясь языком цифр, – ракету с радиусом действия 200-300 километров и

зарядом в 1000 килограммов. Поистине, цель жизни для палача, получившего техническую подготовку за счет рейхсвера!
Дорнбергер сразу же начал подыскивать надежных помощников. Вместе с полковником Беккером он произвел смотр энтузиастам ракетного дела, которые годились бы для осуществления этой задачи.
Герман Оберт, несмотря на немецкое происхождение, в расчет не шел. Во-первых, поскольку он стал румынским гражданином и, во-вторых, из-за присущих ему ярко выраженных чудачеств: обидчивости эксцентричной примадонны и стремления к популярности.

> Было просмотрено личное дело Рудольфа Небеля: офицер кайзеровской авиации, имеет военный опыт, диплом инженера, многолетнюю практику создания ракет. Казалось, все говорило в пользу Небеля. Даже то, что в сентябре 1930 года, сразу же после того, как стало известно о новом ведомстве Дорнбергера, он обратился к командованию рейхсвера с просьбой предоставить территорию для своих экспериментов. «Мы намереваемся, – говорилось в его прошении, – расширить берлинский ракетодром и сделать его крупной испытательной станцией, с особым упором на создание военной ракеты дальнего действия...»
> 6

Отдел контрразведки рейхсвера проверил личное дело просителя и представил доклад. Вскоре Небель получил за символическую плату в размере 10 марок в год обширную площадку на территории бывшего имперского склада боеприпасов в берлинском районе Рейникендорф. Но Небель хотел строить не только военные ракеты. Он принимал активное участие в обществе «Пантерра», которое выступало за международное сотрудничество. В глазах полковника Беккера и капитана Дорнбергера, это было антипатриотично. К тому же имя и проекты Небеля весьма тщательно обсуждались во многих промышленных компаниях Германии. Ведь Рудольф Небель не видел иного пути для претворения в жизнь своей мечты о строительстве ракет, кроме как обратиться с письмом к концернам и специализированным предприятиям, выпрашивая материальную помощь. К нему стали поступать деньги, но главным образом пожертвования в виде материалов и оборудования.
Разумеется, отнюдь не альтруистически настроенные покровители требовали за это отчетов о ходе работ вообще и об использовании своих пожертвований в особенности. К тому же учитывалась слабость, которую питал Небель к патентам на свои изобретения. В кругах рейхсвера из собственной практики шпионажа слишком хорошо знали, что зарегистрированные патенты всегда являются важными сигналами для заинтересованных иностранных разведок. При мысли об этом у Беккера и Дорнбергера, привыкших к обычной для рейхсвера конспирации, волосы вставали дыбом.
Капитан Дорнбергер рекомендовал своему начальнику для участия в работе над ракетным проектом рейхсвера молодого Вернера фон Брауна, который одновременно с учебой в Берлинской высшей технической школе выполнял обязанности подсобного рабочего у Рудольфа Небеля. Ловкий юноша представлялся обоим как бы созданным для их планов: он происходил из семьи со старыми прусскими традициями; отец занимал важные посты; сам кандидат был воспитан в соответствии с отцовским тезисом: «техника – это прикладной ум, но не прикладная мораль».
Дорнбергер не упускал Вернера фон Брауна из виду уже с 1930 года. В 1932 году он рекомендовал ему баллотироваться в правление «Союза межпланетных сообщений». Таким образом управление вооружений обрело в представлявшем для него интерес официальном союзе надежного и усердного агента. 1 октября 1932 года 20-летний Вернер фон Браун был зачислен в тщательно подобранный штат управления вооружений. Какие надежды связывал тогда Дорнбергер со своим новым референтом, он рассказал позднее в интервью корреспонденту западногерманского журнала «Дер Шпигель»:

> «Мы хотели выйти наконец из области теорий, недоказанных утверждений и бесплодных фантазий. Мы были по горло сыты прожектерством в деле межпланетных полетов. Шестая цифра после запятой в расчетах траектории полета к Венере была для

нас столь же безразлична, как и вопрос об отоплении и обеспечении воздухом кабины корабля для полета на Марс»
7
.

Вскоре тем, кто, по словам Дорнбергера, занимался «прожектерством», пришлось испытать на себе всемогущую власть рейхсвера. Инженеру Альфонсу Пичу пришлось передать управлению вооружений свою конструкцию ракетного двигателя. Заявка на патент, сделанная Рудольфом Небелем, в течение пяти лет лежала неопубликованной, а за это время ее в полной мере использовали в управлении вооружений. Еще один патент Небеля рейхсвер сразу же засекретил под регистрационным номером «№ 32827 G 46 g». Публикации о ракетных проблемах немедленно исчезли с книжного рынка и частично даже из библиотек. Затем посредством судебного решения от 30 января 1933 года было разогнано международное пацифистски настроенное общество «Пантерра». Рейхсвер добился того, что на любое исследование в области ракет требовалось разрешение государства; но разрешения просто не выдавались. Алчные руки германских милитаристов задушили ракетное производство в мирных целях.
В то время как чертежи, образцы материалов, патентные описания и лицензии исчезали в сейфах рейхсвера, управление вооружений в год поступления туда Вернера фон Брауна предприняло серию секретных испытаний на закрытых полигонах в Мюнхене, Меппене, Штольпе и Бритце.

Знатный гость на Куммерсдорфском полигоне

– Ваше превосходительство, позвольте предложить Вам кресло! Господин капитан Дорнбергер уже уведомлен. Обещал тотчас прийти.
Дежурный офицер караульной службы обер-лейтенант Шнеллер на сей раз старался быть гостеприимным. Обычно он неукоснительно выполнял приказ выпроваживать всех нежелательных лиц и строго следить за тем, чтобы они поскорее убрались. Но министра в отставке Магнуса фон Брауна здесь отнюдь не считали нежелательным гостем. Наоборот, влиятельный барон в этот день раньше обычного закончил изучение биржевых курсов в своей берлинской конторе на Кёнигин-Аугуста-штрассе, чтобы навестить сына на полигоне в Куммерсдорфе.
Куммерсдорфский полигон, находившийся в тридцати километрах к югу от Берлина, строго охранялся рейхсвером. Заборы из колючей проволоки, сигнальные устройства, щиты с черепом на скрещенных костях, часовые с собаками охраняли территорию, где не переставая раздавались взрывы. Рейхсвер испытывал здесь новые взрывчатые вещества, мины, дистанционные трубки и орудия.
В этой запретной зоне особенно тщательно охранялась «Испытательная станция Вест». Даже офицеры и специалисты, работавшие на Куммерсдорфском полигоне, не должны были знать, что происходило на этой экспериментальной базе, занимавшей площадь немногим больше квадратного километра.
У куммерсдорфской колючей проволоки утратила силу статья 168 Версальского мирного договора, в которой говорилось, что «изготовление оружия и всякого военного снаряжения в Германии может производиться лишь на заводах, месторасположение и число которых одобрено главными союзниками». Американцы, англичане, французы и итальянцы не должны были знать, что творит рейхсвер среди редкого сосняка на земле Бранденбурга. И обер-лейтенант Шнеллер считал своим долгом внести в это свою лепту.
Капитан Дорнбергер вошел в караульное помещение и, вытянувшись, четко отрапортовал Магнусу фон Брауну. От молодого Вернера он знал, что его отец придает большое значение почестям, приличествующим занимаемому им положению. А с впечатлением, которое вынесет Магнус фон Браун от «Испытательной станции Вест», в кругах рейхсвера связывали чрезвычайно большие надежды. Правда, барон, которому только что исполнилось 55 лет, несколько месяцев тому назад вышел в отставку с поста имперского министра продовольствия

и сельского хозяйства в кабинете Папена. Но чем бы он ни занимался, милитаризация, как гарантия империалистической политики Германии, всегда была близка его сердцу.
По дороге в запретную зону капитан Дорнбергер извинился за тряску. Последний отрезок пути барону пришлось проделать даже пешком, так как шоферу доступ на «Испытательную станцию Вест» был запрещен.
Полковник Беккер вышел приветствовать почетного гостя. За ним следовал сын экс-министра. 29-летний начальник группы развития Куммерсдорфской станции Курт Вамке вежливо поклонился отцу своего коллеги. Затем Беккер поочередно представил ему богатырски сложенного инженера Вальтера Риделя, техников Артура Рудольфа, Генриха Грюнова и Феллымекке.
Капитан Дорнбергер, явно волнуясь, дал кое-какие пояснения. Тем временем его подчиненные закончили последние приготовления к огневым испытаниям. Тяжелые чугунные двери командного блиндажа были задраены. Фон Браун-старший, полковник Беккер и капитан Дорнбергер подошли к заделанной толстым стеклом смотровой щели и надели защитные очки. В наступившей тишине было слышно лишь тикание часов.
Внезапно раздался адский рев. Из закрепленного конусообразного сопла вырвался огромный столб огня. На сей раз Вернер фон Браун наблюдал больше за тем, какое впечатление произвело испытание на его отца, нежели за многочисленными стрелками, прыгавшими на разного рода приборах. Не прошло и десяти секунд, как все кончилось. Магнус фон Браун был потрясен. Он чувствовал, что здесь, в Куммерсдорфе, возникает нечто грандиозное, такое, что в один прекрасный день сможет здорово помочь Германии осуществить мечты о мировом господстве. Барон дал слово своим собеседникам оказать им всяческую поддержку в получении денежных средств. Свое обещание он выполнил без особого труда, поскольку был тесно связан с коричневой финансовой олигархией. И хотя замешанный в нескольких скандалах с коррупцией фон Браун-старший вынужден был недавно уйти в отставку, это никоим образом не повлияло на его связи с власть имущими. Он по-прежнему оставался членом правления Рейхсбанка, где определялся курс германской финансовой политики.

После визита в Куммерсдорф Магнус фон Бран вел себя в правлении банка как одержимый и при каждом удобном случае выступал за увеличение военных расходов. В 1933 году расходы фашистской государства на вооружение составили 1,9 миллиарда рейхсмарок. К 1938 году прямые военные расход возросли уже до 18,4 миллиарда марок, а сумма, вложенная Гитлером с момента его прихода к власти в вооружение, достигла – даже по официальным данным – более 40 миллиардов марок
8
. Результатом такой политики, продиктованной капиталистическими классовыми интересами и жаждой наживы, были горы убитых, масса искалеченных, руины и нищета.

Диссертация с грифом «совершенно секретно»

Гора книг была объята пламенем. Печатные страницы съеживались в огне и превращались в пепел. Но костер непрерывно получал все новую пищу. Одетые в коричневую форму молодчики целыми корзинами швыряли в огонь книги, изъятые ими во время облав и обысков. Фашисты расправлялись с лучшими творениями человеческого ума. Отсвет пламени падал на здание берлинского Университета Фридриха-Вильгельма. Гитлеровские банды глумились над величайшими достижениями науки и культуры.
Лауреат Нобелевской премии профессор Альберт Эйнштейн покинул Германию. Вместе с ним, спасаясь от погромов, бежали за границу тысячи ученых и студентов. Покинуть страну были вынуждены писатель Томас Манн и сотни других гуманистов. Штурмовики, подбадриваемые бесноватыми антисемитами, ради потехи заставляли ученых-евреев чистить сапоги и мостовые зубными щетками.
Университет Фридриха-Вильгельма был одним из первых, откуда демократы и пацифисты были изгнаны сразу же после прихода Гитлера к власти. Их места заняли новые люди, с

хорошей военной выправкой, явно стремившиеся выдвинуться на передний план. В числе преподавателей оказался и инженер доктор Карл Эмиль Беккер, артиллерийский полковник, сотрудник управления вооружений сухопутных сил и доцент Берлинской высшей технической школы. Он читал для студентов университета курс «Общей военной техники». Беккеру присвоили звание профессора и, кроме того, его избрали в совет «Общества содействия науке имени кайзера Вильгельма». Начальник отдела исследований управления вооружений генерал-майор доктор философии Эрих Шуман взял на себя руководство 2-м физическим институтом Университета Фридриха-Вильгельма. Профессор доктор медицинских наук Беренс ввел в качестве обязательного предмета курс «Боевые отравляющие и родственные им вещества», а его коллега по факультету доктор Шум преподавал «военную хирургию». Из семестра в семестр увеличивалось число «военно-научных» лекций и семинаров. Уже в 1933 году появились физики, химики, медики и инженеры всех специальностей, которые разрабатывали и преподавали теорию и практику применения средств массового уничтожения. Цель их упорной работы была указана обуянным манией величия «фюрером» в его книге «Майн кампф». В этих условиях не было недостатка и в политической дрессировке студентов, принятых на учебу согласно установленным нацистами правилам. Ректором университета Фридриха-Вильгельма стал профессор доктор медицины Эуген Фишер, который одновременно занимал пост директора института антропологии и наследственности имени кайзера Вильгельма. Этот законченный фашистский фанатик-расист непрестанно болтал о превосходстве германской расы, о неполноценности всех остальных людей и о призвании нацистов взять на себя руководящую роль в мире. В этом его поддерживал профессор Иоганн Баптист Рифферт, читавший лекции о «темпераменте и характере применительно к национальности и обороноспособности». Военно-политический институт при берлинском университете, возглавлявшийся полковником бароном Оскаром фон Нидермайером, походил на школу по подготовке рыцарей-грабителей и разбойников. На своих «занятиях по военной географии и военной политике» он прививал студентам знания, которые нужны были будущим фашистским оккупантам. Нацисты и милитаристы наплевали на Версальский мирный договор, который недвусмысленно запрещал военные занятия в учебных заведениях, университетах, в спортивных и других обществах.

В то самое время, когда фашисты и их ученые единомышленники глумились над прогрессивными учеными и растоптали Версальский мирный договор, началось беспримерное в истории Германии вырождение науки, поставленной на службу империализму и милитаризму. Тысяча семьсот пятьдесят ученых самых различных областей науки вошли в руководящую клику черного ордена – СС. Среди этих представителей «расы господ» с высшим образованием вращался и студент Университета Фридриха-Вильгельма Вернер фон Браун. Карл Эмиль Беккер и здесь взял его под свое покровительство.

Молодому барону нравились лекции по баллистике, которые читал полковник Беккер. Но мысли его вертелись при этом вокруг ракеты, которая летела бы быстрее звука и, доставив 1000 килограммов взрывчатки в заранее намеченный пункт, причинила бы невиданные разрушения. Посредством таких ракет, думал Вернер фон Браун, можно было бы окончательно расправиться с «неполноценными» народами, окружавшими Германию.

Прошел год, и профессор Беккер решил, что его любимцу пора получить степень доктора. Отношение к докторанту Вернеру фон Брауну, начиная с определения темы диссертации и кончая ее «защитой», ясно показывает, какой степени проституирования достигла немецкая наука уже в 1934 году.

16 апреля 1934 года Вернер фон Браун вручил профессору Беккеру рукопись диссертации под довольно туманным заглавием «Конструктивный, теоретический и экспериментальный вклад в проблему жидкостной ракеты». Уже само введение к докторской диссертации, остававшейся засекреченной в течение десятилетий, в пух и прах разбивает легенду о том, что Вернер фон Браун лелеял тогда мечты о космических полетах. Вот что говорилось в этом введении:

> «Применение ракетного принципа в артиллерии восходит к гораздо более ранним временам, чем применение орудий. И если все же ствольная артиллерия почти полностью вытеснила ракеты в прошлом веке, то объясняется это главным образом двумя причинами:
> 1) в результате использования бездымного пороха артиллерии удалось значительно превзойти начиненные черным порохом ракеты по дальности стрельбы;

2) новые нарезные орудийные стволы, придававшие снаряду вращательное движение, обеспечивали гораздо большую точность попадания, чем та, которая достигалась обычными ракетами.

Тем не менее, ракета имеет большие преимущества по сравнению с орудием. Отсутствие высокого давления на стенки ствола, а также отдачи позволяют запускать даже большие ракеты с совсем легких стартовых столов. К тому же посредством ракет можно, по крайней мере теоретически, достигнуть любой высокой конечной скорости.

Следовательно, если хотят воспользоваться преимуществами ракет, необходимо ликвидировать их недостаток по сравнению со ствольной артиллерией, т. е. превзойти ее по дальности стрельбы и устойчивости снаряда в полете. Увеличение дальности стрельбы ставит перед нами, во-первых, термодинамическую проблему выбора целесообразного высококачественного в энергетическом отношении ракетного топлива и, во-вторых, задачу создания легких ракет. Напротив, повышение устойчивости в полете и тем самым точности попадания ракеты при активном управлении посредством гироскопов является в первую очередь задачей точной механики.

Между тем пороховая ракета уже настолько усовершенствована, что удовлетворяет как в отношении ее термодинамического режима, так и точности попадания. Поскольку, кроме того, она предельно проста в производстве и обслуживании, она уже сейчас может заменить артиллерию в пределах дальности своей стрельбы. Если же необходимо преодолеть большие расстояния, чем это возможно сейчас, возникает трудность, связанная с тем, что почти нельзя увеличить время работы двигателя пороховой ракеты при сохранении мгновенной мощности.

Возможность на сколько угодно продлить время работы двигателя и притом еще значительно превзойти мгновенную мощность пороховой ракеты обеспечивается ракетой с жидкостно-реактивным двигателем. Физика учит, что при использовании большинства углеводородов в смеси с жидким кислородом тепловой эффект горения значительно выше образующегося при сгорании самых эффективных видов пороха.

> В соответствии со свойствами жидкого топлива конструкция ракет с жидкостно-реактивным двигателем должна почти во всем отличаться от конструкции пороховой ракеты... Поэтому едва ли вероятно, что жидкостно-реактивная и пороховая ракеты когда-нибудь вступят в соревнование друг с другом. Жидкостно-реактивную ракету никогда не удастся сделать столь же простой в производстве и обслуживании, как пороховую. Ценность жидкостно-реактивной ракеты состоит в ее способности преодолевать максимальные расстояния, а это оправдывает большой объем работ по ее производству... Предлагаемую работу следует рассматривать лишь как вклад в решение физических и конструкторских задач с целью создания жидкостно-реактивной ракеты, пригодной в баллистическом отношении...»
> 9

В диссертации Брауна, таким образом, разрабатывалась проблема, имевшая огромное значение для гитлеровского вермахта. И если в некоторых странах НАТО периодически приукрашивают цель исследований нынешнего хантсвилльского ракетчика, то объясняется это лишь тем, что он либо просто скрыл от придворных биографов свою первую работу, определившую его карьеру, либо они умышленно не обратили на это никакого внимания.

Но еще рано ставить точку. Весьма примечательны также обстоятельства «защиты» этой диссертации.

21 февраля 1934 года полковник Беккер в сопровождении капитана из отдела военной разведки – «абвера» появился в квартире профессора Вильгельма Хорна, декана философского факультета Университета Фридриха-Вильгельма. Специальностью лингвиста Хорна была английская литература. Поздоровавшись, Беккер сразу же объяснил, что он рассчитывает на помощь Хорна в защите диссертации, содержание которой в интересах государства должно быть сохранено в строжайшей тайне. Некоему кандидату следует присвоить ученую степень доктора философских наук, причем ни профессорско-преподавательский состав философского факультета, ни тем более студенты не должны ничего об этом знать.

Пока Беккер говорил, капитан «абвера» по профессиональной привычке осматривал кабинет хозяина дома. Хорн выразил сомнение по поводу такого необычного предложения. В довольно раздраженном тоне Беккер заметил, что командование рейхсвера уже получило согласие ректора университета. 27 июня 1934 года 23-летнему Вернеру фон Брауну был вручен диплом, утверждавший его в ученом звании «доктор философии». На дипломе стояли подписи ректора Фишера и декана Хорна, хотя никто из них никогда не видел ни одной строчки из диссертации. Таким образом, докторскую степень Вернеру фон Брауну присвоил фактически рейхсвер. Не случайно, что один из его рейхсверовских покровителей, генерал-майор Шуман, приказал немедленно докладывать в отдел военной контрразведки рейхсвера о каждом человеке, который будет осведомляться о работе Брауна. Но суть была, конечно, не в секретности, что тоже, разумеется, играло не последнюю роль, а главным образом в том, чтобы скрыть от общественности антигуманный характер брауновского творения. Это гнусное дело также является частью тайны Хантсвилла, до сих пор столь строго хранимой в странах НАТО. Характерно, что позднее Вернер фон Браун был произведен еще и в «доктора естественных наук».

К чему такая фальсификация? Ларчик открывается просто: Вернер фон Браун всеми средствами добивается репутации ученого-естествоиспытателя, который проводит исследования, имеющие общеполезное значение. Но таким Вернер фон Браун никогда не был. Он, который утверждает, будто серьезно занимается проблемами межпланетных сообщений, даже не упомянул в своей так называемой докторской диссертации всемирно признанные труды Циолковского в области межпланетных сообщений и ракетной техники. Гениального Циолковского Вернер фон Браун причислял к «неполноценной» расе, которая не способна на какие бы то ни было творческие достижения. Это внушали ему и дома, и в школе, и в университете.

Первая жертва

Солнце приближалось к горизонту. На землю Пруссии опускался душный летний вечер. На Куммерсдорфском полигоне царила нервозность. Гудели насосы. Из зоны безопасности выехала небольшая заправочная машина.

Доктор Курт Вамке возлагал особые надежды на эти часы суток. Уже более года он входил в ракетную группу Дорнбергера и, несмотря на свои 30 лет, был в ней одним из самых старых. Благодаря профессору Беккеру почти полгода назад, 28 февраля 1934 года, в управлении вооружений Вамке также вручили диплом о присвоении ему степени доктора философии за такую не имеющую отношения к этой науке работу, как «Исследования истечения газов через цилиндрические сопла».

В этот день, 16 июня 1934 года, он должен был на практике подтвердить некоторые из своих теоретических выкладок. По этому случаю собралась вся группа, чтобы по традиции распить бутылку доброго шампанского за успех предстоящего дела. Вамке развеселил общество «соленым» анекдотом. Так уж было заведено в Куммерсдорфе. Затем все разошлись. На ракетную площадку «Испытательной станции Вест» Вамке взял с собой только двух помощников. Остальные отправились собирать полевые цветы, чтобы через несколько минут, по обычаю, с поздравлениями преподнести их руководителю испытаний. Но на сей раз все получилось иначе.

Шум запущенного ракетного двигателя внезапно замолк. В небо взметнулось облако пыли, смешанной с ярко-желтым дымом. Только пронзительный вой ручной сирены вывел из оцепенения людей, собиравших цветы. Что-то случилось. Что-то очень страшное. Не перекинется ли огонь на стоящие поблизости баллоны с газом? Можно ли уже подойти к месту катастрофы? Сначала робко, но потом все быстрее побежали они к ракетной площадке. Клубы густого дыма ударили им в лицо. Когда сквозняк рассеял дым, они увидели трех испытателей, лежавших на земле. Пока принесли кислородные приборы, прошли драгоценные минуты. Двоим приборы понадобились. Третий не подавал признаков жизни, и только из разбитого черепа продолжала фонтаном бить кровь. Доктор Вамке был мертв. Первой жертвой немецкой боевой ракеты стал один из ее создателей, один из тех, кого, как и Дорнбергера, не

интересовала «шестая цифра после запятой в расчетах траектории полета к Венере». Куммерсдорф и управление вооружений получили первое предупреждение.
Вернер фон Браун отнесся к гибели Вамке со смешанным чувством. Хотя его и связывала с Куртом общая цель, но, с другой стороны, он чувствовал его превосходство, которое было следствием разницы в возрасте и более солидной подготовки Вамке.
Теперь на пути головокружительной карьеры фон Брауна остался лишь один потенциальный конкурент: дипломированный инженер Рудольф Небель, человек с многолетним опытом. От него нужно было во что бы то ни стало избавиться.
Небель, учивший в свое время студента Вернера азбуке ракетной техники, ничтоже сумняшеся был объявлен евреем. На него посыпались удар за ударом. В конце 1934 года нацисты на основании настоятельной рекомендации управления вооружений запретили Небелю продолжать частные исследования в ракетной области. Когда Небель отказался выпустить из рук свои патенты, им сразу же занялось гестапо. Шесть месяцев его продержали в застенках государственной тайной полиции в Берлине, а затем отправили в концентрационный лагерь Бауцен. Невесту Небеля Герту Имбах бросили в тюрьму и в конце концов умертвили в лагере смерти Освенцим (Аушвиц). Небелю вдобавок предъявили обвинение в том, что он сотрудничал с профессором Альбертом Эйнштейном, или, выражаясь на жаргоне нацистов, «пактировался с евреем – человеком низшей расы».
Клаус Ридель, партнер Небеля по изобретениям, почуявший, куда дует ветер, бросил своего учителя на произвол судьбы и примкнул к колонне «чисто арийских» ракетчиков.

> Вернер фон Браун посмеивался в кулак. Интрига развивалась по заранее разработанному плану. Ведь он принадлежал к «расе господ», был отпрыском прусского феодального рода, испокон веков мыслившего и действовавшего в антисемитском духе. Впавшие в сословное и расовое чванство дворянские круги уже давно вступили в ряды СС – кровавый черный орден нацистов. В офицерский эсэсовский корпус входили к тому времени 260 выходцев из дворян, в их числе 7 принцев и 59 баронов. В СС вступили, например, Гогенцоллерн-Эмден, фон Мекленбург, фон Шаумбург-Липпе, фон Вальдек-Пирмон, фон Бюлов, фон Харденберг, фон Врангель, фон Цастров, фон Витцлебен-Вурмб. В двухстах шестидесяти случаях приставка «фон» стояла перед чинами обер-группенфюрер СС, группенфюрер СС, бригадефюрер СС, оберфюрер СС, штандартенфюрер СС, обер-штурмбанфюрер СС, штурмбанфюрер СС[10]. Правоэкстремистское великогерманское дворянство услужливо группировалось вокруг Гитлера и Гиммлера. Среди них были и фон Брауны.

Обервизентальский барон Магнус фон Браун постоянно вертелся в окружении рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и, уже будучи в преклонном возрасте, все еще сожалел, что ему довелось лишь один раз разговаривать с этим кровавейшим из палачей всех времен. Он с благоговением вспоминал об этой встрече. Однако фон Браун-старший благоразумно умалчивал о том, что его сын Вернер с 1933 года носил черную форму 4-го кавалерийского эскадрона 6-го полка СС. Арийцы Брауны установили отличные отношения с новыми властителями в коричневой и черной форме. С их помощью они убрали с дороги Рудольфа Небеля. Позднее Вернер фон Браун пытался скрыть свою подлость. Он направил в мюнхенский суд заверенное в начале 1961 года алабамским нотариусом М. Уилборном заявление, в котором писал:

> «Я считал, что Небель не подходит для выполнения задач, поставленных перед нами в Пенемюнде. Его организаторские способности и умение обеспечить финансовую помощь я всегда ценил гораздо выше, чем его чисто научно-технические качества. Тот факт, что он был поистине силен не как технический специалист, а как человек, умевший продвинуть дело, сгладить неудачи и провести необходимую подготовку, ничуть не умаляет его заслуг»[11].

Если поверить этому, то ни один ангел не был столь же чист, как Вернер фон Браун. Он утверждал, будто его первый учитель не попал в пенемюндскую группу только потому, что научно-техническая квалификация Небеля была недостаточной. При этом он ни словом не обмолвился о той роли, какую сыграло семейство Браунов в интриге против Рудольфа Небеля. Профессор Герман Оберт в свою очередь не был допущен к ракетным исследованиям в Германии. Это также было весьма кстати Вернеру фон Брауну, так как его знаний и опыта не хватило бы, чтобы конкурировать с Обертом. Хотя Оберт, находившийся в далеком румынском городишке Медиаш, умолял разрешить ему принять участие в конструировании военной ракеты, его не привлекли к этому делу. Отдел управления вооружений сухопутных сил, которым руководил друг семьи Браунов полковник Беккер, счел, что «Оберт, поскольку он является румынским гражданином, не может быть допущен к участию в работах, проводимых под строжайшим секретом».
Следуя в траурной процессии за гробом Курта Вамке, Вернер фон Браун отчетливо сознавал, какой он сделал важный шаг вперед. Вамке везли на кладбище. Небель был по дороге в тюрьму, Оберт – за границей. Путь, в конце которого фон Браун собирался подарить Гитлеру боевую ракету, был свободен.
Участник тогдашних событий Рудольф Лузар писал о взаимосвязи между приходом фашистов к власти, началом работ над ракетным оружием и политикой гитлеровцев по подбору кадров:

> «К систематической работе приступили примерно в 1933 году, когда в лице молодого ученого доктора Вальтера Дорнбергера (доктором он стал только в 1935 г. – Ю. М.) был найден человек, способный выполнить эту гигантскую задачу. По планам Дорнбергера и его сотрудника Вернера фон Брауна (позднее он стал профессором) в этом же году была построена ракета («А-1»), оказавшаяся, однако, не вполне пригодной»
> 12
> .

Но это было только начало. В 1936 году Гитлер приказал передать 24-летнему Вернеру фон Брауну, недозревшему в научном отношении, но зато вполне надежному с точки зрения нацистской политики, техническое руководство рискованнейшим проектом того времени и крупнейшей базой для испытания смертоносного оружия.

На «запретном острове»

«Рождественские дни 1935 года я провел в имении отца в Силезии, – писал в своих мемуарах Вернер фон Браун. – Однажды я мимоходом заметил, что ищу подходящее место для испытательной станции на побережье. Мать напомнила мне о Пенемюнде. Еще мой дед стрелял там диких уток! Я поехал посмотреть эту местность. Она мне понравилась с первого взгляда». Вскоре на северной оконечности острова Узедом, там, где до самого горизонта видно Балтийское море, грохот строительных механизмов стал заглушать крики чаек и кряканье уток. Птицы были почти единственными живыми существами, которые могли приближаться к этой территории. Часть Узедома к северу от Цимица, Лютова и Цемпина была объявлена запретной зоной. Вермахт, полиция и служба безопасности наглухо отгородили ее от внешнего мира. Вальтер Дорнбергер, которому к тому времени присвоили звание майора, принял на себя военное руководство, Вернер фон Браун – техническое. Рыбацкая деревушка Пенемюнде, расположенная на западной стороне самой северной части острова, дала свое имя созданной здесь гигантской испытательной станции.

Пенемюнде с самого начала поглощала огромнейшие суммы, которые выкачивались из немецкого народа. Но об этом «ракетный барон» вспоминать не любит. Адельберт

Бервольф, один из тех, кто делает ему рекламу, пишет: «О Пенемюнде фон Браун говорит мало, он очень гордится своим американским гражданством»
13
.

Германия лихорадочно вооружалась. Она готовилась к тому, о чем объявил Гитлер в своей книге «Майн кампф». Уже в 1936/37 бюджетном году нацисты вложили непосредственно в вооружение 5,8 миллиарда марок. Те, кто привел фашистов к власти, стали получать прибыль, в десятки раз превышавшую их субсидии нацистской партии. Гитлер возлагал большие надежды на новое оружие, которое было ему необходимо для достижения далеко идущих захватнических целей. Представители сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил спешили вытащить из объемистых сейфов хранившиеся там проекты оружия. Докладывая о них, каждый из родов войск расхваливал свой вид оружия как такое, которое лишь одно способно решить исход войны.
С помощью профессора Беккера, произведенного в генерал-лейтенанты и работавшего в имперском военном министерстве, Вернер фон Браун обеспечил себе в этом соревновании поддержку со стороны тех, кто распределял деньги на вооружение. В марте 1936 года майор Дорнбергер и конструктор Вернер фон Браун уговорили главнокомандующего германскими сухопутными силами генерал-полковника Вернера фон Фрича присутствовать при испытании ракетного двигателя на полигоне в Куммерсдорфе. Фрича сопровождал начальник отдела исследований в геринговском министерстве авиации Вольфрам фон Рихтгофен. Было предусмотрено все, чтобы произвести наибольшее впечатление. И действительно, фанатичный артиллерист фон Фрич был поражен.

На традиционном после испытаний торжестве обменивались мыслями относительно форм и возможностей применения боевой ракеты. Фон Фрич уехал, пообещав, как писал позднее Дорнбергер, «полную поддержку, при условии, что мы используем деньги для того, чтобы на основе ракетного двигателя сделать пригодное оружие»
14
.

В Берлине фон Рихтгофен немедленно доложил об этом своему шефу, генералу авиации Альберту Кессельрингу. Вслед за тем представители ВВС сообщили своим коллегам из сухопутных сил о готовности принять участие в осуществлении пенемюндского проекта. Организационная сторона дела продвигалась очень быстро, почти без осложнений. Уже 2 апреля 1936 года уполномоченный Геринга заключил с бургомистром Шольцем фон Вольгастом предварительное соглашение о покупке пенемюндского леса за 750 тысяч марок. В июне 1936 года договор был оформлен окончательно. Первая лопата земли была вынута в августе. В этом же году Гитлер ассигновал на ракетные планы Вернера фон Брауна 20 миллионов марок. Всего, согласно запросам фанатичного ракетчика, на строительство сооружений в пенемюндской запретной зоне было затрачено 300 миллионов марок.
У Вернера фон Брауна, имевшего в Куммерсдорфе 90 сотрудников, в Пенемюнде в подчинении находилось порой около 20 тысяч рабочих, ученых, конструкторов и инженеров.
Тайный центр ракетчиков разрастался по тщательно разработанным планам. В сосновом лесу были построены заводские цехи. На самой северной оконечности острова возникли аэродром, стартовые площадки и катапульта для управляемых ракет. Эта часть острова имела двойное ограждение, подобное куммерсдорфскому. Пройти сюда могли лишь те, у кого был специальный пропуск с фотокарточкой, причем цвет пропуска периодически менялся.
Неподалеку от аэродрома расположилась «Испытательная станция военно-воздушных сил верк Вест». «Испытательная станция сухопутных сил Пенемюнде верк Ост» помещалась в двух километрах юго-восточнее. С юга, вдоль восточного побережья запретной зоны, к ней примыкали «Станция серийных испытаний – Зюд» и городок, где жили ученые и технический персонал. Южнее озера Кельпинзее в направлении поселков Карлсхаген и Трассенхейде были сооружены кислородный завод, испытательные стенды и несколько жилых бараков. На построенных ускоренными темпами заводских железных дорогах и автострадах ни днем ни ночью не прекращалось интенсивное движение. В это же время на материке, в четырех

километрах западнее деревни Шпандоверхаген, возводилась мощная радиостанция направленного действия.
На нацистов работали лишь тщательно отобранные и особо охранявшиеся трудовые батальоны «Организации Тодта», инженеры-строители и землемеры. Когда рабочих рук не хватало, привозили заключенных из концентрационных лагерей.

В числе тех, кого намного раньше других посвятили в пенемюндский проект, был 43-летний артиллерийский капитан запаса Генрих Любке[15]. Магнус фон Браун хорошо знал Любке. Он выступал в качестве управляющего и компаньона дипломированного инженера Вальтера Шлемпа, чья архитекторская контора размещалась в доме № 6 по Бельвюштрассе в Берлине. «Строительную группу Шлемпа» создатель новой имперской канцелярии, в дальнейшем имперский министр вооружения и военной промышленности Альберт Шпеер зачастую привлекал для выполнения самых выгодных с финансовой точки зрения фашистских проектов строительства военных объектов.

Уже вскоре над головами строителей со страшным скрежетом и визгом начали проноситься тяжелые реактивные снаряды. Шум двигателей ракет серии «А» и стартовых ускорителей для перегруженных бомбами самолетов типа «Юнкерс-50», «Хейнкель-112» и «Хейнкель-176» нарушал тишину балтийского побережья. «Военно-воздушные силы требовали, чтобы мы построили ракетоплан, и позднее, предложили нам для работы над ним пять миллионов марок»[16], – выболтал однажды Вернер фон Браун.

Все новые и новые группы принудительно завербованных специалистов прибывали в святая святых Вернера фон Брауна из концернов «ИГ Фарбениндустри», «Рейнметалл – Борзиг», «Сименс», «АЭГ» и «Телефункен». Ведь уже за год до начала работ в Пенемюнде было решено, что одними исследованиями дело не ограничится. Вермахт требовал ракетного оружия, которое превзошло бы артиллерию по дальности действия. Этому требованию должна была отвечать ракета «А-4»[17]. Она была не единственной боевой ракетой, над которой упорно работал Вернер фон Браун. Порой он испытывал до четырех различных типов ракет одновременно.

Ну, а кто стоял в этом деле бок о бок с Вернером фон Брауном и за его спиной? По мере того как росло число немецких ученых, инженеров, техников и рабочих-специалистов, привлеченных к осуществлению пенемюндской программы, изменялось и их политическое лицо. Не каждый из них сознавал с самого начала, что он служит целям преступной войны. В результате мер по соблюдению секретности большинство сотрудников не имело даже представления, над чем они, собственно, работают. Тем более, что кроме специалистов, находившихся на Узедоме с семьями, ракетной программой фон Брауна были заняты также десятки лабораторий при концернах, почти все технические исследовательские учреждения и несколько специальных конструкторских бюро гитлеровской Германии.
Рассказы десятков очевидцев и списки личного состава пенемюндского исследовательского штаба, который называли порой «легендарным», позволяют подразделить его на три категории с соответственно различной долей ответственности за создание гитлеровских ракет.
Прежде всего это была бессовестная клика, непосредственно окружавшая Дорнбергера и фон Брауна. Затем шел более широкий круг немецких ученых и практиков, которых часто подстегивал ажиотаж экспериментаторов. Они честно трудились, многое делали и вдруг обнаруживали, что результаты их труда используются для неправого дела. Кое-кто из них сравнительно быстро распознал преступный характер фашистской ракетной программы, но не находил в себе мужества прекратить участие в ней. Последнюю, третью категорию составляли

те, кому пришлось выбирать между отправкой на фронт и участием в так называемых «необходимых с военно-хозяйственной точки зрения исследованиях». Эти люди предпочли фронту сравнительно безопасную жизнь и работу в пенемюндском «оазисе». Со временем эта группа стала самой многочисленной. В одном только 1939 году главнокомандующий сухопутными силами вермахта генерал-полковник Вальтер фон Браухич отозвал из действующей армии 4 тысячи технических специалистов и под кодовым наименованием «Испытательная команда Норд» направил их для работы над ракетной программой.
Насколько неоднородной была брауновская исследовательская группа, настолько различными были и интересы ее участников. Проект по-настоящему увлек лишь несколько сот человек. Да и то главным образом индивидуалистов, вскормленных различными концернами. В большинстве своем это были молодые члены гитлеровской партии, стремившиеся к личной карьере, или же люди, завербованные с помощью весьма щедрых подачек.
Пенемюндская верхушка вербовала через «Имперский исследовательский совет» ученых и, ставя новые задачи перед всеми тридцатью институтами «Общества кайзера Вильгельма», способствовала их милитаризации. В списке тех, кто получал заказы из Пенемюнде, были берлинский «Немецкий исследовательский институт аэронавтики», «Исследовательский институт техники ракетоплавания» в Трауэне и «Институт Германа Геринга» в Брауншвейг-Фелькенроде. Институты, занимавшиеся исследованиями в области аэронавтики, в течение нескольких месяцев в шесть раз увеличили свои штаты. Если в 1933 году расходы этих учреждений составили 3 миллиона марок, то в 1939 году они истратили почти 34 миллиона марок.

Непосредственное окружение Вернера фон Брауна состояло из убежденных фашистов – ученых. К ним относились швабский инженер Эберхард Реес, которого фон Браун назначил в Пенемюнде директором завода, и один из главных конструкторов инженер Вальтер Ридель. Над ракетными двигателями и их оборудованием работали главным образом кильский профессор Гельмут Вальтер, член нацистской партии доктор Вальтер Гиль и инженеры Артур Рудольф и Пельман. В группу доктора Рудольфа Германа, начальника лаборатории аэродинамической трубы и референта армейского управления вооружений, входили активные сторонники «блицкрига» инженеры Герман Курцвег и Людвиг Рот. Расчеты траекторий для ракет производили баллистики доктор Штойдинг и доктор Штулингер[18].

Исследования материалов и ракетного топлива входили в компетенцию руководителя группы из концерна «ИГ Фарбениндустри» доктора Фрица Гаевского[19]. Профессор доктор Карл Вагнер[20] из Высшей технической школы в Дармштадте был для Вернера фон Брауна надежным поставщиком кадров.

К ученым, группировавшимся вокруг Вернера фон Брауна и дискредитировавшим науку, примыкали военные, такие, как Вальтер Дорнбергер, которого периодически повышали в чине, генерал-майор Вольфганг фон Шамье-Гличинский, генерал-майор Мец, полковник инженер Цанссен, подполковник Циппелиус, майор Том и штабной авиационный инженер, руководитель группы Цейсе.

Безумные планы

5 ноября 1937 года Гитлер вызвал руководителей вермахта в имперскую канцелярию. В 16.15 в малом зале заседаний собрались имперский военный министр генерал-фельдмаршал фон

Бломберг, главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник фон Фрич, главнокомандующий военно-воздушными силами генерал-полковник Геринг, главнокомандующий военно-морскими силами генерал-адмирал Редер и имперский министр иностранных дел барон фон Нейрат. За отдельным столиком занял место секретарь – полковник генерального штаба Хоссбах.
На этом совещании Гитлер изложил присутствующим свою военную программу. Полковник Хоссбах записал в протоколе:

> «Вначале фюрер констатировал, что тема сегодняшнего совещания имеет такое значение, что в других государствах она обсуждалась бы на заседании правительства. Однако именно в связи с исключительным значением данного вопроса он, фюрер, не хочет делать его предметом дискуссии на широком форуме имперского кабинета. Все, что он скажет дальше, является результатом глубоких размышлений и опыта, накопленного им за четыре с половиной года пребывания у власти...
> Существует только один путь решения германской проблемы – с помощью силы, а он всегда связан с риском... Если пойти на риск и решиться на применение силы, то остается лишь ответить на вопросы «когда» и «как»...
> Вариант 1: Период между 1943 и 1945 гг.
> После этого следует ожидать изменения обстановки не в нашу пользу.
> Вооружение армии, военно-морских и военно-воздушных сил и подготовка офицерского корпуса почти завершены. Материальная часть и оружие отвечают современным требованиям, дальнейшая оттяжка влечет за собой опасность того, что они устареют.
> Сохранение в тайне „оружия особого назначения“ надолго обеспечить не удастся...».

Следовательно, уже тогда Гитлер рассчитывал на «оружие особого назначения», то есть на ракеты.
Тем временем с маленького острова Грейфсвальдер Ойе в Балтийском море Вернер фон Браун произвел запуск новой серии ракетных снарядов. Но испытания его не удовлетворили. Тогда барон стал раздумывать над тем, как бы включить в работу над своим проектом такого талантливого специалиста, как Герман Оберт.
Было известно, что профессор Оберт, член румынского общества ученых, непрерывно занимается ракетными проблемами. В Румынии Оберт оставался вне сферы контроля гитлеровского вермахта и мог поставить нацистские планы создания военных ракет под угрозу хотя бы тем, что своими исследованиями привлек бы внимание заграницы. Что касается Вернера фон Брауна, то он стремился к абсолютной ракетной монополии и не допускал, чтобы кто-то, тем более «иностранец», обогнал его в этом деле. Поэтому он добился вызова Германа Оберта под благовидным предлогом в имперское министерство авиации. Вместе с майором Вальтером Дорнбергером, геринговскими майорами Лоренцом и Тилениусом и специалистом по аэродинамике брауншвейгским профессором Буземаном Браун выискивал возможность, чтобы, с одной стороны, не допускать Оберта в свою пенемюндскую ракетную резервацию, а с другой – поставить все же его способности на службу германской военной машине. Румынский гражданин Герман Оберт поддался на уговоры. Он занял предложенное ему место профессора в Высшей технической школе в Вене. Австрийская столица была в то время уже оккупирована вермахтом.
В марте 1939 года Гитлер выразил желание ознакомиться с арсеналом оружия, которое, как его заверяли, способно обеспечить победу. Сразу же по возвращении из оккупированной Чехословакии он в сопровождении генерал-лейтенанта Беккера направился в Пенемюнде. Майор Дорнбергер перед строем ракетчиков четко отдал «фюреру» рапорт. Гитлер поздоровался. Вперед вышел Вернер фон Браун. Барон, которому как раз в эти дни исполнилось 27 лет, в деталях рассказал о работе над ракетами. Как потом выяснилось, ему удалось внушить Гитлеру мысль о необходимости и полезности ракетного оружия для осуществления планов завоевания мирового господства. Пышные фразы, заимствованные из отчета об очередном съезде нацистской партии в Нюрнберге, разбавленные рассуждениями военно-стратегического характера и минимумом технических данных и преподнесенные в верноподданническом стиле, произвели эффект, на который и рассчитывал фон Браун.
Последовавшее испытание ракет явилось лишь шумовым оформлением.

Когда затем в офицерской столовой Гитлер выразил свое восхищение увиденным, конструкторов «оружия особого назначения» охватило радостное возбуждение. Они мысленно представляли себе, как их дьявольские «подарки» градом сыпятся на головы сопротивляющихся гитлеровской политике соседних народов на Западе и Востоке, на Севере и Юге.
Через два месяца, 23 мая 1939 года, «фюрер» вновь собрал у себя высокопоставленных военных.
«Мерседесы» доставили к его резиденции генерал-фельдмаршала Геринга, гросс-адмирала Редера, генерал-полковникор фон Браухича, Кейтеля и Мильха и их самых доверенных штабных офицеров.
На сей раз протокол вел подполковник генерального штаба Шмундт. Разведывательные службы Польши, Франции и Англии безуспешно пытались заполучить этот документ, в котором, в частности, говорилось:

«Фюрер заявляет, что целью совещания является:
1. Уяснение обстановки.
2. Постановка вермахту задач, вытекающих из обстановки.
3. Формулирование выводов в связи с этими задачами.
4. Меры по сохранению в тайне всех решений и действий на основе этих выводов.
Обеспечение секретности является предпосылкой успеха...
Национально-политическое объединение немцев в основном достигнуто. Дальнейших успехов в этом направлении нельзя добиться без кровопролития...
Поляки. Польша всегда будет стоять на стороне наших врагов...
Данциг не является предметом спора. Речь идет о расширении нашего жизненного пространства на Востоке и о получении продовольственных ресурсов, а также о решении проблемы бассейна Балтийского моря...
Если судьба вынудит нас вступить в войну с Западом, то хорошо обладать более или менее обширным пространством на Востоке...
Поэтому не может быть и речи о том, чтобы пощадить Польшу; перед нами осталось лишь одно решение: напасть на Польшу при первом же удобном случае...
Поэтому фюрер вынужден оставить за собой право отдать приказ о выступлении...
Война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть...
1. Следует стремиться к тому, чтобы в самом начале военных действий нанести противнику уничтожающий удар. При этом право, несправедливость или договоры не играют никакой роли...
2. Следует подготовиться к длительной войне и одновременно к внезапному нападению на Англию при условии ликвидации английских возможностей на материке.
Сухопутные силы должны овладеть позициями, имеющими важное значение для флота и авиации. Если удастся оккупировать и удержать Голландию и Бельгию и разбить Францию, будет создана база для успешной войны против Англии.
Военно-воздушные силы смогут тогда, базируясь на Западную Францию, обеспечить узкую блокаду Англии, а военно-морской флот с помощью подводных лодок возьмет на себя более широкую блокаду...
Важно использовать абсолютно все средства...
Наша цель всегда будет заключаться в том, чтобы поставить Англию на колени.
Любой вид оружия лишь до тех пор имеет решающее значение в бою, пока им не владеет противник.
Это относится к газам, подводным лодкам и авиации. Для последней это было действительно до тех пор, пока, например, английский флот не имел средств противовоздушной обороны, в 1940 и 1941 годах дело будет обстоять иначе...
В тех случаях, когда нельзя больше рассчитывать на решающее воздействие оружия, необходимо использовать момент внезапности и умело руководить войсками.

Такова программа наступления»
21
.

Одетые в синюю голубую и серую форму участники совещания разъехались довольные. Они пережили момент, о котором мечтали уже много лет. Предстояло решительное нападение гитлеровской Германии на соседние народы. В перспективе были повышения и награды. Планы «блицкрига» против Польши, Франции, Бельгии и Голландии совершенствовались с каждым днем. В несгораемых шкафах наготове лежали черновые наброски планов нападения на Данию, Норвегию, Югославию и Грецию. Вермахт ждал лишь сигнала к выступлению.
Когда 1 сентября 1939 года барон Магнус фон Браун, во время завтрака в своем силезском имении, взял в руки газету «Фёлькишер беобахтер», сердце его учащенно забилось. Он прочитал долгожданную военную сводку. В ней говорилось, что на рассвете по приказу Гитлера началось вторжение в Польшу. Военные корреспонденты, выступая по радио, на все лады расписывали танковые и воздушные бои. Только что начавшаяся вторая мировая война вызвала ликование алчной семьи фон Браунов.
Вернер фон Браун смог записать в свой актив еще один успех. Через четыре дня после нападения на Польшу главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич объявил брауновскую ракетную программу сверхсрочной и дал указание как можно быстрее ее выполнить. Таким образом, в то время, когда немецкому народу по карточкам выдавались мизерные пайки мармелада и эрзац-кофе, для Вернера фон Брауна открылись шлюзы огромных денежных, материальных и людских ресурсов.

В Осло приходит письмо

В один из октябрьских дней 1939 года к зданию английского посольства в Осло подошел человек в пальто с поднятым воротником и надвинутой на глаза шляпой. Осторожно оглядевшись вокруг, он вложил что-то в почтовый ящик на входной двери и медленно побрел по улице к морю. По всем внешним признакам это был не норвежец.
На следующий день служащий английского посольства вынул из ящика поступившую корреспонденцию. С этого момента началась одна из самых значительных во второй мировой войне дуэлей умов.
Разбирая почту, помощник секретаря посольства увидел толстый белый конверт. Странно: ни адреса отправителя, ни подписи под напечатанным на машинке письмом на немецком языке. Английский военно-морской атташе контр-адмирал Гектор Бойз взял немецко-английский словарь. Но перевод давался с большим трудом, и он позвал переводчика. Когда смысл письма был понят, контр-адмиралу стало не по себе. Уже во второй половине дня специальный самолет доставил документ в Лондон, в штаб английской разведки.
Им занялись профессора, английские величины в области физики, в частности Реджинальд Виктор Джонс, профессор баллистики и астрономии из Абердинского университета. В 1938—1939 гг. Джонс был одним из руководителей технического отдела разведки при английском адмиралтействе и называл себя «личным советником» Уинстона Черчилля по вопросам военной техники. Затем над письмом склонился ученый сэр Артур У. М. Эллис. Маршалы авиации и адмиралы покачивали головами. Поседевшие на службе чиновники английской разведки удивленно разводили руками.
Письму сразу же присвоили название «Документ Осло». «Это письмо и поныне осталось нерешенной загадкой второй мировой войны», – писал английский разведчик Ян Колвин в газете «Санди экспресс». Но это не соответствует истине, ибо «Документ Осло» не был неразрешимой загадкой; скорее всего, письмо представляет собой суть тайны Хантсвилла, и поэтому определенные круги НАТО не хотят ныне о нем распространяться.

Во всяком случае, из поступившего в Осло документа, «ценность которого для союзников исчислялась миллионами долларов»
22

> , но за которое англичанам не пришлось заплатить даже пенса, стало известно, что делалось в Пенемюнде; до тех пор за рубежами Германии не ведали о существовании этой испытательной базы.

В письме рассказывалось о ракетных снарядах, создававшихся фашистскими военно-воздушными силами, об опытах Вернера фон Брауна с баллистическими ракетами, описывались результаты исследований в области боевых отравляющих веществ и подготовка нацистским правительством химической войны, раскрывались детали радиолокационной и дальномерной техники в момент, когда англичане еще наивно полагали, что у гитлеровской Германии нет радарных установок.

Английское военное министерство таким образом получило своевременно сведения о функционировании сохранявшегося в строжайшей тайне немецкого прибора «Y», обеспечивавшего возможность ночных налетов бомбардировочной авиации.

Итак, по прошествии неполных двух месяцев после нападения нацистов на Польшу в штабе английского адмиралтейства стало известно все, что придумали Вернер фон Браун и его ученые коллеги для обеспечения молниеносной войны и конечной победы Гитлера, все, что ценой миллионных средств было сделано ради создания «оружия особого назначения», все то, что целая армия фашистских контрразведчиков и эсэсовских агентов в штатском и в военной форме берегла, как зеницу ока.

Англичане были настолько ошеломлены полученными данными, что испытывали состояние шока.

Кто же был автором «Документа Осло», столь смело прорвавшим нацистскую завесу секретности и сумевшим отлично замести свои следы?

Профессор Реджинальд Виктор Джонс в письме автору книги высказывал мнение, что составитель «Документа Осло» – это «либо физик, либо инженер». «Диапазон его знаний был настолько широк, – писал Джонс, – что некоторые английские авторитеты не верили, что один человек способен располагать столь обширными сведениями относительно развития немецкой военной техники и обладать такими разносторонними знаниями. Поэтому они считали, что документ представляет собой фальшивку, подброшенную немецкой разведкой с целью дезинформации».

Профессор Джонс уверял, что он пытался установить личность смелого автора «Документа Осло», но его попытки успехом не увенчались. И это не случайно. Вернер фон Браун, организовавший серийное производство ракет дальнего действия, которыми обстреливался Лондон, носит среди прочих наград золотую медаль, полученную им от английских властей. Британские правительственные круги, как и американские, делают из него героя. Разумеется, эти силы старались и до сих пор усердно пытаются скрыть от общественности правду о самоотверженном противнике Вернера фон Брауна. Не исключено поэтому, что у профессора Джонса были связаны руки, когда он в 1948—1952 годах был сотрудником британской Контрольной комиссии в Германии и имел возможность установить личность автора письма, полученного английским посольством в Осло.

Все же сейчас можно почти определенно утверждать, что автор «Документа Осло», символизирующий патриотическое сопротивление немецких ученых милитаристам, известен. Им был инженер доктор Ганс Генрих Куммеров, проживавший в берлинском районе Николасзее. Гитлер приказал своим палачам уничтожить доктора Куммерова. Он погиб, удовлетворенный тем, что сделал все, что было в его силах, чтобы содействовать разгрому фашизма, спасти жизнь тысячам людей разных национальностей. Зная о предстоящей казни, Куммеров написал своему старому другу, сотруднику берлинского ботанического сада Венделю несколько строк, которые удалось вынести из тюрьмы Плетцензее:

> «Мой дорогой друг! Прими прощальный привет. Я умираю, как и многие в этой войне. Но я всегда боролся против национал-социализма, за военное поражение Германии. Если бы деятельность моих друзей увенчалась успехом, можно было бы избежать и тех многих жертв, которых война еще потребует».

Ганс Генрих Куммеров родился в 1903 году в Магдебурге. Его отец, тайный советник Генрих Куммеров, работал в провинциальной коллегии просвещения. В конце первой мировой войны

15-летний Куммеров уже сознательно воспринимал события. В 1923 году, после сдачи экзаменов на аттестат зрелости, он начал учиться на факультете естественных наук Высшей технической школы в Берлине. Ганса Куммерова волновало все происходящее в мире. Он очень рано понял, какая тяжелая участь ожидает технических специалистов, не желающих способствовать обогащению толстосумов. Куммеров был сыт по горло войной, которую ему пришлось пережить. Его симпатии были на стороне молодого Советского государства, он восхищался тем, что эта технически отсталая при царизме страна столь стремительно двигается вперед в своем развитии.
После шести лет учебы Куммеров защитил диплом доктора и вскоре стал ассистентом в институте Физической химии и электрохимии при Берлинской высшей технической школе. Позднее он перешел на работу в конструкторское бюро радиотехнической компании «Леве радиогезельшафт» в Берлине. Куммеров был большим знатоком в области техники и имел немало патентов на изобретения.

> Когда предприятие, где он работал, было втянуто в гонку вооружений, доктор Куммеров совместно со своим другом химиком Эрхардом Томфором
> 23
> начал действовать. Благодаря своим разносторонним знаниям и невероятной работоспособности Куммеров собрал такие данные о состоянии и тенденциях развития гитлеровского военного производства, какими обладали в то время лишь очень немногие лица. С этой целью Куммеров и Томфор использовали и своих знакомых, работавших на заводах и в нацистских учреждениях, занимавшихся разработкой и производством средств ведения воздушной, химической и ракетной войны. Ученые-антифашисты получали информацию, например, из «Ауэргезельшафт», участвовавшей в подготовке химической войны, или от друга Куммерова Лео Скрипчинского, совладельца фирмы «Кроне унд К°», которую гитлеровцы включили в производство секретного оружия.

Накопив достаточное количество ценной информации, Куммеров направил ее тому государству, над которым, как ему казалось, нависла наибольшая угроза со стороны гитлеровской Германии. Для пересылки документа, переписанного его женой Ингой, Куммеров использовал деловые связи доктора Томфора в Норвегии.
Однако, как показали последующие события, реакции со стороны англичан не последовало. Работы в Пенемюнде по-прежнему продолжались беспрепятственно. Куммеров был горько разочарован. Он не мог даже предположить, что английские адмиралы не поверили ему и не оценили, а возможно и не хотели оценить, его технический гений.
После того как гитлеровская Германия в 1941 году вероломно напала на Советский Союз, Куммеров немедленно включился в антифашистскую борьбу. Он примкнул к берлинской группе Шульце-Бойзена – Харнака, в которой объединились рабочие, служащие и даже некоторые антифашистски настроенные офицеры вермахта. Члены этой группы Сопротивления боролись за демократическую и миролюбивую Германию, которая вновь обрела бы уважение всего мира.
Тысячи нацистов были мобилизованы для того, чтобы обнаружить и ликвидировать отважных борцов. В сентябре 1942 года гестапо прибегло к особенно жестоким репрессиям. Сотни антифашистов были брошены в тюрьмы, заточены в застенки. Среди них оказались Куммеров и его жена.
Германия породила Вернера фон Брауна, который из эгоистических соображений был готов в любое время продать свою родину, но она породила также Ганса Генриха Куммерова – патриота, пожертвовавшего своей жизнью ради счастливого будущего Германии.
Фронт немецких ученых раскололся. Среди них были не только фанатики вооружения, такие, как Вернер фон Браун и Вальтер Дорнбергер, не только ученые, ради денег и «личного спокойствия» безоговорочно поставившие свои знания и способности на службу гитлеровской военной машине. В это роковое для Германии время в рядах немецких ученых были и здравомыслящие, гуманистически настроенные люди, искавшие и нашедшие контакт с антифашистскими силами немецкого народа.
Нацистские бонзы требовали от судов побольше смертных приговоров. Генерал-майор геринговской «люфтваффе», генеральный судья Манфред Редер после каждого из проведенных

им процессов удостаивался похвал и повышения. Только по делу участников группы Шульце-Бойзена – Харнака был вынесен 81 смертный приговор. Кровавые судьи отправили на казнь радиста Курта Шульце, радиотехника Ганса Коппи из «Леве-радио-гезельшафт», обер-лейтенанта из министерства авиации Харро Шульце-Бойзена и его жену Либертас, старшего правительственного советника в министерстве хозяйства доктора Арвида Харнака и его жену, доктора философии Милдред Харнак, доктора медицины Иона Риттмейстера, консульского секретаря в министерстве иностранных дел Ганса Герберта Голнова, сценариста и драматурга доктора философии Адама Кукхофа и Эрику фон Брокдорф. Список смертников пополнялся все новыми и новыми именами.

Осенью 1943 года палачи из берлинской тюрьмы Плетцензее отправили на гильотину Ингу Куммеров, а вскоре после этого оба ее сына потеряли и отца.

Так закончился жизненный путь автора «Документа Осло».

В странах Североатлантического блока, где ныне прославляют Вернера фон Брауна, хотят предать забвению имя доктора Куммерова. Документ, который он направил английскому правительству, замолчать невозможно, хотя кое-кто и хотел бы представить его как «неразрешенную загадку второй мировой войны».

Ни один печатный орган в Западной Германии или в какой-либо другой стране НАТО никогда и не пытался выяснить судьбу Ганса Куммерова. Над судьбой Куммерова и его соратников опущена плотная завеса молчания, ибо их палачи проживают в Западной Германии, этом рае для военных преступников, и получают за свои злодеяния пенсии и гонорары. Продажных журналистов Запада не интересуют люди, злодейски убитые в Плетцензее. Мысля категориями своей классовой идеологии, они удивляются лишь тому, почему до сих пор никто не явился получить мзду за «Документ Осло».

Бывший нацистский судья Манфред Редер, на совести которого кроме супругов Куммеров жизнь десятков других антифашистов, в 1949 году выпущен американцами на свободу и ныне живет в своем имении вблизи Люнебурга.

Но память о жертвах фашизма, в том числе о храбрых супругах Куммеров, никогда не изгладится в памяти немецкого народа. То, к чему они стремились, стало реальной действительностью в Германской Демократической Республике.

Асы не возвращаются

Гитлер продолжал свой разбойничий поход. Захвата одной только Польши магнатам Рейна и Рура было мало. Дурман завоевателей опьянял немецких банкиров, юнкеров, нацистов и жаждавших реванша генералов.

Весной и летом 1940 года гитлеровский вермахт вторгся на территорию западных соседей Германии, неся с собой смерть, разорение и нищету.

После молниеносных побед над Польшей, Норвегией, Голландией, Бельгией и Францией верховное командование вермахта намеревалось бомбардировочными ударами создать условия для нападения на английское побережье. 10 тысяч самолетов с намалеванными на них крестами стояли наготове. Однако для варварской бомбардировки надо было подготовить пропагандистское оправдание.

10 мая 1940 года, как раз в то время, когда части вермахта двигались в направлении Мааса и Шельды, а Гитлер отдал приказ захватить Францию, на немецкий город Фрейбург посыпались тяжелые бомбы. Фашистская контрразведка своевременно позаботилась о том, чтобы сирены воздушной тревоги именно к этому дню были поставлены на ремонт, и население не было предупреждено о воздушном нападении. Когда алюминиевые птицы улетели, остались дымящиеся развалины, 57 изуродованных трупов и десятки тысяч насмерть перепуганных людей. 57 немцев – мужчин, женщин и детей – были убиты во время бомбардировки, произведенной по личному приказу «величайшего фюрера», чтобы он мог оправдать планировавшуюся им варварскую тотальную воздушную войну. Бомбардировка Фрейбурга была одной из тех провокаций, которые нацисты постоянно инсценировали для дезинформации народов. Если поводом для начала войны против

Польши послужило состряпанное нацистской агентурой нападение на немецкую радиостанцию в пограничном польском городе Глейвице (Гливице), то к началу похода против своих западных соседей гитлеровцы использовали тщательно подстроенное преступление в Фрейбурге. Немецкие самолеты, сбросившие на Фрейбург бомбовый груз, входили в 51-ю эскадру бомбардировщиков «Эдельвейс», которой командовал Йозеф Каммхубер
24
.

Преступный налет на Фрейбург, который был заведомо рассчитан на то, чтобы вызвать жертвы среди соотечественников, приписали противнику.
Нацистская авиация начала воздушную войну против Великобритании с аэродромов в Северной Франции и Голландии. Эскадрильи бомбардировщиков находились в полете непрерывно. Британцы оплакивали немало жертв. Но английская противовоздушная оборона быстро пришла в себя, и в этом немалую роль сыграла информация, содержавшаяся в «Документе Осло».
Ряды геринговских асов стали постепенно редеть: одни были убиты в воздухе, другие утонули в Ла-Манше, третьи сгорели в самолетах, четвертые разбились, прыгая с парашютами. Даже если судить по сводкам верховного командования вермахта, нацистский бомбардировщик погибал от снарядов противовоздушной обороны в среднем уже после пяти боевых вылетов.
В штабах начались столкновения между представителями различных видов вооруженных сил и родов войск. Посыпались упреки в адрес генерал-лейтенанта Карла Беккера из армейского управления вооружений. От него требовали баллистических ракет, более эффективных снарядов, боеспособных плавающих танков.
Беккер сразу же приказал представить ему расчеты траектории для крупповского «Длинного Густава». Это суперорудие из рейнской кузницы германского оружия весило 1500 тонн и имело калибр 600 миллиметров. Оно должно было стрелять 7500-килограммовыми снарядами на дистанцию до 120 километров. Однако если бы даже во время прицеливания удалось избежать ошибки, связанной с поправкой на вращение Земли, то снаряды «Длинного Густава» все равно не достигли бы Лондона, не говоря уже о том, что ствол этого орудия выдерживал не больше 60 выстрелов.
Но тщетны были все старания генерал-лейтенанта Беккера. Ему не удалось дать вермахту оружие, способное поставить англичан на колени. А посему Беккер впал в немилость у Гитлера. Вскоре этот высокомерный милитарист пустил себе пулю в лоб. Фон Брауны потеряли преданного друга.
Вернер фон Браун быстро сориентировался в создавшейся обстановке. Развитие военных событий придало его ракетному проекту еще большее значение. После неудач с воздушной войной против Англии командованию вермахта стало ясно, что сокрушить Великобританию только с помощью авиации нельзя, во всяком случае до тех пор, пока не будет победоносно завершен «поход на Восток».
Во имя этой победы напрягали все силы такие авиастроительные концерны, как «Хейнкель», «Мессершмитт», «Юнкерс», «Дорнье», «Хеншель», «Фокке-Вульф», «Физелер», «Зибель», «Арадо», предприятия-поставщики «Блом унд Фосс» и «БМВ». Они работали над тем, чтобы постоянно увеличивать количество боевых самолетов, расширять радиус их действия, улучшать вооружение. В предпоследнем военном году почти три четверти миллиона человек – насильно завербованных немцев и иностранцев, военнопленных и заключенных концентрационных лагерей – были заняты в авиационной промышленности, обеспечивая огромные прибыли владельцам концернов. С 1939 по 1944 год выпуск самолетов в Германии увеличился почти в 15 раз.
Гитлеровские генералы продумали все до мелочей. Но они рассчитывали, что поход против Советского Союза может продлиться не более трех месяцев. Спустя несколько лет один из них – начальник оперативного штаба военно-воздушных сил при Геринге и последний руководитель генерального штаба гитлеровских ВВС Карл Коллер – писал:

«Гитлер обещал, что эскадры, которые перебросят с Запада на Восточный фронт, – а это были почти все, имевшиеся в нашем распоряжении, – будут использованы только в

начальный период войны, а затем снова вернутся на Запад. Они остались на Востоке. Гитлер обещал сразу же после русской кампании восстановить и максимально укрепить военно-воздушные силы. Он хотел демобилизовать из армии несколько сот тысяч рабочих и направить их в авиационную промышленность, перевести сотни тысяч пехотинцев в авиацию. Он намеревался укреплять прежде всего военно-воздушные силы. Гитлер думал за три месяца достигнуть линии Астрахань – Архангельск или Урала и закончить войну против России. Между тем в списке получателей сырья авиационная промышленность была отодвинута на пятое или шестое место. В первую очередь строились подводные лодки, затем танки, самоходные орудия, гаубицы, химические и обычные минометы и кто знает что еще (о ракетах Коллер почему-то вспоминать не хочет. –
Ю. М
.), и только потом шли самолеты... Все было подчинено войне на Востоке. Война против России пожирала людей, материалы и планы»
25
.

Потери геринговских военно-воздушных сил над Англией и Ла-Маншем были лишь началом. После вероломного нападения Германии на первое в мире социалистическое государство гибель геринговских алюминиевых птиц стала массовой. В пресловутом «дранг нах Остен» сложили свои головы не только испытанные в боях немецкие дивизии, но и был сломан хребет нацистской «люфтваффе».

За четыре года второй мировой войны фашистская авиация потеряла около 100 тысяч самолетов, из которых 62 тысячи были уничтожены на советско-германском фронте. Еще более чувствительными оказались для генерального штаба ВВС потери личного состава. Фашистская «люфтваффе» постепенно истекала кровью: 99 875 человек, в том числе 15 284 офицера, не вернулись из полетов. Пространство советского-германского фронта было усеяно обломками немецких самолетов. Пресловутое господство в воздухе авиации рейхсмаршала Геринга разбилось о железную противовоздушную оборону Советского Союза.

После вторжения германских армий в Советский Союз ход второй мировой войны определяли уже не чванливые генералы из окружения Гитлера, а подвергшиеся нападению и порабощенные народы Европы. 7,8 миллиона убитых и плененных немецких солдат и офицеров – таков результат преступной и авантюристической стратегии верховного командования вермахта только в агрессии против Советского Союза.

На Восточном фронте уничтожалась не только авиация, там превращались в металлолом гитлеровская артиллерия и танки. Вышвырнутые с советской территории германские войска потеряли 190 тысяч орудий и 55 тысяч танков.

Чем острее ощущали все это в германских штабах, тем больше надежд Гитлер и Гиммлер возлагали на ракетные планы Вернера фон Брауна.

Один из главных военных преступников – Альберт Шпеер, занимавший с 1942 года пост председателя совета вооружения в руководстве нацистской партии и имперского министра вооружения и военной промышленности, признал впоследствии перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге:

«Производство самолетов-снарядов с технической точки зрения было для нас дорогостоящим делом, а эффективность их по сравнению с затраченными средствами – минимальной. Поэтому мы не были очень заинтересованы в том, чтобы производить их в большом количестве. Больше всех настаивал на их выпуске Гиммлер... В армейских кругах считали, как и я, что они обходятся слишком дорого. Подобного же суждения придерживались и офицеры военно-воздушного флота ...так как на те средства, которые требовались для производства одного самолета-снаряда, можно было построить истребитель»
26
.

И действительно, ракетные эксперименты нацистов пожирали немалые суммы. Ежегодный бюджет испытательной станции Вернера фон Брауна в Пенемюнде достиг только в 1942 году 150 миллионов марок. Эта сумма была равна расходам на производство танков в 1940 году или стоимости полугодового производства танков в Германии в 1941 году. Таким образом, расходы в Пенемюнде соответствовали стоимости 10 тысяч танков, не считая средств, которые вкладывались также участвовавшими в осуществлении ракетной программы институтами, учреждениями и концернами.
Гитлеровский ракетчик Браун заставил работать над своими планами армию специалистов. «В эти недели и месяцы Вернер фон Браун проявил свой выдающийся талант организатора, – писал позднее его бард Гейнц Гартман. – Похоже, что сила его убеждения была безграничной». Несмотря на чрезмерное преувеличение, в этих словах есть частица правды. Технический директор армейской испытательной станции в Пенемюнде старался изо всех сил. Ведь он пообещал нацистским руководителям в кратчайший срок дать «чудо-оружие».

«Замерзшие молнии»

На испытательной станции «Пенемюнде-Ост» кипела работа. Светомаскировка была настолько совершенной, что по ночам ни один луч света не вырывался из окон конструкторских бюро и чертежных залов. Инженеры и технологи, ученые и рабочие-специалисты отрабатывали десятки тысяч деталей. Вся эта масса мелких и мельчайших проводков, шестеренок, клапанов и реле исчезала в сигарообразном корпусе ракеты «А-4».
С 1938 года были проведены сотни испытаний ракеты «А-5». Однако гитлеровские ракетчики не были удовлетворены, ибо полностью стабилизировать ее полет не удалось. Точность попадания была никудышной. Аэродинамические проблемы оставались нерешенными. Неудачи гасили трудовой энтузиазм.
Первые образцы ракеты «А-4» также оказались неудачными: она была неустойчивой в полете, головка отваливалась. Одним словом, подчинить себе ракету не удавалось. 3 октября 1942 года было намечено очередное испытание в серии, начатой в июне.
Над островом Узедом ярко светило солнце. Ветровой конус вяло повис на мачте. Напряжение на 7-м испытательном стенде, на пункте управления огнем и у измерительных приборов достигло предела. У смотровых щелей в командном блиндаже столпились люди. Раздавались команды: «Запуск!», «Малая ступень!», «Главная ступень!»
Один за другим включались рычаги управления. Столб пыли и дыма, оглушающий гул, летящие в воздух пучки травы и обрывки проводов. 14-метровая ракета весом около 13 тонн поднялась со стартового стола и устремилась в голубое осеннее небо, пожирая 125 литров спирта и кислорода в секунду. Через минуту тянувшийся за ракетой факел пламени погас.
И вдруг раздался крик десятков голосов: «Она взрывается!» Те, кто не имел возможности наблюдать за ракетой в бинокль, считали, что и это испытание окончилось неудачей. Но вот из репродуктора прозвучал голос: «Клапан сброса окислителя открылся»!
Вскоре последовали возгласы: «Она переворачивается! След конденсирующегося пара становится ломаным!» На фоне голубого неба виднелась белая, постепенно расширявшаяся полоса, которую население с начала испытаний называло «замерзшей молнией».
«Все в порядке! Эксперимент удался!» – вновь прозвучало из репродукторов. Были зафиксированы следующие показатели: высота 90 километров, дальность полета – 190 километров, скорость – 1500 метров в секунду. По случаю такого торжественного момента были разрешены дополнительные порции шнапса.
Однако весь последующий год удавалось лишь каждое десятое испытание. В журнале регистрации экспериментов фиксировались причины неудач: «Взрыв при запуске», «Пожар в сопловой части», «Неполадки в системе выключения», «Взрыв в сопловой части», «Неполадки в работе турбонасосного агрегата», «Взрыв топливной системы, ракета упала на расположенный рядом аэродром», «Потенциометры вышли из строя», «Интегратор ускорения пришлось заменить системой управления по радио», «Нарушения в программированной системе

управления», «Электрогидравлическая система рулей оказалась непригодной», «Обе гироскопические системы вышли из строя», «Редукционные клапаны действовали неточно» и так далее. В результате, ракеты, если они вообще поднимались в воздух, неожиданно рушились на землю.
Техническую несовершенность гитлеровского «чудо-оружия» полковник Вальтер Дорнбергер и Вернер фон Браун замазывали нарочито оптимистическими докладами. В период «замерзших молний» они провели 300-дневную кампанию всякого рода специальных заседаний и встреч. Одержимые ракетчики использовали их для широкой рекламы своего лишь наполовину готового детища.
Календарь фон Брауна был заполнен в 1943 году следующими пометками:
8 января: Доклад у рейхсминистра Шпеера совместно с полковником Дорнбергером.
16 апреля: Посещение Пенемюнде рейхсфюрером СС Гиммлером, генерал-полковником Фроммом и начальником управления вооружений генералом артиллерии Леебом.
26 мая: Запуск ракет в Пенемюнде. Присутствуют: рейхсминистр Шпеер, гросс-адмирал Дениц, генерал-фельдмаршал Мильх, генерал-полковник Фромм, генерал артиллерии Брандт, генерал пехоты Ольбрихт.
29 июня: Посещение Пенемюнде рейхсфюрером СС Гиммлером. Его сопровождают: обергруппенфюрер СС и командующий войсками СС Штеттинского округа Эмиль Мацув, оберфюрер СС Гертнер, оберштурмбанфюрер СС Мюллер и министериальрат Шуберт.
7 июля: Доклад фюреру совместно с генерал-майором Дорнбергером и доктором Штейнгофом (большой успех).
Нацистские бонзы возлагали на ракету все больше и больше надежд, Вернер фон Браун стал их признанным любимцем.
Время молниеносных побед Германии окончательно прошло. Дальнейший ход второй мировой войны был решен на Волге. Коричневым властителям эта битва стоила двух армий. На фронте протяженностью полторы тысячи километров Советская Армия неудержимо теснила оккупантов. К марту 1943 года фашисты потеряли на советско-германском фронте 112 дивизий. Бесноватый Гитлер провозгласил «тотальную войну».
Вернер фон Браун умело воспользовался создавшейся обстановкой. В условиях хаоса, усиливавшегося под влиянием поражений, он превозносил до небес возможности своей ракеты. В конце 1942 года, когда сотням тысяч немецких семей стало известно, что их отец или сын замерз или истек кровью в «волжском котле» во имя захватнических планов Гитлера, эксперт фон Брауна по управлению ракетами доктор Штейнгоф сообщил, что вместе с майором Томом он нашел северо-западнее Сент-Омера, близ Ваттена, идеальную площадку для запуска ракет в сторону Великобритании. Вернер фон Браун был доволен. Ему не терпелось как можно скорее начать обстрел английских островов.
8 января 1943 года полковник Дорнбергер и Вернер фон Браун прибыли к матерому нацисту, руководителю производства вооружения Шпееру. Четыре человека в военной форме прошли за ракетчиками в приемную. Они тащили гипсовую модель блиндажа весом почти в центнер. Из такого сооружения должны были запускаться ракеты на Лондон. Фон Браун спекулировал на слабости Шпеера к строительству. В ракетах же, по мнению визитеров из Пенемюнде, кроме них все равно никто ничего не понимал. Шпеер, на которого гипсовая масса произвела большое впечатление, обещал распорядиться о немедленной постройке блиндажа и прислать для этого несколько тысяч военнопленных французов и рабочих из «Организации Тодта». Строительство предполагалось завершить в течение года. Последовали рукопожатия, возгласы «хайль». Участники встречи испытывали взаимное удовлетворение.
Менее оптимистично проходило заседание начальников генеральных штабов в феврале 1943 года, на котором нацистская верхушка пыталась оценить положение после поражения на Волге и в Северной Африке. О ведении воздушной войны докладывал начальник генерального штаба ВВС генерал-полковник Ганс Йешоннек. Геринг внимательно следил за ходом заранее согласованного доклада. Йешоннек чувствовал всю неблагодарность выпавшей на его долю задачи. Ему вспоминалась совершенно иная атмосфера, царившая в имперской канцелярии четыре года назад. Это было 23 мая 1939 года. Йешоннек, тогда еще полковник, присутствовал на совещании, где Гитлер изложил военную доктрину нацистов.
Йешоннек сообщил, что налеты тяжелых бомбардировщиков на Англию причинили большой ущерб и вызвали дезорганизацию экономической жизни на Британских островах. Однако он тут

же добавил, что, несмотря на все меры противовоздушной обороны, действия англо-американской авиации также деморализуют население крупных германских городов.
Понятно, что присутствующие на заседании на столь печальной констатации фактов задерживаться долго не хотели.
– А сейчас, – прервал председательствующий Йешоннека, – доложите, пожалуйста, о состоянии подготовки секретного оружия.
– Я рад возможности сообщить, что испытания непрерывно продолжаются, как это предписано директивой генерального штаба 4895/41. Часть ракет уже сдана в серийное производство.
Председатель совещания с облегчением ухватился за брошенную соломинку, чтобы поднять настроение:
– Хорошо, хорошо. Фюрер проявляет большой интерес к секретному оружию, к своему секретному оружию. Он настаивает на том, чтобы уничтожение Лондона началось не позднее, чем в конце года.
– Это вполне возможно, – резюмировал Йешоннек. – Я поручил генерал-майору Шамье-Гличинскому позаботиться о серийном производстве самолетов-снарядов.
То, что Йешоннек представил как «особую» меру, в действительности было вынужденным решением. Соединение бомбардировщиков, которым командовал генерал-майор Шамье-Гличинский, было уничтожено во время налетов на Англию. Йешоннеку не оставалось иного выхода, как послать его в Пенемюнде, хотя в технике Шамье-Гличинский разбирался довольно слабо.
– Это правильно, – добавил председательствующий к тенденциозно оптимистическому сообщению Йешоннека. – Все, что вы рассказали, производит сильное впечатление. Удары судьбы, которые нам пришлось пережить в Африке и России, повелевают предотвратить высадку союзников на Западе. Мы должны вынудить англичан сосредоточить их внимание на собственной территории. У них не должно остаться сил для десантных операций. Американцы одни ничего не предпримут. Фюрер приказал начать операцию с запуска тысячи самолетов-снарядов и ракет в день.
Йешоннек заглянул в свою записную книжку:
– С тысячи?
– Да. Вначале минимум с тысячи. Затем следует постепенно увеличить число запусков до пяти тысяч в день. Вам, господин генерал-полковник, надлежит обеспечить необходимые условия.

> Приблизительно через восемь недель после заседания в Пенемюнде прибыл Гиммлер. Ему очень нравилось наблюдать за запусками ракет. На сей раз он не преминул внести свою лепту в дьявольское предприятие фон Брауна: «Я беру, – заявил Гиммлер, – на себя защиту вас от диверсий и предательства»
> 27
> . С тех пор заградительный пояс, созданный начальником гитлеровской армейской разведки адмиралом Вильгельмом Канарисом к северу от острова Узедом, был дополнительно усилен кордоном гиммлеровской службы безопасности.

В мае 1943 года Вернеру фон Брауну вновь представился случай похвастаться ракетой «А-4». В этот день должно было быть принято решение: самолеты-снаряды или ракеты? В качестве уполномоченных, которым надлежало решить спор между этими видами оружия, в Пенемюнде прибыли со своими советниками рейхсминистр Шпеер как представитель военных концернов, генерал-полковник Фромм – от сухопутных сил, генерал-фельдмаршал Мильх – от ВВС и гросс-адмирал Дениц – от военно-морского флота.
К этому времени фон Браун провел уже двадцать шестое испытание ракеты «А-4». Ракетчикам было чему радоваться: запуски оказались успешными.
Конструкторам на испытательной станции ВВС повезло меньше. Попытка запустить самолет-снаряд типа «Fzg-76» позорно провалилась из-за технических неполадок. Оставалось лишь сослаться на то, что несколько предыдущих запусков были успешными.
Каждый самолет-снаряд и ракета несли по тысяче килограммов динамита. Одна ракета стоила примерно в десять раз больше, чем самолет-снаряд. По точности попадания они были равноценны. Военная промышленность добивалась осуществления обоих проектов. Решение

было принято соломоново: взять на вооружение как самолеты-снаряды, так и ракеты и по возможности быстрее начать их серийное производство.
В июне Гиммлер вновь приехал на Узедом. Он привез с собой обергруппенфюрера СС Мацува и начальника отдела усовершенствований в управлении вооружений штаба войск СС оберфюрера СС Генриха Гертнера. Гиммлер должен был скоординировать все ракетные программы, ибо эсэсовский черный корпус тоже имел свой ракетный исследовательский центр. Он размещался в Гроссендорфе, близ Данцига. Там над новым оружием работал гауптштурмфюрер СС Энгель.
Вернер фон Браун, директор завода инженер Реес, специалисты по ракетным двигателям доктор Тиль и по системам управления доктор Штейнгоф в дружеской беседе изложили свои пожелания главному палачу третьего рейха. Гиммлер хвастливо болтал об окончательной победе германской расы.
Обеспокоенный следовавшими одно за другим поражениями на фронте, Гитлер в июле 1943 года лично позаботился о ракетной программе. «Фюрер и верховный главнокомандующий», а с 1941 года, кроме того, назначивший самого себя и главнокомандующим сухопутными силами, вызвал к себе преданных пенемюндцев.
На остров Узедом прибыл специальный «Хейнкель-111». В него погрузили несколько ящиков с упакованными в них моделями блиндажа, киноленты, воспроизводящие удачные запуски ракет, модели ракет различных типов, пособия для обучения специальных ракетных подразделений.

Во время полета в «Вольфсшанце»
28
Дорнбергер, на парадном мундире которого сверкали новые генеральские погоны, и доктор Штейнгоф пришли к единому мнению, что третий пассажир – фон Браун – наиболее подходящая кандидатура, чтобы сделать доклад фюреру.

Гитлер заставил прождать высокопоставленных ракетчиков в приемной восемь часов. Фон Браун использовал это время, чтобы как следует продумать план доклада. Он сидел, углубившись в мысли. И только громко произнесенное: «Фюрер!» – заставило его вскочить.
Низкие поклоны, щелканье каблуков, поднятые в нацистском приветствии руки.
Генерал-майор Дорнбергер представил прибывших и, сообщив, что докладывать будет технический директор армейской испытательной станции, отступил на шаг.
Фон Браун сделал короткое вступление. Затем был пущен пенемюндский фильм. Монотонное жужжание киноаппарата прерывалось лишь комментариями «ракетного барона». Вернер фон Браун говорил и говорил. Он расписывал преимущества, которыми отличалась его ракета.
«Убедительность доводов Вернера фон Брауна произвела на Гитлера такое же сильное впечатление, как позднее на генералов Пентагона», – писал в 1955 году западногерманский журнал «Дер Шпигель». Сам Браун, впоследствии вспоминая об этом, так оценивал свой доклад «фюреру»:

> «Я видел, как инженеры в поте лица конструировали ракеты и оружие возмездия (имеются в виду системы оружия фашистских агрессоров. – Ю. М.); сам я вместе со старшими из моих коллег пытался перехитрить Гитлера и законы природы»
> 29
> .

Перехитрить законы природы барон с «голубой кровью» предоставлял всегда другим. А перехитрять Гитлера не было надобности: ведь у него были общие цели со своим верным последователем – штурмбанфюрером СС Вернером фон Брауном, вступившим в нацистскую партию в 1940 году.

Гитлер встал и подошел к пенемюндцам: «Благодарю вас! Почему я до сих пор не верил в успех вашей работы? Меня просто плохо информировали»
30

. Вскоре осуществилось самое сокровенное желание барона: его ракетная программа, стоявшая на первом месте в планах командования сухопутных сил, теперь была объявлена первоочередной для всего вермахта. И произошло это в период, который генерал-майор Дорнбергер охарактеризовал следующими словами: «К середине 1943 года военная обстановка изменилась. Запуская ежемесячно 900 „Фау-2“ с 1000-килограммовым зарядом взрывчатки каждую на расстояние 250 километров, едва ли можно было успешно завершить вторую мировую войну, которая к тому времени развернулась в широких масштабах»
31
.

Чего же хотели достигнуть ракетные фанатики? Ответ может быть только один: массового уничтожения гражданского населения других стран!

Англичанин Бернард Ньюмэн писал в этой связи в 1952 году: «За десять месяцев, в течение которых продолжались налеты (имеется в виду обстрел Англии самолетами-снарядами и ракетами «Фау-2», начавшийся в 1944 году. –
Ю. М
.), при ежедневном запуске менее одной тысячи снарядов было убито свыше шести тысяч мирных граждан. Но ведь немцы планировали запускать первоначально тысячу снарядов в день и постоянно увеличивать их число; со стартовых установок во Франции, пока они не были уничтожены, можно было запускать ежедневно более пяти тысяч снарядов. Далее, начало операции намечалось на шесть месяцев раньше. Самые грубые подсчеты показывают, что могло быть убито от ста до пятисот тысяч человек. Материальный ущерб достиг бы катастрофических размеров. Совершенно ясно, что оказалась бы неизбежной полная эвакуация Лондона»
32
.

Вернер фон Браун создал технические предпосылки для осуществления фашистского плана массового уничтожения населения. Один нацистский ученый изобрел газ «циклон-б», чтобы задушить сотни тысяч людей в газовых камерах концентрационных лагерей, другие создавали ракету, чтобы с помощью динамита разорвать в клочья сотни тысяч мирных жителей за границей.

Ракетная программа Вернера фон Брауна заняла ведущее положение в фашистском производстве вооружения. Сам ракетчик пользовался благосклонностью высших фашистских бонз и даже самого диктатора. Он не испытывал недостатка в материалах и мог получать неограниченное количество рабочей силы. Огромная армия гестаповцев, сотрудников службы безопасности и «абвера» неукоснительно выполняла секретную директиву – во что бы то ни стало обезопасить то, над чем работал ракетный барон.

Однако нацистский профессор фон Браун, мысливший категориями «расы господ», привитыми ему с детства, забыл о народах, которые, по его мнению, существовали лишь для того, чтобы безропотно следовать за «фюрером».

Многие патриоты оккупированных фашистами европейских стран отдали свои жизни, чтобы помешать осуществлению нацистских планов создания «чудо-оружия».

Подпольный фронт действует

Инженер Антони Коцьян стоял в прицепном вагоне варшавского трамвая, на котором висела табличка: «Только для поляков». Давка была неописуемой. Моторный вагон, предназначенный для немецких оккупантов, шел наполовину пустым.

Коцьян задумался. Предстояло выполнить новое задание. Польское движение Сопротивления, участником которого он был, поручило ему разузнать, что реальное кроется за слухами о немецком «чудо-оружии». Говорили, что где-то на побережье Балтийского моря у нацистов есть

полигон для испытаний секретной военной техники. Больше никаких данных. Это была трудная задача, ведь немецкие войска занимали в то время побережье Балтийского моря протяженностью в две тысячи километров.
Руководство движения Сопротивления возлагало большие надежды на Антони Коцьяна, действовавшего под кличкой «Корона». И не случайно. Он был одним из способнейших довоенных польских авиаконструкторов, которого фашистские оккупанты заставили выполнять черную работу.
Грохот старого вагона мешал сосредоточиться. Коцьяну, однако, было ясно: работа привязывала его к Варшаве. Если он хоть один день не явится на службу, гестапо выместит свою злобу на его семье.
С другой стороны, время не ждало. Если фашисты действительно создают «чудо-оружие», если они не просто распустили слухи об этом, лишь бы подбодрить своих приверженцев, которых все больше деморализовывал ход войны, тогда надо спешить и как можно скорее помешать нацистам. Но как? Коцьяну было ясно одно: без помощи группы Сопротивления ему не справиться.

И руководство движения умно спланировало свои действия. Стефан Игнашак
33
, руководитель движения Сопротивления на участке Померания – Познань, поручил командиру группы «Балтика» Бернарду Качмареку срочно начать поиски места испытаний фашистского «оружия особого назначения». Началась битва на подпольном фронте второй мировой войны. Вьюжной февральской ночью 1943 года командиры групп Сопротивления 301, 302 и 303 собрались в ветхом сарае перед мигавшей керосиновой лампой. Совещание продолжалось около двух часов. Когда его участники поодиночке разошлись в разные стороны, было положено начало систематическим интенсивным поискам.

Зоны разведки были точно разграничены, каждая группа сосредоточила свое внимание на отведенном ей участке. Польские рабочие и партизаны, насильственно угнанные в Германию польские женщины, многие варшавские профессора, которым нацисты запретили преподавать в вузах, часть польских офицеров – все были заняты раскрытием тщательно оберегавшейся тайны гитлеровского «чудо-оружия».
Вскоре от хорошо проинструктированных информаторов начали поступать первые сведения. Они передавались устно или были второпях написаны на помятой бумаге. Некоторые из этих шифрованных сообщений приходили в виде безобидных писем из Германии.
Одному из насильственно угнанных в Германию поляков, например, бросились в глаза прибывшие в Штеттин вагоны-цистерны, имевшие для маскировки обшивку обычных товарных вагонов, на дверях которых висели бирки с надписью «IG34». Однако абсолютно неискушенный в делах разведки поляк не обратил внимания на пункты отправления этих вагонов. Руководство польского движения Сопротивления дало новое задание, и через две недели в Варшаву пришел ответ: «Вагоны отправлены из Дюссельдорфа, Людвигсхафена и Лейпцига».
Все сообщения, порой самые невероятные, собирались и тщательно изучались. Один факт нанизывался на другой, и вскоре стало ясно: искомый объект находится где-то поблизости от Штеттина.
Хорошо разбиравшемуся в технике и свободно говорившему по-немецки участнику Сопротивления Яну Шредеру было поручено разведать центр немецкого вооружения, месторасположение которого, как казалось, было теперь установлено. Для Шредера изготовили документы на имя некоего Фурмана. С помощью надежных людей Шредеру удалось попасть в очередной транспорт «восточных рабочих», направлявшихся нацистами на принудительные работы в штеттинский район. Он имел строгое указание в течение продолжительного времени не вступать ни в какие контакты с польскими группами Сопротивления, дабы преждевременно не обратить на себя внимание гестапо.
Польский инженер был определен подсобным рабочим в транспортную колонну, занимавшуюся подвозом продовольствия для испытательной станции ВВС «Пенемюнде-Вест». Правда, колонну никогда не допускали дальше второго заградительного пояса, но Шредеру было достаточно и этого. Он следил за всем происходящим вокруг, прислушивался к

разговорам. Внимание разведчика привлекли гул мощных двигателей и «замерзшие молнии» над Узедомом. Сопоставляя все это, он пришел к выводу, что фашистский арсенал находится где-то на северной оконечности острова.
Через некоторое время Шредер установил контакт со своей соотечественницей, которую нацисты привезли из Познани в лагерь депортированных на Узедоме, а там отдали в прислуги к одному из ракетчиков. Эта женщина, по имени Анна, сразу же предложила свою помощь. С тех пор Анна стала важным звеном в цепи информационных источников польского движения Сопротивления. Жила Анна в одном бараке со многими польками, которые, работая, как и она, в домах немцев, имели возможность собирать важные сведения о новом оружии. Анна говорила по-немецки, но тщательно скрывала это. Поэтому люди, бывавшие в доме ее хозяина, болтали даже на узкоспециальные темы. Анна с утра до вечера была занята хозяйством, но внимание ее было сосредоточено на разговорах, которые вели немцы. Ночью, лежа в бараке, она под одеялом при свете карманного фонарика записывала на клочках папиросной бумаги все важное, что ей удавалось услышать. Инженер Шредер время от времени забирал у нее эти сведения и через связных отправлял руководству Сопротивления.
Полученными от Шредера данными занимался инженер Коцьян. Тексты и чертежи свидетельствовали о том, что на острове Узедом испытываются новые типы самолетов и огромные ракеты. Польское движение Сопротивления с помощью тайного радиопередатчика предупредило об этом англичан.
В Лондоне вспомнили о «Документе Осло», который 14 месяцев назад запрятали в архив разведывательной службы. Черчилль, все еще настроенный скептически, был вынужден затребовать план нацистского ракетного центра.
* * *
Унтер-офицер «люфтваффе» Роман Трегер, по происхождению австриец, сидел в одном из быдгощских кабачков и уныло тянул пиво. В кармане у отпускника лежала увольнительная на три дня, настроение было преотвратительнейшее. Через пять—десять часов Трегер должен был снова расстаться с молодой женой. Подошедший поляк вступил с ним в разговор. Болтали о том о сем. Узнав, что унтер-офицер служит на острове Узедом, польский собеседник насторожился. Случайные знакомые понравились друг другу и вскоре нашли общий язык. Поляк пригласил Трегера к себе на квартиру.
После короткого и отнюдь не безопасного в те дни взаимного прощупывания, участник польского движения Сопротивления пришел к выводу, что Трегер не шпик. Ему предложили сотрудничать с польским движением Сопротивления. Трегер не колебался. Он обещал держать язык за зубами и честно выполнять свой долг в армии антифашистских борцов. Польские друзья присвоили Трегеру кодовое обозначение «T2-AS».
Трегер пожертвовал оставшиеся дорогие часы своего короткого отпуска, чтобы рассказать все, что знал об испытательной станции. Он в общих чертах охарактеризовал воздушные торпеды, как он называл ракеты и самолеты-снаряды, которые запускаются с помощью электрического устройства с бетонных дорожек или стальных конструкций. В качестве топлива, рассказывал Трегер, используются водород и жидкий воздух. Снаряды поднимаются в воздух почти вертикально, затем переходят в горизонтальный полет. На них установлены пластины различных размеров, издающие клокочущий и грохочущий шум. Вес снарядов колеблется от 2 до 15 тонн, управляются они по радио.
Трегер набросал масштабную схему испытательной станции. Поляки поблагодарили его и поручили подготовить ответы на вопросы, которые он не смог дать во время встречи. В тот же день был начерчен и заснят на фотопленку план Пенемюндского центра. Кадры следовало направить в Варшаву.
Повсюду подпольщиков подстерегали опасности: эсэсовские контрольные посты, гестапо, полевая жандармерия и агенты нацистской разведки. Но микрофильм нужно было переслать во что бы то ни стало. В это дело включился кочегар пассажирского поезда Фердинанд Сломинский – один из надежнейших связных польского движения Сопротивления, известный под кличкой «Заяц». В куске каменного угля он просверлил отверстие и спрятал в нем микрофильм. Кусок угля в паровозном тендере был доставлен в Варшаву. Там в депо его уже ждал связной.
15 июля 1943 года, через неделю после беседы Гитлера с Вернером фон Брауном, инженер Коцьян мог с удовлетворением констатировать, что данные, полученные из Штеттина, в

значительной мере сходятся с новой информацией из Быдгоща и дополняют друг друга. Поскольку из Лондона затребовали копию микрофильма, было принято решение одновременно переслать туда также чертежи немецкого самолета-снаряда и ракеты «А-4» с указанием приблизительных параметров.

Бывший капитан польской армии Ян Новак, готовый к самому худшему, отправился в опасный путь. Облачившись в форму немецкого железнодорожника, с соответствующими документами в кармане, он проскочил контрольные посты гитлеровцев и достиг Гдыньского перевалочного порта. Фотопленки хранились попеременно то в выпотрошенной батарее для карманного фонаря, то в ручке безопасной бритвы, то в специально приспособленном ключе от квартирного замка. Поляки, находившиеся на принудительных работах, помогли Новаку в порту. В трех метрах от немецкого часового, которого отвлекли на какой-то момент, Новака погрузили в ящике с силезским углем на грузовое судно, отправлявшееся в Швецию. Более тридцати шести часов просидел он под тонким слоем угля, пока судно не достигло шведского берега. Новак немедленно направился к английскому посланнику в Стокгольме и передал ему микрофильмы о Пенемюнде и чертежи нового оружия.

Английская разведка сопоставила доставленные сведения с «Документом Осло» и данными разведки, полученными из Франции через Швецию.

В оккупированной Франции кучка ученых-патриотов также вступила в неравную и казавшуюся на первых порах бесперспективной борьбу. Эта группа внутри французского движения Сопротивления скрывалась под именем средневекового венецианского купца и путешественника Марко Поло. Научный центр организации «Марко Поло», имевшей четкую структуру, находился в Лионе, в третьем по величине городе Франции, насчитывавшем полмиллиона жителей.

Во главе организации стоял 60-летний французский ученый Андре Хельброннер, очень хорошо знакомый с проблемами жидкого воздуха, ультрафиолетовых лучей и тяжелой воды. Вместе с ним борьбу против фашистов вел 30-летний Альфред Эшкенази, большой специалист в области кибернетики. Третьим в этом добровольном научном разведывательном центре был Жак Верн (настоящая фамилия Бержье) – всемирно признанный авторитет в области электроники.

Французские патриоты установили, что нацисты использовали для производства своего «чудо-оружия» также различные предприятия и результаты научных исследований в оккупированных ими странах.

В то время как французский народ вел связанную с большими жертвами борьбу против оккупантов, владельцы французских концернов активно сотрудничали с немецкими фашистами. Один нацист из треста «ИГ Фарбениндустри», например, следующим образом записал содержание, состоявшейся в Париже беседы с французским химическим королем Жозефом Фроссаром:

> «Для того, чтобы активизировать войну против Англии, Фроссар отдает всю свою промышленность в распоряжение Германии. Кюльман (имеется в виду компания «Кюльман», являвшаяся в то время вторым по размерам химическим концерном на европейском континенте. –
> Ю. М.
>) проведет подготовку, чтобы в случае необходимости производить для «ИГ» полуфабрикаты и подсобные материалы. Кюльман желает сотрудничества, основанного на полном доверии».

Французские монополисты отдали нацистам все: землю, заводы, акции, патенты и описания технологии производственных процессов.

Вернер фон Браун, который в июле 1941 года все же вызвал Оберта в Пенемюнде под фиктивным именем Фриц Ханн, поручил ему вместе с группой других работников изучить все имеющиеся иностранные патенты, с тем чтобы извлечь из них пользу для создания ракеты.

Захват фашистами французского патентного богатства не остался незамеченным. Организация «Марко Поло» внимательно следила за тем, что особенно интересует оккупантов: данные относительно гидразина
34
и работы французского исследователя в области ракет Эно-Пельтри. Члены группы «Марко Поло» обратили внимание на то, что во Франции резко увеличилось производство жидкого кислорода. Больше того, используя старые связи, они сумели проникнуть в милитаристское «Общество кайзера Вильгельма», занимавшееся исследованием жидкого кислорода для немецкого секретного оружия. Таким образом французским патриотам удалось получить подтверждение своих прогнозов и расчетов. Вскоре группа «Марко Поло» установила, что специальный отдел в Пенемюнде готовит большие заказы для французских предприятий, сотрудничающих с оккупантами. Из Северной Франции и Голландии поступили сообщения о строительстве там крупных блиндажей и бетонированных стартовых дорожек.

Организация «Марко Поло» направляла все эти данные непосредственно в Лондон. Особый курьер перевозил материалы в кассетах в Швейцарию. Кассеты были устроены таким образом, что если бы их стали открывать не знакомые с их устройством люди, содержимое немедленно бы сгорело.

Крайне обеспокоенная полученными сведениями, группа «Марко Поло» запросила в январе 1943 года помощь у всех центров французского партизанского движения. Сотни людей самых разных профессий занимались во Франции сложнейшей работой. Была поставлена задача собирать данные о немецких самолетах-снарядах, ракетах и о движении транспортов из Франции в запретную зону на севере Германии, о попытках привлечь французских технических специалистов к работе над реактивными двигателями.

В то же время французские ученые понимали, что их деятельность рано или поздно привлечет внимание гитлеровской разведки. Но ответственность перед человечеством и стремление всеми имеющимися средствами воспрепятствовать новым преступлениям фашистов не оставляли иного выхода.

Гестапо уже начало усиленные розыски участников организации «Марко Поло». Этим были заняты 32 тысячи чиновников и агентов службы безопасности. В застенках свирепствовали гестаповские палачи, подвергая жесточайшим пыткам борцов Сопротивления и совершенно безвинных, но в чем-либо заподозренных людей. Дикая фантазия гестаповцев не знала границ. Истязуемых бросали на землю и избивали кнутами. Пытались добиться признания и еще более жестокими методами. Варвары XX века применяли для пыток электрический ток. Женщинам связывали руки за спиной и подвешивали к потолку, оставляя в таком состоянии до тех пор, пока суставы не выходили из предплечий. Нацистские изверги бритвами надрезали подошвы своих жертв и заставляли несчастных бегать по посыпанному солью полу.

Такими кровавыми методами Гиммлер пытался сохранить тайну о ракетах, которые создавал штурмбанфюрер Вернер фон Браун.

Тем не менее организация «Марко Поло» постепенно накапливала сведения об «оружии особого назначения». В соревновании со временем она одерживала победу.

Участники французского движения Сопротивления узнали, что в Пенемюнде работает сын одного из русских эмигрантов. Было также известно о его антигитлеровских настроениях. Во время служебной поездки в Париж русский установил контакт с французской подпольной организацией. Представитель группы «Марко Поло» назначил ему встречу на одном из сеансов в планетарии. В планетарии было темно, бесшумно работавший аппарат проецировал на полусферическом экране звездное небо. Однако два десятка глаз отнюдь не были прикованы к чуду техники, они были устремлены на незнакомца. В карманах партизаны на всякий случай держали пистолеты со взведенными курками. Коробка из-под сигарет, доставленная русским, перешла от одного к другому. Не дожидаясь конца сеанса, партизаны покинули планетарий.

В научной секции организации «Марко Поло» срочно проверили полученные чертежи, негативы и формулы. Тем же вечером в Лондон пришла шифровка.

Лондонский штаб связи, в который направлялись все добывавшиеся сведения, получал по радио одно сообщение за другим. Из них явствовало, что в декабре 1943 года следует ожидать обстрела Англии самолетами-снарядами и ракетами. К весне 1944 года гитлеровцы намеревались запускать 5 тысяч снарядов в день. Было обнаружено уже 138 стартовых

площадок на северном побережье Франции и Голландии. Английские контрразведчики насторожились.
К тому же в Лондон из Парижа и Лиона поступили сведения о ракете «А-4» с указанием, как вести борьбу с ней. Кроме того, англичанам были доставлены списки ведущих французских предприятий, поставлявших механические и электрические детали для фашистского «чудо-оружия», список предприятий по производству топлива, текст совершенно секретного документа верховного командования вермахта за № 4895/41, фотоснимки стартовых площадок и пусковых платформ и характеристика специальной части, выделенной нацистами для обслуживания «оружия особого назначения». Это был 155-й зенитный полк под командованием полковника Вахтеля, который из соображений маскировки пользовался во Франции документами на имя Мартина Вольфа.
Материалы, поступавшие из Германии, Польши, Франции и Голландии, вынудили наконец английскую разведку, через три с половиной года после получения письма Куммерова, рекомендовать произвести эффективную бомбардировку Пенемюнде.
Правительство Великобритании, особенно премьер-министр Черчилль, все еще проявляли нерешительность. Ближайший советник Черчилля оксфордский профессор физики Фредерик Александр Линдеман говорил, например, что все данные, поступающие от партизан, – не более как «результат ракетной истерии», и энергично возражал против воздушного налета на Пенемюнде. В британском генеральном штабе после некоторого колебания наконец решили предпринять сначала несколько разведывательных полетов.
Английский пилот Пик добровольно вызвался осуществить эти рискованные полеты. Он пролетел над Узедомом на большой высоте, ибо на «запретном острове» была особенно мощная противовоздушная оборона. Однако первый разведывательный полет Пика оказался неудачным: сделанные им снимки не получились из-за недостаточной экспозиции. Пику пришлось еще раз совершить опасный рейс.
На сей раз обработкой фотопленок занялась сама Констанция Бэбингтон-Смит, которую ее друзья и сослуживцы называли «Бэбс». До войны она была шляпницей-модельером. Когда гитлеровцы напали на Польшу, Констанция пошла в армию. Подразделение воздушной фоторазведки, в котором служила «Бэбс» в качестве старшего лейтенанта, дислоцировалось в Медменхэме (графство Беркшир), в 40 километрах западнее Лондона. Лаборатории размещались в монастыре XIII века. Аэрофоторазведчики союзников привозили с западноевропейского фронта центнеры заснятой фотопленки, которую обрабатывали здесь умелые женские руки. Работа не прекращалась круглые сутки. Все, что дешифровщицы считали достойным внимания, поступало в штабы бомбардировочной авиации, и на основе этих данных проводились новые налеты на позиции гитлеровского вермахта и объекты германской военной промышленности.
Когда «Бэбс» проявила пленку, заснятую Пиком во время второго полета над Узедомом, и отдельные кадры были увеличены, она увидела на снимке рядом с бетонной дорожкой небольшой самолет с короткими крыльями. На другом кадре просматривалась тень от какого-то длинного вертикально стоящего предмета.
Скептики, группировавшиеся вокруг Черчилля, вынуждены были признать свою неправоту. Стало ясно, что объекты в Пенемюнде сооружены не для дезинформации и не для того, чтобы заставить бомбардировщики союзников слететься туда, подобно пчелам на мед. В районе Пенемюнде действительно создавалось оружие, о котором говорилось в «Документе Осло» и о котором сигнализировали польские и французские партизаны.
В то время как в Англии политические деятели, генералы и ученые вели разговоры о том, насколько реальным является фашистское ракетное оружие, на континенте многие участники Сопротивления шли на смерть, чтобы спасти жизнь английских детей, женщин и стариков. Гиммлеровская служба безопасности и гестапо непрерывно производили массовые аресты. Постепенно они напали и на след организации «Марко Поло».
Французские патриоты понимали, что у них остается слишком мало времени. Они все чаще меняли свои конспиративные квартиры и явки, непрерывно перебазировали радиопередатчики. В июне 1943 года гестапо удалось арестовать Андре Хельброннера. Однако 60-летний патриот не стал предателем. Несмотря на чудовищные пытки, гестаповцам не удалось от него добиться сведений, где скрываются его друзья. Закованного в кандалы Хельброннера отправили в концлагерь Бухенвальд, чугунные ворота которого закрылись за ним навсегда. Через полгода

французский ученый был сожжен в бухенвальдском крематории, а на свидетельстве о его смерти эсэсовские бандиты поставили обычный штемпель: «Умер от воспаления легких».
Через несколько дней после ареста Хельброннера гестапо устроило в Лионе засаду на Альфреда Эшкенази. Он пытался бежать, но был сражен автоматной очередью.
Чем беспощаднее становились действия нацистов против борцов французского движения Сопротивления, тем больше разрасталась армия партизан. И хотя организация «Марко Поло» была ослаблена, ее участники ни на минуту не упускали из поля зрения гитлеровское ракетное оружие. Она изменила свою структуру и стала именоваться «Промонтуар»; организация не была сломлена, упорный, героический труд ее участников не прекращался.

Перед новым, 1944 годом ищейки адмирала Канариса схватили третьего члена руководства организации «Марко Поло» – Жака Бержье. Он был брошен в саарбрюккенский лагерь смерти Нейенбремме. Принимая Бержье, начальник лагеря с издевкой заметил, что у него заключенные до сих пор не выживали более четырнадцати дней, а большинство уже через неделю сходили в могилу. Ежедневный рацион лагерников состоял из наполовину испорченных продуктов и не превышал 500 калорий. Люди гибли от голодной смерти. Однако палачам не удалось сломить волю Бержье. В тяжелых лагерных условиях он вел дневник, фиксируя преступления нацистов. Через четыре недели после пребывания в лагере его вес уменьшился до 40 килограммов. Бержье стал похож на скелет, обтянутый кожей. В таком состоянии в мае 1945 года Бержье встретил своих освободителей[35].

Соратника Бержье по «Марко Поло» Рене Пелье нацисты казнили незадолго до их изгнания из Лиона. До этого доведенный до безумия непрерывными пытками Пелье в течение нескольких недель томился в лионском отделении гестапо в крепости Монлюк. Жена Пелье Маргарита была замучена эсэсовцами в концлагере Маутхаузен.
Имена этих отважных людей стоят в одном ряду с именами многих героев из различных европейских стран, отдавших свои жизни в борьбе с ракетчиками Вернера фон Брауна.
Гиммлер выполнил обещание, данное им в Пенемюнде. Его палачи не останавливались ни перед какими преступлениями. Но, несмотря на постоянно усиливавшийся террор, народы не дали себя сломить.

Бомбовый дождь на Пенемюнде

«Никаких происшествий».

Такую запись, сдавая дежурство, сделал в постовой ведомости в первом часу ночи 18 августа 1943 года фельдфебель Больтенхаген. Он прибыл в Пенемюнде после ранения, полученного на фронте, и был рад спокойной обстановке, царившей на острове. Больтенхагену хотелось, чтобы его семья, проживавшая в Эссене, также была избавлена от налетов англо-американских бомбардировщиков, как и он. Фельдфебель взял противогаз и пошел к расположенной поблизости казарме.
Только что по радио объявили о приближении с северо-запада бомбардировщиков противника. Но никто не обратил на это внимания. Англо-американские самолеты в последнее время часто пролетали над устьем Одера в направлении Берлина и тем же маршрутом возвращались обратно.
Ни фельдфебель Больтенхаген, да и никто другой на Узедоме отнюдь не предполагали, что это был маневр. Пилоты бомбардировщиков из королевских военно-воздушных сил и те не знали, почему они уже в течение четырех недель должны были, возвращаясь после бомбежки Берлина, обязательно пролетать над Узедомом.

Сильная противовоздушная оборона на острове имела строгий приказ не открывать огня и не поднимать в воздух истребители, дабы не привлечь внимания противника к ракетному острову. Так было и этой ночью.
Еще накануне маршал королевской авиации сэр Артур Траверс Харрис пригласил ответственного за операцию подполковника Серби и его офицеров в свой кабинет и сообщил:

> «Всем экипажам должна быть разъяснена чрезвычайная важность цели, на которую сегодня будет совершен налет, и безусловная необходимость сразу же уничтожить ее. Если налет не удастся, он будет повторен в последующие ночи. В этом случае, однако, не удастся избежать больших потерь!»

Кроме подполковника Серби цель операции «Фотон» знали только два офицера штаба бомбардировочного соединения. Сам Серби намеревался кружить на своем самолете над Узедомом и наводить экипажи на цель.
Налет на Пенемюнде начался. Первые волны бомбардировщиков пролетели над Узедомом как и в предыдушие ночи. Внизу даже не объявили тревогу, по-прежнему уповая на прекрасную светомаскировку.

> Внезапно над северной оконечностью острова повисла «рождественская елка»
> 36
> . Почти одновременно из четырехмоторных бомбардировщиков посыпались тяжелейшие бомбы, канистры с зажигательной жидкостью и фосфором. В пенемюндской запретной зоне началось светопреставление. Задрожали здания. Девять 500-килограммовых бомб разрушили бетонированные цеха. Дома в поселке горели подобно факелам. И только после этого открыли огонь немецкие зенитные батареи.

Одна волна бомбардировщиков сменяла другую. Один «бомбовый ковер» за другим обрушивался на хорошо видневшиеся в лунном свете цехи, где создавалось «оружие особого назначения». Подполковник Серби, летая над островом, отдавал приказы. Полтора миллиона килограммов фугасных и зажигательных бомб было сброшено в ту ночь на цель.
Наконец над островом появились ночные истребители, срочно посланные из района Берлина. Им удалось сбить 47 из 600 «летающих крепостей», участвовавших в налете.
Уже взошло солнце, а фосфор продолжал гореть, распространяя едкий дым и дождь искр. Первые команды саперов, прибывшие из Вольгаста и Штеттина, пытались спасти то, что еще было можно.
735 пенемюндцев было похоронено после этого налета. Вальтер Дорнбергер и Вернер фон Браун, ответственные за смерть этих людей, потеряли незаменимых специалистов – ученых в области ракетной техники. Погибли начальник полигона, специалист по двигателям доктор Вальтер Тиль, старший инженер Вальтер и генерал-майор фон Шамье-Гличинский. Половина лабораторий была превращена в руины и пепел, уничтожены тысячи чертежей. От электростанции и кислородного завода остались лишь полуразрушенные стены. Сгорел поселок технического персонала. Был превращен в развалины портовый квартал. Уцелели лишь некоторые хорошо замаскированные испытательные площадки, аэродинамическая труба и измерительная лаборатория.
Хотя англичане, проводя воздушный налет на ракетные базы вокруг Пенемюнде, и имели точные планы расположения объектов, добытые участниками польского движения Сопротивления, они не пощадили барачные поселки военнопленных и насильственно угнанных рабочих. А тех из них, кто пытался спастись от английских бомб, расстреливали из пулеметов эсэсовцы.
До сих пор неизвестно точное число иностранцев и немцев – заключенных концлагерей, погибших на острове Узедом. Об этой кошмарной бомбежке напоминает установленный на кладбище в Карлсхагене каменный крест. На нем по указанию евангелической церкви высечена надпись:

> «Здесь покоятся 213 человек, угнанных на принудительные работы:
> 91 поляк

23 украинца
17 французов
16 заключенных концлагерей
66 лиц неизвестной национальности
Бог говорит: Я знаю тебя по имени».

И все же налет на Пенемюнде коренным образом отличался от англо-американских бомбардировок рабочих кварталов германских городов. «Запретный остров» был одним из опаснейших нацистских арсеналов, нервным центром фашистской военной машины, откуда исходила угроза для народов Европы и даже Америки.
Удар по пенемюндской экспериментальной ракетной станции попал в самую точку. Коричневые бонзы задумались. Нацистские власти в Берлине и Пенемюнде сразу же бросились искать козлов отпущения, хотя в свершившемся бедствии они, по существу, были повинны сами.
Гитлер, узнав о результатах бомбардировки, был взбешен.
В кабинете генерал-полковника Йешоннека раздался телефонный звонок.
– Господин генерал-полковник, подождите, пожалуйста, у аппарата. С вами будет говорить фюрер.
Через минуту в трубке раздался голос Гитлера:
– Вы уже слышали новость из Пенемюнде?
– Так точно, мой фюрер.
– Тогда вы знаете, что следует делать! – прохрипел Гитлер.
Но начальник штаба нацистской «люфтваффе», принявший все меры, чтобы наладить производство самолетов-снарядов и ракет для обстрела английских городов, этого-то как раз и не знал. Он написал письмо семье, вытащил пистолет и застрелился.
На следующее утро в Пенемюнде появился начальник полиции безопасности и службы безопасности обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер. Гитлер и Гиммлер поручили ему расследовать, откуда противник узнал о том, над чем работали в Пенемюнде.
– Где генерал Шамье-Гличинский?
– Убит!
Кальтенбруннеру не повезло. Мертвые ему помочь не могли.
Первыми, кто пришел в себя, были генерал-майор Дорнбергер и фон Браун. Им было ясно, что опускать руки нельзя. Они успокоили начальника гиммлеровской службы безопасности, заверив его, что оставшиеся в живых пенемюндские конструкторы приложат все силы к тому, чтобы быстро преодолеть последствия катастрофы и точно в срок выполнить задание Гитлера. Немного успокоенный, Кальтенбруннер настоял все же на том, чтобы в сотрудничестве с «абвером» активизировать меры по обеспечению безопасности и организовать систематическую «проверку благонадежности» всего военного и технического персонала. Военнопленными, насильственно согнанными на принудительные работы, и командами заключенных концлагерей гестапо и служба безопасности занялись сами.
Заключенные, работавшие на Узедоме, были отправлены в лагери смерти. Эсэсовцы провели особую чистку среди польских рабочих.
Вскоре нацисты оказались в затруднительном положении. Надо было ускорить осуществление ракетной программы. Для этого требовались тысячи рабочих. Но чем большее число людей было посвящено в то, что делалось на острове, тем труднее становилось сохранить тайну.
Англо-американская авиация все чаще и чаще стала совершать налеты на заводы, участвовавшие в производстве «оружия особого назначения». Бомбы обрушивались на предприятия, поставлявшие материалы для фашистского ракетного производства: в октябре 1943 года бомбежке подвергся Лейпциг, в ноябре – Дюссельдорф, Кельн, Вильгельмсхафен и центр химической промышленности Людвигсхафен. Участники французского движения Сопротивления тем временем перешли к активным действиям. Они всеми силами противодействовали гитлеровским ракетчикам.
Нацисты не в состоянии были справиться с систематическим саботажем. Как только «Организация Тодта» приступила к сооружению спроектированного Вернером фон Брауном 7-метрового бетонного покрытия пускового блиндажа, французские партизаны вызвали по радио

англо-американские бомбардировщики. Бетономешалки были разбиты, боковые стенки бункера, строившиеся в течение многих месяцев, завалились.

Нацистам не оставалось ничего иного, как спешно начать строительство новой пусковой шахты в заброшенном известняковом карьере неподалеку от местечка Визерне. Однако до конца войны им так и не удалось воспользоваться этим сооружением.

Итак, благодаря совместным действиям антифашистов ряда стран производству немецких военных ракет осенью 1943 года был нанесен большой ущерб. Серийный выпуск «секретного оружия» был задержан примерно на 6 месяцев, хотя над ним работали 800 военных заводов в Германии и в оккупированных нацистами европейских государствах. Несмотря на воздушные налеты, Гитлер приказал продолжать работы над ракетами. В записке, которая хранилась в письменном столе Вернера фон Брауна, «фюрер» подчеркивал: «Я считаю программу производства оружия особого назначения чрезвычайно срочной... Дано указание рассматривать ее как первоочередную».

Цифры обвиняют

Стремление как можно быстрее наладить серийное производство самолетов-снарядов и ракет объединило различные группы монополистов и предпринимателей, почуявших гигантские прибыли. «Вервиртшафтсфюреры»[37] были трогательно единодушны с Вернером фон Брауном. Они жаждали отхватить этот жирный кусок – самый крупный военный заказ фашистской Германии 1943 года.

Основываясь на предложениях пенемюндских специалистов, Гитлер приказал испытательной станции ВВС и руководимой фон Брауном экспериментальной базе сухопутных сил в Пенемюнде запускать ежедневно тысячу самолетов-снарядов «Fzg-76» («Фау-1») и десять баллистических ракет «А-4» («Фау-2»), а затем довести их число до пяти тысяч в день.

Заправилы концернов жадно потирали руки. У них кружились головы в предвкушении грядущих прибылей. Чтобы дать некоторое представление о поистине золотом дожде военных заказов, который излился на магнатов военной промышленности фашистской Германии в связи с развертыванием производства этих новых видов оружия, приведем некоторые цифры. Каждый самолет-снаряд «Fzg-76» стоил 61 260, а каждая ракета «А-4» – 306 300 марок. Нетрудно подсчитать, что для реализации приказа Гитлера общая сумма заказов на их производство должна была уже в начальный период составлять 64 323 тысяч марок в день, или 23 477 895 тысяч марок в год, а при достижении поставленной на дальнейшее задачи – астрономических цифр 312 426 тысяч марок в день, или же, соответственно, 114 035 490 тысяч марок в год[38]. Даже если исходить из скромной нормы прибыли в 10%, то и тогда участвовавшие в этом доходном деле монополистические группы уже в начальный период должны были получить годовую прибыль свыше 2,3 миллиарда марок. А в дальнейшем ракетный бизнес приносил бы им доход в 31,2 миллиона марок в день, или 11,4 миллиарда марок в год.

Напомним в этой связи слова старого английского экономиста, приведенные Карлом Марксом в первом томе «Капитала»: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

Надо ли говорить, что германские империалисты, которым производство гитлеровского «чудо-оружия» сулило несметные доходы, не останавливались ни перед какими преступлениями даже ради меньшей нормы прибыли!
Ненасытная жажда наживы – вот что заставляло монополистов гитлеровской Германии, невзирая на огромные потери в людях и технике, форсировать производство «оружия особого назначения» чуть ли не до последнего удара часов, возвестившего конец нацистского режима. Гитлер не оставался в долгу у монополистических воротил, которые когда-то купили его самого, и теперь щедро вознаграждал их.

> Человеком, который по уполномочию Гитлера давал и распределял военные заказы такого масштаба, изымая из кармана немецкого народа миллиарды марок, был профессор Карл Хеттлаге – начальник отдела финансирования и организации военной промышленности нацистского министерства вооружения и военного производства. В ответе на запрос автора книги он признал 1 марта 1962 года, что ракетный бум вызывался стремлением монополий к «выпуску более рентабельной с точки зрения частного хозяйства продукции». Ну что же, погоню за максимальной прибылью можно при желании называть и так! Но профессор Хеттлаге, дока по части юридической казуистики, постарался как можно деликатнее обойти вопрос о той роли, какую играл он сам в развитии гитлеровской военной машины[39]. Ведь тогда он был, не говоря уже о его должности в министерстве вооружения, влиятельным гауптштурмфюрером СС[40] в гиммлеровском Главном управлении СС. Хеттлаге заботился о том, чтобы для производства ракет концернам не приходилось предварительно строить новые предприятия и вкладывать собственный капитал. Благодаря стараниям Хеттлаге монополии могли воспользоваться для получения максимальных прибылей при минимальных затратах теми предприятиями, которые финансировались за счет налогоплательщиков.

«Выпуск более рентабельной с точки зрения частного хозяйства продукции» осуществлялся в различных вариантах.
Возьмем для примера завод «Велла». В маленьком городке Ротенкирхен в Фогтланде некие братья Штроер на своем небольшом, почти полукустарном предприятии изготовляли помаду и жидкость для завивки, сушилки для волос и парики. К 1939 году фирма имела неплохую репутацию, но, очевидно, владельцам этого было мало. Братья Штроер вступили в нацистскую партию, чтобы содействовать осуществлению гитлеровских планов мирового господства. Трудно сказать, сколько именно пожертвовали они на подготовку летчиков для геринговских бомбардировщиков, но, верно, немало. Зато они и сами охотно претендовали на финансовую помощь своих нацистских сообщников, чтобы, пользуясь государственными субсидиями, сбывать по бросовым ценам свою продукцию на зарубежных рынках. Рука руку моет! Недаром братья Штроер (о чем свидетельствуют сохранившиеся бухгалтерские документы) не пожалели многих тысяч марок в «фонд Адольфа Гитлера».
Когда Гитлер начал свою разбойничью войну, активный член милитаристского союза «Стальной шлем», капитан запаса Карл Штроер тоже пошел на фронт – только на «тыловой»! – и начал биться... за военные заказы. Уже вскоре его предприятие приступило к выпуску военной продукции и с 1943 года стало крупным поставщиком материалов для самолетов-снарядов и ракет. Если в 1943/44 хозяйственном году прибыль, полученная фирмой «Велла» от производства военной продукции, составляла 176 тысяч марок, то в 1944/45 году она уже равнялась 470 тысячам, а объем производства в стоимостном выражении удвоился. В результате – свыше 20% чистой прибыли, жить можно! Оба братца – разумеется, освобожденные по броне от военной службы – нажили за войну и на войне круглый миллион. Теперь они уже промышляли не патентованным средством для рощения волос, нет, в погоне за куда более легкой и обильной прибылью они стали кровавыми торговцами смертью.

> Фирма «Велла»[41]

была лишь одним из тех 800 предприятий, которые успешно домогались заказов по реализации гитлеровской ракетной программы. Столь же характерна в этом отношении, например, и фирма «Крайзельгерете Гмбх» (Берлин – Бриц), которая с самого начала оснастила свой завод агрегатами для производства боевых ракет.

Однако на львиную долю в производстве ракетного оружия претендовали другие, более влиятельные и мощные силы, стремившиеся занять свое место в самой агрессивной и алчной группе германских империалистов.
В прежних войнах, которые вели империалисты, подавляющую часть прибылей обеспечивали себе те группы финансового капитала, которые держали в своих руках уголь, чугун и сталь. Война поглощала прорву металла, и с каждой его тонны капиталисты взимали свою обильно политую кровью дань. Прежде, к примеру, артиллерия была той огневой ударной силой, которая предназначалась для взламывания вражеской обороны. 200 и более орудий и минометов на километр линии фронта обрушивали свой огонь на противника, чтобы превратить в сплошное месиво от 25 до 40% его живой силы и техники. Отсюда можно сделать вывод, сколь велик был расход боеприпасов и сколь огромна была потребность в несущем смерть металле. Если учесть, что зенитной артиллерии требовалось 400—600 снарядов, чтобы в цель попал один, то это означало, что прибыли соответствующих концернов росли как на дрожжах.
Теперь же, в период второй мировой войны, в первый ряд торговцев смертью выдвигались магнаты электротехнической промышленности, которые сумели добиться ведущего положения и отстоять собственные интересы в погоне за военными заказами. На то имелись как военно-технические, так и экономические причины. Если раньше на долю электроконцернов приходилось примерно 25% стоимости военного самолета, то при производстве ракеты стоимость электронного и электротехнического оборудования и приборов точной механики составляла уже 50%. Иначе говоря, она равнялась половине заводской цены ракеты. Реализация планов Вернера фон Брауна могла дать электромонополиям фашистской Германии заказы на сумму полмиллиарда, а вскоре – и свыше миллиарда марок в год.
Электроконцерны, и без того по горло загруженные военными заказами, ринулись в бой за ракеты.

Один из крупнейших монополистов гитлеровской Германии – Карл Фридрих фон Сименс, глава известного электроконцерна «Сименс унд Гальске», 19 марта 1940 года на собрании акционеров этой компании так охарактеризовал положение с военными заказами: «Прямые и косвенные военные запросы значительно превышают нашу производственную мощность... В сравнении с периодом (первой. –
Ю. М.
) мировой войны требования, которые предъявляются войной к электротехнической промышленности в ее исконной области, возросли во много раз. Пока продолжается война и имеются в наличии люди и материалы, такое положение в этой отрасли промышленности останется без изменений».

То же самое можно сказать и об акционерной электрокомпании «АЭГ», более 80% продукции которой уже шло на нужды фашистской военной машины. Ее берлинское дочернее предприятие «Телефункен» поставляло электрооборудование для ракет «А-4». Этим же занимался и принадлежавший «АЭГ» завод электроаппаратуры в Берлин-Трептове
42
.

Обороты и прибыли концерна «АЭГ» от военных заказов возрастали прежде всего в связи с самолетостроением и параллельно с конструированием и производством боевых ракет. Если этот общий оборот в 1932/33 хозяйственном году равнялся 180 миллионам марок, то в 1938/39 году он составлял уже 604 миллиона, а в 1943/44 году увеличился до 1 миллиарда марок. Эти цифры достаточно красноречиво говорят о том, что выпуск военной продукции действительно куда более рентабелен с точки зрения частной собственности! Такая точка зрения вполне разделялась и акционерами «АЭГ»; она отражала огромную заинтересованность

монополистических кругов в политике вооружения и войны. Нет, вовсе не монополии действовали по указке Гитлера, его сатрапов и генералов, как это могло казаться, а наоборот – те плясали под дудку монополий.

В июне 1946 года один из членов правления «АЭГ», Фридрих Шпенарт[43], взялся за перо, чтобы попытаться обелить заправил концерна, виновных в тяжких военных преступлениях. Он нагло утверждал, что компания «АЭГ», «в противоположность другим крупным хозяйственным предприятиям (под которыми Шпенарт явно подразумевал конкурирующий концерн Сименса. – Ю. М.), до прихода национал-социалистов к власти, а также в начале их правления стояла в стороне от махинаций гитлеровцев и все руководящие ее лица отказались дать впрячь себя в руководимую национал-социалистами экономику». Эту отрицательную позицию, утверждает Фридрих Шпенарт, компания «АЭГ» якобы «продолжала сохранять и после прихода нацистов к власти, вплоть до краха национал-социалистского режима в 1945 году»[44]. Все это, как и утверждения о незначительном участии «АЭГ» в конструировании и серийном производстве гитлеровских военных ракет, – наглая ложь. Концерн «АЭГ» с самого начала захватил командные позиции в фашистском ракетном деле, и, при всех имевшихся разногласиях по второстепенным вопросам, управление вооружений сухопутных сил, министерство вооружения и генеральный штаб всегда перед ним пасовали.

В начале 1943 года нацистский министр вооружения Шпеер образовал «комиссию по созданию дальнобойного оружия» с целью непосредственно связать деятельность вермахта по развитию военной техники с военной промышленностью. Этот синклит по вопросам вооружения состоял из представителей заинтересованных и участвовавших в военном производстве монополий, а также министерств Геринга[45] и Шпеера. В комиссию входили также главнокомандующий армией резерва и начальник штаба управления вооружений сухопутных сил. Председательский пост в комиссии сразу же захватил концерн «АЭГ». Его берлинский директор профессор Вальдемар Петерсен тесно сотрудничал со всесильным главарем СС Генрихом Гиммлером – последним главнокомандующим армией резерва – и в интересах «АЭГ» способствовал процветанию кровавого ракетного бизнеса. Не менее ревностно трудился на поприще бесперебойного серийного выпуска боевых ракет и другой «вервиртшафтсфюрер» – доктор инженерных наук Ганс Хейне, генеральный уполномоченный «АЭГ», член «Промышленного совета по выпуску приборов для военно-воздушных сил» и руководитель «Главного комитета по авиационному оборудованию» министерства вооружения и военной промышленности[46]. За «самоотверженную» активную деятельность на этом поприще Гитлер наградил его «рыцарским крестом к кресту за военные заслуги»[47]. Концерн «АЭГ» позаботился о том, чтобы именно его люди держали в своих руках рычаги не только «наверху», но и во всех нижестоящих звеньях.

Если в фашистском ракетном бизнесе «АЭГ» зачастую удавалось оттеснить на второй план крупнейший германский электроконцерн Сименса, то это отнюдь не значит, что тот не способствовал столь же рьяно производству «чудо-оружия». В этом концерне, объединявшем большое число предприятий, особенно выделялся своим рвением нацистский специалист по военной технике Ганс Бенкерт. До войны его оклад равнялся 49 тысячам марок в год, а затем подскочил до 100 тысяч. В награду за активное участие в выпуске военных самолетов и ракет фюрер повесил ему на грудь «крест за военные заслуги». Трест Сименса специализировался на производстве дорогостоящих приборов

управления ракетами и обеспечил себе в этой области монопольное положение. О получении постоянных заказов и платы за орудия убийства заботился Герман фон Сименс
48
– потомок прусского лейтенанта артиллерии Вернера Сименса, заложившего в середине прошлого века краеугольный камень этого предприятия-спрута. Будучи членом фашистского «Генерального совета экономики», Герман фон Сименс участвовал в определении и проведении гитлеровской политики вооружения. По договоренности Хеттлаге с генерал-майором Дорнбергером под руководство концерна Сименса был передан и экспериментальный ракетный завод в Пенемюнде.

Наряду с электроконцернами в сулившем неслыханные прибыли ракетном бизнесе вскоре стала принимать большое участие и химическая промышленность в лице треста «ИГ Фарбениндустри». Роль химии в производстве брауновских ракет видна хотя бы из следующего. При полетном весе ракеты «А-4» 612 963 килограмма вес потребляемого ею горючего составлял 67%, а при весе запланированной более мощной ракеты «А-10» в 87 тонн – соответственно 70,6%. Для осуществления программы, предусматривавшей производство 3600 ракет «А-4» в год (300 в месяц), Вернеру фон Брауну требовалось от заводов «ИГ Фарбен» 32 152 тонны горючего (кислород, этиловый спирт и другие вещества). Вся эта огромная масса горючего вылетала на воздух всего за каких-нибудь 60 часов, поскольку время сгорания горючего каждой ракеты «А-4» равнялось едва одной минуте! Приведенные цифры дают представление об экономической заинтересованности треста «ИГ Фарбен», господствовавшего над 380 немецкими фирмами и почти 500 иностранными химическими предприятиями, в конструировании и производстве ракет. Трест «ИГ Фарбен» быстро наладил в нужном объеме также производство нитроглицерина и нитроцеллюлозы для самолетов-снарядов.
Но это еще не все. Германская химическая промышленность обеспечивала каждую боевую ракету и каждый самолет-снаряд тонной взрывчатки. Кроме того, концерн «ИГ Фарбен» наживался на производстве алюминия и сверхлегированных металлов, потребность в которых с началом изготовления ракет резко возросла. Так, он поставлял 60% синтетического криолита для получения алюминия электролитическим путем. Подчиненная «ИГ Фарбен» компания «Титан-гезельшафт» в Леверкузене принимала участие в производстве жаростойких легированных сплавов, а другие предприятия концерна выполняли заказы по изготовлению изоляционных материалов.

Несмотря на налеты англо-американских бомбардировщиков, трест «ИГ Фарбен» сумел сконцентрировать в 1943 году для осуществления самой важной для вооружения ракетной программы огромные производственные мощности. Об этом говорят следующие цифры. Доля «ИГ Фарбен» в общем объеме производства алюминия всей гитлеровской Германии составила в 1943 году 8%, никеля, соответственно, – 95, сжатых газов – 100, взрывчатых веществ – 84, пороха – 70%
49
.

Таким образом, концерн «ИГ Фарбен», производивший для эсэсовцев-убийц газ «циклон-Б», при помощи которого в концлагерях были уничтожены миллионы узников, принадлежал к числу тех, кто наиболее активно участвовал в производстве ракет и более всего наживался на них. Это мог бы, кстати, подтвердить и тогдашний генеральный директор «Ферейнигте алюминиумверке АГ» Людгер Вестрик, который в качестве представителя этой компании являлся членом директивного «Промышленного совета по изготовлению авиационного оборудования»
50
. Но Вестрик, разумеется, упорно молчит, ибо в послевоенное время стал статс-секретарем боннского министерства экономики и теперь его можно видеть на приемах с «большим федеральным крестом за заслуги со звездой и лентой».

В этой связи небезынтересен и такой факт. В 1943 году, когда при поддержке СС началось серийное производство ракет и самолетов-снарядов, Гиммлер получил от «круга друзей» крупный подарок – свыше 1100 тысяч марок. В сопроводительном письме подчеркивалось, что эта сумма предназначена на решение «вновь возросших задач» гиммлеровской черной гвардии. Кто же преподнес эсэсовцам такой жирный куш? То были «Сименс-Шуккерт-верке АГ», «Бош-верке», трест «ИГ Фарбен», «Дейч-американише петролеумгезельшафт», «Рейнметалл-Борзиг», «Ферейнигте штальверке АГ», «Миттельдейче штальверке АГ», «Дейче банк», «Дрезднер банк» и другие монополистические объединения гитлеровской Германии. Тем самым они выразили свою благодарность за многомиллиардные военные заказы, гарантировавшие им баснословную прибыль. Эсэсовцы не только давали, но и получали.
Зная всю эту закулисную сторону начавшегося в 1943 году производства фашистских ракет, можно понять, почему даже в марте 1945 года, всего за пять недель до безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, производство ракет «А-4» все еще не только продолжалось, но даже превышало запланированную месячную норму (600), составляя 900 штук.

Германские монополисты до последней минуты делали все, дабы противники Гитлера гибли от смертоносного груза их многотонных дьявольских «сигар». А тотально проиграв свою тотальную войну, они принялись бесстыдно восхвалять предпринятое ими массовое убийство детей, женщин и стариков. Западногерманский журнал «Шпигель», например, писал в 1955 году: «8 сентября 1944 года стартовала на Англию первая несшая боеголовку весом в тонну ракета дальнего действия – самое крупное, после атомной бомбы, техническое достижение периода второй мировой войны... За ней последовали еще 4300 ракет, прежде чем русские (имеется в виду Советская Армия. –
Ю. М
.) захватили Пенемюнде, а американцы – подземные заводы в Гарце»
51
.

Так в Федеративной Республике Германии задним числом делают рекламу фашистскому «чудо-оружию»! Правда, при этом невольно признается, что именно Советская Армия первая положила конец этому гитлеровскому злодеянию. Налеты англо-американской авиации не смогли обуздать фашистов. Хотя к весне 1945 года ею и было разрушено немало германских городов, производственные мощности «ИГ Фарбен» на 90% уцелели. Пору тяжелых страданий немецкого народа от бомбежек благополучно пережили и другие германские военные монополии, такие, как «АЭГ» и «Сименс», многие десятилетия связанные с англо-американскими финансовыми кругами.

Хотя брауновские ракеты «А-4» и выдавались за «крупное техническое достижение», в них было множество существенных технических недоделок. Когда в 1942 году Герману Оберту впервые было разрешено взглянуть на ракету «А-4» (Вернер фон Браун из карьеристских соображений не подпускал его близко к «чудо-оружию»), он сразу же подверг критике ее явно устаревшую конструкцию. Но высокомерные сотрудники экспериментальной ракетной базы Пенемюнде обошлись с ним, как с несмышленым школяром. Предложения Оберта были похоронены в сейфах, а ему сказали: «У нас нет больше времени для улучшений»
52
. И действительно, участники ракетного бизнеса торопились. Их целью была прежде всего та баснословная прибыль, которую могла принести ракета, пусть даже технически несовершенная – лишь бы побыстрее и побольше! Сам же Герман Оберт покинул Пенемюнде и сразу же предложил свои услуги связанной с вермахтом компании «Вестфелиш-Ангальтише шпренгшттоф АГ» в Рейнсдорфе около Виттенбера, где до конца войны разрабатывал собственное «чудо-оружие», а затем бежал на Запад.

Исчезнувшая ракета

Не успели двух немецких офицеров, тяжело пострадавших от автомобильной катастрофы, доставить в ближайшую варшавскую больницу, как туда сразу же прибыл отряд полевой жандармерии, который оцепил все входы и выходы. Судьба обоих майоров, ставших жертвами столкновения их машины с военным грузовиком, весьма беспокоила гитлеровское командование. Но спасти офицеров не удалось. От поляков, принудительно работавших в больнице в качестве вспомогательного персонала, не укрылась паника и суета немцев. Было видно, что погибшие считались людьми «незаменимыми». Одной из польских медсестер удалось разузнать, что оба гитлеровских офицера служили на каком-то секретном объекте в Мьелеце – маленьком городке в 250 километрах юго-восточнее Варшавы.
Об этом сразу же сообщили польским подпольщикам-антифашистам. В партизанском штабе призадумались: что за «незаменимые» гитлеровцы обретаются в Мьелеце и что они там делают? Посланный туда партизанский разведчик Рафаль Ежи Кукульский, по подпольной кличке «Рафаил», обнаружил там, на юге Польши, новое гнездо фашистских ракетчиков.
Сразу же после бомбежки ракетного центра Пенемюнде 18 августа 1943 года усиленная охрана «чудо-оружия» была поручена эсэсовцам. Они же должны были обеспечить и сохранение в тайне пробных стрельб ракетами «А-4», начавшихся в ноябре 1943 года. Чтобы избежать нового конфуза, творение штурмбанфюрера СС Вернера фон Брауна подлежало секретному испытанию в оцепленном эсэсовцами районе.

Гиммлер предоставил для этой цели эсэсовский полигон «Хайделагер», расположенный в междуречье Вислы, Вислока и Вислоки. Постройкой нового военного объекта и обеспечением его секретности Гиммлер приказал заняться группенфюреру СС
53
Гансу Каммлеру, который в мае 1941 года был назначен начальником строительного отдела Главного хозяйственно-административного управления СС. Генерал-майор Дорнбергер перевел свое ракетное училище из расположенного в восточной части Померании окружного города Кезлин в эсэсовский заповедник на земле оккупированной гитлеровцами Польши. Сам же он разместился со своим штабом в Шведте-на-Одере, где на территории саперной казармы быстро построили бараки. Для секретной переписки штабу было присвоено кодовое наименование «00 400».

Вернер фон Браун лично осмотрел полигон, на котором ему предстояло бывать частым гостем. Последствия визита прусского барона население этого района ощутило на себе очень скоро. Эсэсовцы ночью выгнали жителей десяти польских деревень из домов и, не дав им даже захватить с собой вещи, погнали на железнодорожную станцию, где погрузили в вагоны для скота. В двух из этих деревень – Близне и Пусткуве, которые, как и остальные, подверглись затем разграблению, расположилась 444-я испытательная батарея. «Артиллерийский полигон Близка», как стал именоваться новый район для испытания «оружия особого назначения», окружили тройным рядом проволочных заграждений и сеткой.
Для постройки пусковых площадок эсэсовцы использовали узников концентрационного лагеря, специально созданного в Пусткуве. Начальником его был гауптштурмфюрер Прозинский. Сюда согнали евреев из Франции, Бельгии и Голландии. Они днем и ночью цементировали площадки. А когда работа была закончена, эсэсовцы уничтожили всех до одного.
На сей раз ракетчики из Пенемюнде, которым всячески помогали эсэсовцы, старались как можно лучше замаскировать свою преступную деятельность. Чтобы сбить с толку воздушную разведку противника, вблизи полигона соорудили макет деревни: на веревках сушилось белье, грелись на солнце гипсовые собаки, а на лавочках сидели куклы в человеческий рост. Словом, считали нацисты, картина вполне мирная, и уж никак нельзя заподозрить, что поблизости находится секретный военный объект.
Уже после войны польский публицист Воеводский, расследовавший преступления нацистов в Польше, связанные с испытанием ракет, в своем письме автору книги сообщал:
«Варшава, 30 декабря 1961 года. Глубокоуважаемый господин Мадер!

Посылаю Вам свою книгу «Na tropie Wunderwaffe»
54
, выпущенную министерством национальной обороны... Все материалы, содержащиеся в книге, опираются на проверенные свидетельства участников польского движения Сопротивления или же на английские и польские источники...

Нет никакого сомнения в том, что фон Браун как специалист посещал полигон для испытаний «Фау-2», находившийся в Польше вблизи эвакуированных деревень Близка и Пусткув...
На постройке экспериментальных пусковых установок в Близне использовалась группа заключенных концентрационного лагеря Пусткув (небольшой лагерь, насчитывавший примерно 2000 человек). В дальнейшем эта группа узников была уничтожена.
Стартовавшие в Близне ракеты «Фау-2» взрывались в 300 км севернее, на берегу Буга, в районе Сарнаки. Жители более 10 деревень, расположенных на территории полигона, были переселены. Дома многих из них были разрушены взрывами ракет».

Разрывы ракет должны были наблюдаться в месте падения «на живом объекте», т. е. населенном пункте. Это подтвердил в 1955 году западногерманский информационный бюллетень по ракетной технике. В нем говорилось: затем «состоялось испытание ракет на живом объекте. Обстрелу сотней ракет «А-4» подвергся населенный пункт Сарнаки, насчитывавший 1000 жителей. Ни одного прямого попадания не произошло, случайно был убит мужчина и ранена женщина, когда ракета разорвалась в 300 метрах от Сарнаки. После этого было заявлено: «Лондон, имеющий в диаметре 50 километров,– это не Сарнаки, по Лондону мы попадем»»
55
. Иными словами, «технический» штаб Вернера фон Брауна хладнокровно закалькулировал уничтожение польской деревни Сарнаки и преднамеренное массовое убийство жителей Лондона.

Но еще раньше, чем эсэсовцы закончили постройку макета деревни для маскировки своего ракетного полигона, центральный штаб польских партизан в Варшаве уже хорошо знал о том, что делается здесь.
Колючая проволока и заграждения на дорогах не помешали Кукульскому выполнить задание. Пробравшись в район полигона, он поселился в домике лесника и от него узнал, что в последнее время здесь часто слышатся какие-то странные взрывы, в небо поднимаются длинные черные «сигары», которые затем меняют направление своего полета. А перед каждым таким взрывом в запретной зоне приземляется самолет, прибывающий со стороны Мьелеца.
Через два дня один из узников концлагеря сумел передать на волю записку. В ней говорилось, что эсэсовцы заставляют заключенных строить бетонные дороги, пусковые установки в результате испытаний местами потемнели и при взрыве даже издалека виден огненный хвост ракеты. Подобные запуски производились почти ежедневно.
Кукульский заметил также какие-то длинные предметы, которые ввозились в запретную зону на железнодорожных платформах. Туда прибывали и составы цистерн, покрытых толстым слоем какого-то странного инея.
Участникам польского движения Сопротивления стало ясно, что налет авиации на Пенемюнде не привел к срыву фашистских ракетных экспериментов и нацисты всеми силами стремятся достигнуть своей цели. Польские патриоты стали бдительно следить за дальнейшими действиями гитлеровских ракетчиков. Стефан Игнашак вместе с Бернардом Качмареком и Александром Пеньковским создали на месте густую сеть наблюдателей. Местным партизанским группам были даны новые задания.
Вскоре партизанам удалось подпоить одного эсэсовского унтер-штурмфюрера, и тот, расхваставшись, выболтал, что новое «чудо-оружие» имеет радиус действия 300 километров. А другой унтер-офицер административной службы за две тысячи марок (на них он собирался купить на «черном рынке» продукты для своей семьи) дал польским подпольщикам на время топографическую карту полигона. На ней были нанесены стартовые установки, монтажные мастерские, железнодорожные ветки, бараки охраны и склады. Ночью поляки сняли фотокопию этой ценной карты.

Теперь надо было лишь проследить направление полета ракет, чтобы на основе расчетов инженера Антони Коцьяна установить место предполагаемого попадания. Речь шла о районе площадью примерно в 60 квадратных километров. Ракеты исчезали обычно в северо-восточном направлении. По расчетам Коцьяна, они должны были падать в районе Сидльце, восточнее Варшавы, в излучине Буга.
Варшавский центр послал в этот район группу разведчиков. С помощью местных жителей они собрали необходимые сведения. Руководство этими поисковыми группами было поручено партизанскому командиру Ежи Хмелевскому – специалисту по вопросам авиации. Крестьяне сообщили ему, что в деревне Рейовиц, недалеко от Люблина, загадочный взрыв средь бела дня разрушил массивное здание. На следующий день, побывав в деревне, Хмелевский увидел воронку и разрушенные стены здания. Крестьяне рассказали, что вскоре после взрыва в деревню примчались два грузовика с немецкими солдатами, которые разогнали всех любопытных, сфотографировали и обмерили воронку и тщательно собрали все металлические осколки.
Итак, несмотря на принятые меры, выяснить почти ничего не удалось. Необходимо было в дальнейшем собирать все нужные варшавскому центру осколки ракет еще до прибытия немецких команд наблюдения. Партизаны привлекли к этому местное население.
Из регулярно поступавших донесений скоро стало ясно, что земли достигала в среднем только одна из десяти выпущенных ракет: большинство их взрывалось в воздухе.
Вскоре партизаны, действовавшие в районе Сарнаки, сообщили, что в деревне около Буга, всего в 130 километрах восточнее Варшавы, внезапно появились 200 немецких солдат под командой обер-лейтенанта Шредера. Гитлеровцы сравняли с землей все памятники и намогильные плиты на еврейском кладбище в Сарнаки и устроили там наблюдательный пункт, оборудованный рацией. Партизанская служба радиоперехвата установила, что гитлеровцы передают зашифрованные тексты. Не успела фашистская команда наблюдения обосноваться в деревне, как ежедневно в окрестностях стали взрываться ракеты – сначала одна, потом три, а вскоре и по четыре в день. Шло лихорадочное испытание «чудо-оружия».
Поляки не раз оказывались куда находчивее и проворнее немецких моторизованных поисковых команд. Под соломой на телегах, в рыночных корзинах крестьянок, под одеждой они, несмотря на строгий дорожный контроль, доставляли партизанам отдельные части ракет, подобранные в местах взрывов. Найди фашисты у польского патриота хоть самую мельчайшую деталь ракеты, ему грозила верная смерть. Эти части доставлялись польскому врачу Мариану Корджику приходившими к нему под видом больных партизанами. Другим звеном в этой цепи был доктор Непокуй, которого немцы назначили городским врачом Сидльце и заведующим инфекционным отделением больницы. Ему приходилось регулярно объезжать этот район по служебным делам, к тому же у него были надежные документы, выданные оккупантами. Немцы на дорожных контрольно-пропускных пунктах хорошо знали доктора в лицо и не чинили ему препятствий. Каждый раз он привозил немало составных частей ракет.
В подпольной варшавской лаборатории эти осколки тщательно изучались с целью восстановления по ним ракеты «А-4», чтобы получить представление о ее двигателе и механизме управления. Особенно ценны были те детали, на которых сохранились фирменные знаки или производственные номера. У польских подпольщиков имелись каталоги немецких фирм, при помощи которых можно было легко установить, какие именно предприятия являются поставщиками материалов и оборудования для ракет. О результатах таких тщательных исследований постоянно сообщалось по радио в Англию.
Лондон скупо благодарил и все настойчивее просил прислать, если удастся, ракету целиком. Участники польского движения Сопротивления самоотверженно взялись за дело. Они начали выяснять, каким путем ракеты попадают из Германии в бдизненский резерват. Но шансы на успех первоначально задуманного налета на ракетный транспорт были малы. Специальные железнодорожные составы, доставлявшие «оружие особого назначения», шли под сильной охраной и в пути не останавливались. Нацисты предусмотрительно прицепляли к голове паровоза набитые камнями товарные вагоны, чтобы уберечь драгоценный груз в случае взрыва железнодорожного полотна. На всем пути следования состав сопровождали самолеты «Физелер Шторьх» и истребители «Мессершмитт».
Отважным партизанам помог случай. В один из пасмурных апрельских дней 1944 года обер-лейтенант Шредер после ночной попойки тщетно ждал очередного взрыва. И хотя время

запуска было ему заранее сообщено по радио, ракета не появилась, да к тому же и видимость из-за дождя была плохая. Между тем ракета упала в болото, в стороне от намеченного места. Удар был самортизирован, и взрыва не последовало. Игнашак с группой партизан сразу же бросился к месту приземления «чудо-оружия», тщательно сфотографировал место падения, ракету и ее наиболее крупные агрегаты. Затем он приказал как можно быстрее разобрать ракету и вывезти ее составные части, которые быстро исчезли под соломой в амбарах и ригах. Однако сердце ракеты – двигатель, весивший полтонны, пришлось засыпать песком на берегу Буга и замаскировать кустарником.

Команда по обнаружению ракет с помощью поднятой на ноги полевой жандармерии прочесала весь район метр за метром: слишком хорошо понимали гитлеровские офицеры, чем пахнет для них эта неудача. Но ракета исчезла бесследно, и через два дня поиски ее были прекращены.

Тем временем Игнашак, Качмарек и Пеньковский уже отправились в путь. Они везли фотопленку, а также три вынутых из ракеты радиотехнических прибора. В кармане Игнашака в бутылке с этикеткой «касторовое масло» находились остатки горючего. Все шло благополучно. Оставалось только сесть в поезд, шедший в Варшаву. И тут случилось непредвиденное. На платформе в Сидльце из кармана Игнашака вдруг вырвалось пламя: неожиданно произошла химическая реакция. Казалось, все погибло. Станционная охрана и немецкие солдаты-отпускники бросились к подпольщикам, приняв их за диверсантов. К счастью, Качмареку, хорошо владевшему немецким языком, удалось успокоить немцев рассказом о коварной зажигалке, которая взяла да и вспыхнула в кармане его друга. Между тем Пеньковский, воспользовавшись тем, что на него никто не обращал внимания, сумел погрузить драгоценную ношу в подошедший поезд. Но доставить горючее ракеты в подпольную варшавскую лабораторию так и не удалось.

Эсэсовцы и агенты службы безопасности (СД), патрулировавшие по улицам польской столицы, даже и не догадывались о том, что происходило в лаборатории Коцьяна. Кованые сапоги эсэсовцев стучали совсем рядом, а здесь, в лаборатории, польские ученые, располагавшие самыми примитивными средствами, разгадывали тайну ракет, над которыми целое десятилетие трудились тысячи хорошо оплачиваемых нацистских специалистов в оснащенных самым современным оборудованием институтах. Патриотизм и гуманизм – вот что было движущей силой этой титанической работы польских борцов антигитлеровского движения Сопротивления.

Подпольщики установили контакт и с другими польскими специалистами. Одним из них был крупнейший ученый в области радиотехники 54-летний профессор Януш Грошковский. До нападения гитлеровского вермахта на Польшу он читал лекции на электротехническом факультете Высшей технической школы в Варшаве. Нацисты закрыли польские университеты и высшие школы, лишив польских ученых возможности продолжать научную деятельность. Профессор Грошковский занялся изучением радиотехнической аппаратуры ракеты, чтобы определить частоты, на которых эта аппаратура работала. Работа протекала в условиях крайней опасности. Даже транспортировка отдельных частей аппаратуры по улицам Варшавы являлась делом весьма сложным: многочисленные патрули эсэсовцев и солдат вермахта приглядывались к каждому крупному свертку, подозревая в нем оружие или боеприпасы для польского Сопротивления.

Вскоре профессору Грошковскому удалось установить, что радиоприемник ракеты принимал сигналы частотой в 21 мегагерц на волне 14 метров. Передатчик же ракеты работал на частоте примерно 40 мегагерц. Так польский ученый раскрыл тщательно оберегавшуюся производственную тайну концернов «АЭГ» и Сименса. Он пришел к правильному выводу, что фашистские ракеты не только направлялись по определенному курсу при помощи радиосигналов, но и сами передавали наземной станции данные о скорости и высоте своего полета, что позволяло последним производить взрыв в воздухе до удара ракеты о землю. Уже тогда стала выкристаллизовываться идея успешной борьбы с ракетами путем нарушения радиотехнического управления ими.

Получив из Варшавы эти сведения, английская секретная служба и эксперты по вопросам вооружения сразу прозрели и потребовали срочно прислать в Лондон важнейшие части ракеты. Им не терпелось самим убедиться в правильности выводов польских ученых.

Как раз в это время гестапо – правда, по другому делу – арестовало инженера Коцьяна и его жену, очевидно выданных предателем. Но гестаповцы не знали о работе Коцьяна в подпольной

лаборатории. Эсэсовцы пытались выведать от него сведения о польских партизанах, которые наносили ощутимые удары немецко-фашистским оккупантам. Коцьян вынес нечеловеческие пытки, но не проронил ни слова. Он даже сумел предупредить друзей о грозящей им опасности шифрованной запиской. Через несколько часов его перевели в камеру смертников в варшавской тюрьме Павиак.

А за стенами тюрьмы продолжалась упорная борьба вокруг гитлеровского «чудо-оружия». Англичане сообщили польским подпольщикам, что за агрегатами ракеты «А-4» прибудет специально посланный транспортный самолет. Эту сложную операцию нужно было тщательно подготовить. Один из командиров польского движения Сопротивления Влодзимеж Гедымин нашел подходящую для посадки площадку в районе Тарнува, примерно в 260 километрах южнее Варшавы. То был луг, ограниченный с запада лесом, а с востока рекой. Бывший летчик польской авиации Гедымин знал, что это место использовалось раньше для приземления легких самолетов. Лесной аэродром получил условное наименование «Бабочка», а запланированную операцию стали называть «Мост».

Шансы на удачу составляли один к девяноста девяти. Местность вокруг «Бабочки» кишмя кишела фашистскими войсками. Каждый день в этот район прибывали все новые пополнения: их предназначалось бросить в бой против неудержимо продвигавшихся вперед войск Советской Армии. Сюда же отступали для переформирования разгромленные части вермахта. Линия фронта приближалась. Эсэсовские команды охотились за партизанами, в первую очередь прочесывая леса. А тут еще плохая погода; зарядившие дожди размягчили почву. Но ждать было нельзя. Гедымин связался с английской военной радиостанцией, которая (этого он не знал) находилась на юге Италии в городе Бриндизи. Там, за тысячу с лишним километров от лесного аэродрома, дислоцировалась 267-я английская авиационная эскадрилья. Вскоре под палящими лучами южного солнца занял свои места экипаж самолета «Дакота». Это было 25 июля 1944 года. Англия уже полтора месяца подвергалась обстрелу самолетами-снарядами «Фау-1». Английское правительство было настроено мрачно: оно предугадывало, что может последовать за ними.

Командир «Дакоты» (вторым пилотом летел польский летчик) еще раз проверил самолет. Ведь предстоял рейс в 2000 километров, с головоломной промежуточной посадкой на импровизированной лесной площадке и без какой-либо возможности заправки горючим в пути. Почти весь маршрут пролегал над территорией, занятой гитлеровскими войсками. На приземление, выгрузку, погрузку и взлет отводилось всего 10 минут. К тому же английские летчики даже не знали людей, которые должны были их принять. А может, все это просто западня? И все-таки надо было лететь. «Дакота» взяла курс на север.

Гедымину сообщили по радио за двенадцать часов о посадке самолета. Успеют ли подпольщики за это время доставить к месту посадки рассредоточенные по разным местам части ракеты? Стоило фашистам перехватить одну из деталей, как, возможно, провалилась бы вся операция. Самолету предстояло приземлиться в темноте. Надо было своевременно разжечь костер, чтобы помочь летчикам сориентироваться в совершенно незнакомой местности.

Тем временем из Варшавы уже выехал Болеслав Дорембович. Он вез мозг «чудо-оружия» – 20-килограммовое радиотехническое пилотирующее устройство ракеты «А-4». Ему удалось надежно замаскировать свой груз и, несмотря на дорожный контроль, благополучно добраться почти до самого Тарнува, когда вдруг несколько немецких летчиков остановили его машину, потребовав, чтобы он подвез их. Эта неожиданность, однако, оказалась даже полезной для дела: при виде пассажиров в форме вермахта патрули беспрепятственно пропускали машину. Вскоре летчики вылезли, а Дорембович без дальнейших происшествий довез свой груз в назначенное место. Вскоре сюда различными хитроумными путями были доставлены и другие части ракеты. Теперь можно было спокойно ждать английский самолет.

Но вместо английского самолета на лесную площадку сел... немецкий – «Физелер Шторьх»! Партизаны были поражены и терялись в догадках: неужели немцы перехватили их радиограмму? Они не знали, что поблизости разбился венгерский самолет и немцы разыскивали его. Экипаж «Физелер Шторьха» почему-то остался в самолете. Партизаны не спускали с него глаз. Вслед за тем приземлились два «Мессершмитта». Но как ни странно, гитлеровские летчики не обратили внимания на кучи хвороста, приготовленные для встречи «Дакоты».

В распоряжении Гедымина имелся партизанский отряд численностью в 400 человек. Но поблизости от лесной площадки, всего в двух километрах от нее, находились четыре тысячи

немецких солдат и эсэсовцев. И тем не менее партизаны были готовы, если понадобится, вступить в бой, чтобы любой ценой выполнить задание.
К вечеру немецкие самолеты улетели. Партизаны принялись за дело. Приказ был ясен: любой немец, случайно или намеренно проникший сюда, должен быть уничтожен, причем без шума. Напряжение нарастало: время прибытия самолета подошло, а его все еще не было. Но вот вдали послышался нарастающий гул мотора. Вспыхнул сигнальный костер. Самолет, подпрыгивая на кочках, остановился. Открылась дверь, и летчики радостно обнялись с партизанами. Части ракеты уже лежали наготове. Не прошло и десяти минут, как взревели моторы, самолет взял разбег и... не взлетел! Тяжелая «Дакота» не смогла подняться с мокрого луга. Нервы у англичан сдали. Потеряв надежду взлететь, они решили уничтожить машину, сжечь документы и присоединиться к партизанам. Летчики уже стали обливать самолет бензином.
Но тут польские партизаны вновь проявили мужество и находчивость. Они сняли мокрый дерн, набросали веток и в течение часа подготовили импровизированную взлетную полосу. И все это – в крайне напряженной обстановке, когда каждую секунду гитлеровские дозоры могли поднять тревогу: ведь не было исключено, что немцы слышали шум мотора при посадке и неудачном старте.
И вот наконец «Дакота» взлетела. Когда ее силуэт скрылся за лесом, на глазах у партизан показались слезы радости: они одержали крупную победу на фронте подпольной борьбы. Победа эта стоила больших жертв. Вскоре после того, как части ракеты были через Италию, Северную Африку и Гибралтар доставлены в Лондон и переданы английским специалистам, эсэсовцы зверски убили в варшавской тюрьме Антони Коцьяна и еще 140 борцов польского движения Сопротивления.
Похищение ракеты в районе Сарнаки было не единственной осечкой пенемюндских ракетчиков. Много огорчений доставляли им крупные конструктивные недостатки. Из-за них брауновские ракеты падали на польские деревни, систематически выходили из-под контроля и даже разрывались на территории Дании и Швеции.
В середине 1944 года одна из ракет «А-4» взорвалась на датском острове Борнхольм, расположенном в 150 километрах от Узедома. Гитлеровские оккупанты со своим гестапо не успели помешать оказавшемуся поблизости от места падения ракеты датчанину быстро набросать ее эскиз и передать его антифашистам. Эскиз, а также и отдельные части ракеты попали в руки англичан.

> В июле 1944 года в Лондон поступило сообщение из Швеции: в южной оконечности страны, недалеко от города Кальмар, у деревни Бекебо, упала в топь ракета, взрыв которой потряс всю округу. Произведенный ракетный выстрел по нейтральной стране привлек к себе внимание шведской общественности. Правительство Швеции информировало Англию, которой грозил обстрел ракетами. Англичане сразу же послали в Швецию своего самого опытного специалиста Альвина Дугласа Гроу, который на месте исследовал довольно хорошо сохранившиеся детали ракеты и доставил их в Лондон
> 56
> . Правительство Швеции заявило Берлину официальный протест. Но для фашистов, ставивших интересы империалистической Германии превыше всего, весьма характерно игнорирование интересов других стран: даже в 1959 году виновный в военных преступлениях бывший гитлеровский офицер Рудольф Лузар в оскорбительном тоне осуждал справедливые действия шведского правительства
> 57
> .

Нацисты не могли скрыть своего раздражения техническим несовершенством «вундерваффе». Но самое главное: даже при помощи ракет агрессоры были не в состоянии сломить антифашистское сопротивление свободолюбивых народов.

Необозримые кладбища

Однако предоставим слово самому Вернеру фон Брауну: «7 сентября 1944 года наступил долгожданный момент: наша «игрушка» превратилась в оружие уничтожения. В районе Гааги была пущена первая «Фау-2»»
58
.

Итак, Гитлер, Гиммлер и фон Браун не остановились перед применением этого оружия массового уничтожения даже тогда, когда поражение фашистских агрессоров уже было очевидно каждому здравомыслящему человеку. Как раз к этому времени Советская Армия загнала в «котел» в Прибалтике еще 30 немецких дивизий. От гитлеровской Германии отпал ее союзник – Болгария. Новое болгарское правительство объявило войну нацистской Германии. Советские войска приступили к освобождению Югославии и Венгрии. Гитлеровцы были изгнаны из Финляндии. Англичане и американцы, продвигаясь при поддержке десятков тысяч итальянских партизан, были уже за Флоренцией и постепенно теснили немцев на север. Открывшие «второй фронт» англоамериканские войска вместе с французской армией и партизанами завершили освобождение Франции от фашистских оккупантов. Германский Западный фронт трещал. За четыре дня до запуска первой ракеты «Фау-2» англо-американские танковые авангарды уже ворвались в Брюссель и вскоре достигли германской границы в районе Аахена и Трира.

Однако эсэсовская верхушка и верховное командование вермахта, уповая на «чудо-оружие», все еще надеялись изменить свое безнадежное положение. При помощи нового оружия они рассчитывали в последние минуты сломить волю народов к борьбе, запугать и деморализовать их. За варварскими авиационными бомбежками гражданского населения польских, английских, голландских, французских, бельгийских, югославских, греческих и советских городов теперь последовали варварские ракетные налеты на Англию и Бельгию. Генералы вермахта и эсэсовские главари следовали директиве, которую дал им 23 мая 1939 года в имперской канцелярии Гитлер: «Важно беспощадно применять все средства... В тех же случаях, когда их воздействие более не может считаться имеющим решающий эффект, их должны заменить внезапность и гениальность (! –
Ю. М
.). Это – программа нападения»
59
.

Для пропагандистского «оправдания» собственных варварских действий фашистские агрессоры воспользовались тем обстоятельством, что (в противоположность Советскому Союзу, который вел войну в полном соответствии с нормами международного права) Англия и США в ответ на преступные налеты геринговской авиации бомбили гражданское население германских городов. Поэтому нацисты окрестили свои самолеты-снаряды и ракеты массового уничтожения, как уже говорилось выше, «оружием возмездия».
Нечего и говорить, что обстрел гражданского населения Англии, а также подвергшейся вторжению гитлеровцев нейтральной Бельгии ракетами был бесчеловечным актом, грубо попиравшим нормы международного права. Гитлеровцы нагло нарушали общепринятый принцип этого права, согласно которому военные действия могут быть направлены только против вооруженных сил противника или же иных военных объектов, но отнюдь не против беззащитных детей, женщин и стариков. Фашистская Германия безжалостно истребляла гражданское население стран антигитлеровской коалиции, не останавливаясь ни перед какими зверствами.

Гитлер и его генералы хорошо понимали, что их ракеты технически несовершенны и потому обладают весьма малой точностью попадания. Потому они и предназначались в первую очередь именно для терроризирования населения стран, воевавших против нацистской Германии. Это подтверждает такой матерый военный преступник, как бывший гитлеровский генерал-лейтенант Ганс Шпейдель

60
. 17 июня 1944 года он присутствовал на совещании, которое Гитлер провел с командованием Западного фронта в своей ставке «W II», находившейся в оккупированной Франции, в районе Марживаля. Шпейдель писал впоследствии об этом совещании:

> «Вопреки... оценке сил противника и с каждым днем падавшей боеспособности (фашистских войск. –
> Ю. М
> .) Гитлер не видел реального положения вещей и с какой-то причудливой смесью цинизма и ложной интуиции, поддаваясь самовнушению, нескончаемым потоком слов пророчествовал насчет «решающего исход войны воздействия» на Англию «оружия Фау»... Он прервал совещание и лично продиктовал представителю имперского шефа печати предназначенное для радио и прессы сообщение о первом применении «оружия Фау»... Однако вызванный на совещание командующий частями «Фау» генерал артиллерии Хайнеман вынужден был указать на слишком сильно отклоняющееся от расчетного рассеивание снарядов (15—18 километров) и на связанную с этим опасность для собственных войск. Целенаправленное применение оружия «Фау» против (англо-американских. –
> Ю. М
> .) армий вторжения на континенте при данных технических условиях было невозможно. Применение же этого оружия для обстрела расположенных в Южной Англии портов, откуда поступали людские и материальные резервы для войск вторжения, Гитлер отверг на том основании, что он хочет подвергнуть обстрелу Лондон, дабы заставить англичан «желать мира»... Гитлер говорил также и об... усилении применения «оружия Фау»»
> 61
> .

Шпейдель делает два признания. Первое: новое оружие заведомо являлось средством уничтожения гражданского населения, а также материальных ценностей невоенного характера, и руководящие нацистские круги прекрасно отдавали себе в этом отчет. Второе: все участвовавшие в совещании генералы и офицеры гитлеровского вермахта, хорошо знавшие о непригодности этого оружия для поражения военных объектов, несут ответственность за его применение против гражданского населения. В этих преступных действиях важную руководящую роль играл и штурмбанфюрер СС Вернер фон Браун.
Число жертв нацистских бандитов множилось с каждым днем. Игроки ва-банк, карта которых оказалась бита, пытались пресловутым «чудо-оружием» оказать моральное давление на своих западных противников, удержать за собой последних колеблющихся союзников и обмануть немецкий народ, чтобы побудить его «выстоять», заставить и дальше проливать кровь ради спасения преступной гитлеровской клики.
Одновременно фашистская пропаганда повела «психологическое» наступление на высадившиеся в Северной Франции английские и американские войска, забрасывая их сотнями тысяч листовок следующего содержания:

> «Солдаты союзных войск!
>
> Вы угодили в западню. Если б это не было так, судите сами, зачем бы мы после вашей высадки стали ждать десять дней, прежде чем применить наше секретное оружие? Теперь вы сражаетесь на узкой полоске суши, площадь которой заранее была определена нами. Тем временем наши самолеты-роботы, летящие на небольшой высоте, сеют смерть и опустошение в городах и гаванях, из которых вы получаете боеприпасы, продовольствие и снаряжение. Ваши коммуникации перерезаны. В результате разрушений и паники, царящих на ваших базах, ваши суда, в том числе и

санитарные, не могут выйти в море, а это значит, что вскоре у вас не будет ни оружия, ни боеприпасов. От вас самих зависит найти пути и способы выйти из этой западни. Поразмыслите об этом!»
62
.

Но как ни изощрялись Геббельс и его подручные, подобные листовки не оказали парализующего воздействия, на которое рассчитывали, «мастера» «психологической войны». Наоборот, сознание того, что нацисты подвергают их семьи и соотечественников террористическому обстрелу ракетами, еще более усиливало боевой дух и решимость солдат английских экспедиционных войск скорее покончить с коричневыми варварами.

Геббельсовская пропагандистская свора заполнила своими писаниями страницы газет фашистской Германии и ее вассалов. Особое значение колченогий придавал использованию нацистских печатных органов за границей, чтобы создать там прогитлеровские настроения. К этому грязному делу шеф нацистской пропаганды привлек и нынешнего видного деятеля аденауэровского христианско-демократического союза Эрнста Леммера
63
, которому было поручено заняться издававшейся в Венгрии газетой «Пештер ллойд». 20 июня 1944 года Леммер поместил в ней свою статью под заголовком «Секретное оружие имеет наступательный характер». «Является ли оно первой главой битвы за Англию?.. – вопрошал Леммер. – Теперь уже нельзя считать бахвальством заявление компетентных германских органов, что применение... нового немецкого оружия было лишь началом и следует считаться с предстоящим расширением его использования... Речь идет, таким образом, – продолжал нацистский пропагандист, – отнюдь не об единичных и ограниченных во времени действиях... Поскольку такие высказывания делаются германскими военными кругами, можно полагать, что ожидается косвенное воздействие на ход боев с (англо-американскими. –
Ю. М
.) войсками вторжения. Уже поступили первые сообщения о том, что планомерному обстрелу подвергаются не только Лондон и южноанглийские города, но и особенно порты и базы снабжения, расположенные на южном побережье Англии
».

Ликовал по поводу применения нового оружия и нацистский журналист Георг Шредер. Будучи главным корреспондентом агентства Эйропа-пресс, он поставлял иностранным газетам писанину под хвастливыми заголовками «Неудержимое наступление», «Динамитные метеоры над Лондоном и Южной Англией» и т.п.
64
Ныне Шредер в ранге «редактора политического отдела» подвизается в органе западногерманской крупной буржуазии – газете «Ди вельт», принадлежащей Акселю Шпрингеру, и своим отравленным пером снова служит поджигателям войны.

А гитлеровский генерал Вальтер Дорнбергер, осуществлявший военное руководство пенемюндскими ракетными экспериментами и весьма хорошо знакомый с самолетами-снарядами и ракетами, утверждал в 1952 году, будто еще в 1943 году он осознал, что это оружие не давало фашистам шансов на победу «в мировой войне такого масштаба, какой она приняла к тому времени»
65
. Однако Геббельсу он вместе с Брауном внущал совершенно противоположное.

Гитлеровский министр пропаганды 27 октября 1944 года вещал через все нацистские радиостанции: «Мы производим не только хорошее, основательное, но сверх того – совершенно новое во всех областях ведения войны оружие; с ним мы связываем большие и наибольшие надежды, касающиеся ближайшего и отдаленного будущего. Идущий рука об руку с войной процесс технического развития подвержен различным изменениям. Но вскоре он вновь даст нам значительные шансы»
66
. Водил за нос немцев и статс-секретарь геббельсовского министерства бригадефюрер СС Вернер Науман
67
. «Новое оружие, – заявлял он, – обеспечит нам превосходство в технике и будет способствовать повороту в ходе войны»
68
.

Эти хвастливые заявления должны были подбодрить уставший от войны немецкий народ, заставить его пойти на новые людские и материальные жертвы, лишь бы еще немного продлить господство нацистских бонз.
Тем временем гитлеровцы стремились своими самолетами-снарядами и ракетами уничтожить в Англии и Бельгии как можно больше гражданского населения. Учитывая неточность попадания ракет, гитлеровцы избрали мишенью такой крупный город, как Лондон. На территории английской столицы, превышающей 300 квадратных километров, проживала тогда пятая часть всего населения страны – 9 миллионов англичан. В этом плотно населенном районе на каждый квадратный километр приходилось 30 тысяч человек гражданского населения.
Англичане ожесточенно отражали ракетное наступление Гитлера и его генералов. Военный кабинет создал специальный комитет по координации противовоздушной обороны, который возглавил зять Черчилля подполковник Дункан Сэндис. Ему были подчинены командующий соединениями истребителей маршал авиации Родерик Максуэлл Хилл, начальник сети аэростатов заграждения вице-маршал авиации Уильям Чарльз Гелл и командующий зенитной артиллерией Англии генерал Фредерик Пайл.
Когда первый самолет-снаряд «Фау-1» 16 июня 1944 года появился над Англией, наблюдатель «Ройял обсервер корпс» на наблюдательном пункте вблизи Димчерча бросил в трубку полевого телефона всего лишь одно слово: «Diver». Это слово, означающее «водолаз», сигнализировало о начале применения фашистами нового оружия.
Механизм английской системы противовоздушной обороны пришел в движение. 60 тысяч англичан заняли заранее указанные посты. Поднялись в воздух 2 тысячи аэростатов заграждения, чтобы поймать самолеты-снаряды в сети. Зенитчики замерли у 1800 орудий, сосредоточенных на небольшом участке между побережьем и центром Лондона.
Воздушная тревога продолжалась без отбоя. Население не покидало бомбоубежищ. Один из первых самолетов-снарядов разорвался в деловом центре Лондона, на Левисгэмхью-стрит. Взрывом были убиты более 50 женщин и детей, а 216 человек – тяжело ранены.
В те дни многие английские солдаты показали образцы настоящего героизма. Зенитные орудия непрерывно, пока не раскалялись стволы, вели огонь по приближающимся, летящим довольно медленно и низко, самолетам-снарядам. Англо-американские бомбардировщики наносили удары по пусковым базам. Английские летчики-истребители не щадили жизни, чтобы защитить женщин и детей от гибели. Некоторые из них находились в воздухе по восемнадцати часов в сутки. Они сбивали снаряды или, при помощи специальных приспособлений на концах крыльев самолета, нарушали работу пилотирующего механизма, заставляя «Фау-1» сойти с курса. Постепенно англичане стали одерживать верх в борьбе с этим коварным оружием нацистов. Но нервы жителей Лондона были напряжены до крайнего предела: резко возросло количество психических заболеваний.
Из выпущенных по Англии 11 300 нацистских самолетов-снарядов на английскую землю упали только 3200, из них на территорию Лондона – 2400. Таким образом, в цель попало всего 30% выпущенных снарядов. Причины были различные. Примерно каждый пятый самолет-снаряд отказывал на старте, каждый четвертый уничтожался английскими истребителями, 17% сбивалось зенитками, а 7% застревало в воздушных заграждениях. Но те 3200 тонн

произведенной концерном «ИГ Фарбен» взрывчатки, которые все же обрушились на землю Англии, вызвали большие потери среди гражданского населения.
Не успели англичане оправиться от первоначального шока, вызванного самолетами-снарядами «Фау-1», как 7 сентября 1944 года гитлеровцы начали обстреливать их ракетами «Фау-2».

Вернер фон Браун пожинал теперь кровавую жатву. Еще с 1943 года он прилагал все усилия для организации серийного производства ракеты «А-4». В начале сентября 1944 года он докладывал Гитлеру, что уже накопил 12 тысяч этих несуших смерть и разрушение «сигар»
69
. Из них с 7 сентября 1944 года (когда особая команда генерала Дорнбергера выпустила по Англии первую ракету «Фау-2») до конца марта 1945 года было использовано 10 800 ракет. Однако лишь половину из них удалось направить в район цели: более 5 тысяч ракет взорвалось на земле или в воздухе при старте либо упало в волны моря.

Пенемюндские ракетчики программировали для электронного устройства ракет «А-4» в качестве цели Лондон (2000 запусков), Антверпен (1600 запусков), Брюссель и Льеж (800 запусков). По решению верховного командования вермахта велся комбинированный обстрел этих целей самолетами-снарядами «Фау-1» и ракетами «Фау-2» (хотя, как отмечалось выше, последние стали применяться несколько позже).

Народы не забыли о человеческих жертвах и о разрушениях, вызванных фашистским ракетным оружием. По официальным, отнюдь не полным данным, за последние десять месяцев второй мировой войны гитлеровским «чудо-оружием» было убито в Англии
70
8938 человек и в Бельгии
71
4092 человека, ранено, соответственно, 25 504 и 13 172 человека, разрушено и повреждено 1 200 000 английских и 20 720 бельгийских зданий. Представим себе 13 тысяч могил – необозримое кладбище!

Итак, к концу второй мировой войны гитлеровцы при помощи оружия массового уничтожения приумножили кровавый итог своих преступлений. То были последние судороги нацистского рейха.

Вернер фон Браун прекрасно знал, что его ракеты «Фау-2» принесли смерть многим тысячам англичан и бельгийцев и несколько десятков тысяч людей сделали калеками на всю жизнь. «Заслуги» фон Брауна в массовом убийстве людей высоко оценил Гитлер, наградив его «рыцарским крестом к кресту за военные заслуги с мечами» – одним из высших нацистских орденов
72
.

Был награжден и Вальтер Дорнбергер, которого досрочно произвели в генерал-лейтенанты
73
.

О состоявшемся награждении сообщил 24 декабря 1944 года орган нацистской партии – газета «Фёлькишер беобахтер». Она писала, что по представлению имперского министра вооружения и военной промышленности Шпеера «фюрер» наградил высшим орденом пять ученых и техников за их «исключительные заслуги в конструировании, изготовлении и применении «Фау-2»». Фамилии их, говорилось далее, будут преданы гласности впоследствии.
Однако имена тех, кто создал и применил оружие массового уничтожения и за свои преступления получил награду от Гитлера, так и не были официально объявлены немецкому народу. Не было это сделано и после войны. Ведь Вернер фон Браун и другие служат ныне

американским военным монополиям. О сохранении в тайне их имен заботится и боннский государственный архив.
Геббельс, в свою очередь, решил прославить остававшихся анонимными ракетчиков, воздвигнуть им монумент из бумаги. Поэтому вслед за сообщением о награждении «Фёлькишер беобахтер» поместила рекламную статью под заголовком «Загадка «Фау-2»». Статья должна была рассказать об этом оружии якобы по данным иностранных источников.
«Английское информационное агентство, – говорилось в статье, – пишет о «Фау-2», что это – гигантская ракета весом 14—15 тонн, длиной 9 метров и диаметром более метра. Снаряд, как сообщают, имеет форму громоздкой бомбы со стабилизирующим хвостовым оперением. Ракетный двигатель снабжен, в частности, сложной турбиной, назначение которой видят в том, чтобы сделать его независимым от поступления воздуха и таким образом позволить вывести ракету за пределы атмосферы. Однако здесь продолжают ломать голову над устройством этого двигателя, представляющего собой высшее достижение конструкторской мысли. Пока в состоянии сообщить лишь, что «Фау-2» летит со скоростью около 5000 километров в час, имеет радиус действия примерно 380 километров, а высота полета достигает 100 километров. Полет ракеты в стратосфере со сверхзвуковой скоростью – вот та проблема, с которой здесь столкнулись. Этим обосновывают уже давно ставший очевидным вывод, что какая-либо защита от «Фау-2» невозможна. Ни зенитная артиллерия, ни истребители, ни аэростаты воздушного заграждения, ни радиопомехи ни в малейшей степени не могут воздействовать на полет «Фау-2».
Компетентным германским органам нечего добавить к этой констатации... Не будем предвосхищать дальнейших признаний наших врагов и констатируем в данный момент лишь следующее. Германская военная промышленность не только делала упор на конструирование ракет «Фау-2», но уже давно широко развернула их производство на многочисленных предприятиях, находящихся в безопасных местах. Уже давно миновал тот день, когда ответственный за применение «Фау-2» командир смог доложить имперскому министру вооружения и военной промышленности Альберту Шпееру о запуске тысячной ракеты. Предусмотрительно было оборудовано такое количество пусковых установок, что обстрел Англии ракетами «Фау-2» будет неудержимо продолжаться до тех пор, пока весь мир не убедится в эффективности этого нового германского оружия дальнего действия. Пока же пусть Англия ломает себе голову над тем, как долго ей придется подвергаться обстрелу ракетными снарядами, точности попадания и производству которых она не в силах помешать».

> Между тем изготовление брауновских ракет обходилось немецкому народу не дешево. К 4 миллиардам марок на конструирование ракетного оружия, к многомиллионным расходам на создание пусковых баз в Северной Франции и Голландии (их строили 8 тысяч человек) следует добавить гигантские суммы, полученные фирмами, принимавшими участие в ракетном бизнесе. Так, за 23 137 «Фау-1»[74] и 12 000 «Фау-2»[75] фашистская военная промышленность получила 5 092 972 620 марок; из них на долю электромонополий пришлось 2 546 486 310 марок. Производство ракет было выгодным делом для акционеров военных концернов.

Опираясь на приказы Гитлера, генерал-лейтенант Дорнбергер и штурмбанфюрер СС Вернер фон Браун при содействии министра Шпеера форсировали производство ракет «Фау-2». До июля 1944 года военная промышленность выпускала по 350, с августа 1944 – по 600 и с октября 1944 по март 1945 года – по 900 ракет «Фау-2» в месяц. Гитлер в секретной директиве от 31 января 1945 года потребовал полностью осуществить программу производства новых видов оружия, запретил мобилизацию необходимых для этого квалифицированных рабочих в вермахт и фольксштурм.
Нацистская клика делала ставку на «чудо-оружие». Массовый ракетный террор, рассчитывала она, заставит англичан и американцев заключить сепаратный мир с Германией, а затем надо всеми силами ударить по Советской Армии. Для достижения этой цели все средства хороши, считали гитлеровцы.

В то самое время, когда «Фау» уничтожали гражданское население Англии и Бельгии, разрывали в клочья английских и американских солдат, топили санитарные суда, Гиммлер через нацистских представителей в Ватикане и Швеции вел с представителями западных держав переговоры о капитуляции германских войск на Западном фронте. Именно тогда Гиммлер направил своего доверенного – врача Феликса Керстена к главнокомандующему англо-американскими экспедиционными войсками в Европе генералу Дуайту Эйзенхауэру со следующим предложением:

> «СС и вермахт готовы продолжать войну против России, если англо-американцы пойдут на перемирие с нами. Заключить мир с большевистской Россией мы не можем... Мы должны бороться, чтобы оградить Европу от ужасов, ожидающих ее, если большевизм не будет отражен. Сделайте все, – инструктировал Гиммлер Керстена, – дабы убедить Эйзенхауэра в том, что истинный враг человечества – это Советская Россия и что только немцы могут биться против него. Я готов, – заявлял обуреваемый манией величия эсэсовский главарь, – признать победу западных держав, пусть только они дадут мне возможность воевать с Россией»
> 76
> .

Это же предложение было доведено до сведения правительств США и Великобритании через главу шведского Красного креста графа Бернадотта. Предложение о союзе Гиммлер подкреплял веским «аргументом» – ракетами своего Брауна.

Ведь если от самолетов-снарядов «Фау-1» еще имелись средства защиты, то от ракет «Фау-2» их не было. Командующий английской зенитной артиллерией Фредерик Пайл признавал позже, что Великобритания вплоть до самого конца войны не располагала средствами противоракетной обороны для борьбы с «Фау-2»
77
. И в этом были виновны английские правительственные круги. Они пренебрегли своевременными предупреждениями антифашиста Куммерова, а впоследствии игнорировали те многочисленные сообщения о подготовке гитлеровцами нового оружия, которые исходили от участников французского, голландского, польского и немецкого движения Сопротивления, недооценивали бесчеловечность фашистских агрессоров и стоявших за их спиной алчных магнатов военной промышленности.

В то время как под сокрушительными ударами Советской Армии разваливалась гитлеровская военная машина, а англо-американские войска, почти не встречая сопротивления на Западе, продвигались вперед, высшие эсэсовские чины под руководством группенфюрера СС Вальтера Шелленберга – начальника VI управления Главного управления имперской безопасности вынашивали новые планы. Кто-кто, а уж они-то прекрасно знали, сколь мала была точность попадания «Фау-1» и «Фау-2». Тогда поправить дело решили с помощью летчиков-смертников. Оберштурмбанфюрер СС Отто Скорцени приказал набрать и подготовить 250 самоубийц
78
. О том, как мыслили эсэсовские преступники использовать пилотируемые смертниками самолеты-снаряды, чтобы «наилучшим образом поразить и парализовать наиболее чувствительные центры русской промышленности и снабжения», рассказал в своих воспоминаниях сам Шелленберг. «Мы могли бы, – писал он, – с бомбардировщика дальнего радиуса действия запустить снаряд „Фау-1“ вблизи намеченного пункта, чтобы затем пилот-смертник направил его прямо в цель. Для этого нашлось бы достаточное число (ослепленных фашистской пропагандой. –
Ю. М

.) летчиков. Бомбежке должны были подвергнуться индустриальные комбинаты Куйбышева, Челябинска, Магнитогорска, а также районы, расположенные за Уралом. Но все эти планы, – признавал Шелленберг, – потерпели крах из-за недостаточной способности к действиям нашей авиации»
79
.

Поэтому насквозь лживы утверждения геббельсовских подручных и их подвизающихся в боннском государстве последышей, которые и сегодня продолжают твердить, будто гитлеровское «чудо-оружие» «сулило победу». Этих неонацистских писак нисколько не смущает, что ракеты оказались неспособными принести гитлеровцам столь желанную «конечную победу».

«Если бы тайну Пенемюнде не разболтали, – заявляет один из таких писак, – «Фау-1» и «Фау-2» наверняка удалось бы применить еще до высадки (англо-американских войск. –
Ю. М
.) в Нормандии. Кроме того, до момента капитуляции были бы уже готовы к действию и другие виды оружия»
80
.

Западногерманский автор Людвиг Мюнцингер пишет в этой связи: «Было слишком поздно, чтобы новые, еще недозрелые виды оружия смогли бы привести к перелому в ходе войны»
81
.

Конечно, брауновские ракеты были «недозрелыми». Почти каждая третья ракета не срабатывала из-за конструктивных недостатков. Но дело, разумеется, не в этом. Фашизм был обречен на поражение, ибо против него поднялись народы.

Ужасы «Доры»

Из трубы крематория концлагеря Бухенвальд черной пеленой стлался дым. «Фабрика смерти» работала с полной нагрузкой. В одной из работавших в крематории команд находился и чех Франтишек, уроженец Праги. Действовавший в лагере подпольный центр антифашистского Сопротивления дал ему задание тщательно осматривать поступающие трупы: под повязкой на руке одного из убитых будет спрятана записка, тайно пересланная из работающей вне лагеря команды заключенных. Больше Франтишеку не сказали ничего. В феврале 1944 года в окровавленных бинтах узника, явно убитого ударом в голову, он нашел наконец записку, написанную карандашом, и передал ее тайному связному.
Шифрованная записка попала в руки заключенного Эмиля Хршля, чешского коммуниста, работавшего в инфекционном бараке. Вечером он, пользуясь в качестве кода книгой «Очерки общей практической медицины», расшифровал написанное. Первым из всех живых, не принадлежащих к фашистской клике, он проник в сокровеннейшую тайну нацистского рейха – тайну производства самолетов-снарядов «Фау-1», и ракет «Фау-2»! В записке говорилось: «„Дора“ находится у подножия горы Конштайн, в четырех километрах северо-западнее Нордхаузена. В горе прокладываются туннели. Запланированы две большие штольни и больше сорока боковых помещенений. Спим, где работаем, в горе. Со стен стекает вода. Все до сих пор пережитое нами бледнеет в сравнении с „Дорой“. Здесь должно производиться секретное оружие».

Хршель поспешил перевести полученное известие с чешского на немецкий и передал его действовавшему в лагере подпольному интернациональному комитету...

Осенью 1943 года, после того как фашистский ракетный центр Пенемюнде, на острове Узедом, подвергся бомбежке, эсэсовцы под усиленной охраной начали отправлять из Бухенвальда большие партии заключенных. Куда – неизвестно. Каждый день через ворота лагеря проходило сотни четыре узников. Их грузили в товарные вагоны с надписью: «Опасно, тиф!» Надпись должна была отпугивать железнодорожников и посторонних. Запломбированные вагоны открывали только ночью. А потом колонны заключенных исчезали в недрах горы Конштайн. Тысячам узников суждено было не увидеть больше дневного света.

Чтобы обезопасить производство новых видов оружия от налетов авиации противника, гитлеровцы решили построить завод под землей, согнав туда политических заключенных разных наций – чехов, поляков, югославов, русских, французов, а позднее также итальянцев и венгров. Для этой цели было решено использовать мощный известняковый массив в южной оконечности Гарца. План предусматривал пробивку в горе двух огромных параллельных туннелей с железнодорожными путями, от которых должны были отходить поперечно расположенные штольни-цехи. В дальнейшем подавляющая часть всех подземных производственных площадей гитлеровской Германии (а они к концу войны достигали миллиона квадратных метров) была сосредоточена под непробиваемой бомбами 70-метровой толщей Конштайна.

Работы здесь производила бухенвальдская внелагерная рабочая команда, носившая условное наименование «Дора». Затем эсэсовцы создали на ее основе самостоятельный концентрационный лагерь, который назвали «Дора-Миттельбау».

Заключенные, прибывшие на строительство завода, исчезали под землей, а оттуда на поверхность выбрасывали только породу да трупы узников, раздавленных каменными глыбами или убитых эсэсовцами-надсмотрщиками. Заключенный, попавший сюда, считался «носителем тайны», а потому живым отсюда уйти не мог. У узников не оставалось и проблеска надежды на спасение. Главное управление имперской безопасности вело персональный учет всех, кто был причастен к ракетному производству.

Когда спустя несколько дней после отправки первых транспортов из Бухенвальда эсэсовские грузовики стали три раза в неделю привозить обратно трупы для сожжения в крематории и работавшие в нем узники опознали среди погибших своих товарищей, подпольный лагерный комитет решил раскрыть это новое преступление эсэсовцев. Чешский врач Ян Чешпива получил задание проникнуть в команду смертников, чтобы на месте подробно все разузнать и сообщить комитету. Договорились и о том, как передать зашифрованную информацию. С тех пор конспиративная связь между группами Сопротивления команды «Дора» и Бухенвальда уже не прерывалась. Презирая смерть, антифашисты не теряли мужества и в эсэсовской преисподней.

Людвиг Ляйнвебер, один из немногих узников-немцев, вышедших живыми из этого ада, свидетельствует:

> «В начале октября 1943 года меня из Нацвайлера (Эльзас) через Бухенвальд отправили в «Дору». Первое время мы работали на пробивке туннеля – изнурительный и тяжелый труд, стоивший немало жертв. Спали в штольне 39, глубоко под землей. К одеялу каждого заключенного была прикреплена на веревке миска для еды, она служила и подушкой. Холода в так называемых спальных штольнях не чувствовалось, но стояла такая пыль, что почти не было видно находящихся рядом... Под страхом наказания запрещалось брать воду из-под крана: она предназначалась только для машин и цементомешалок... Ни воды, ни умывальников, ни уборных... Куда ни глянь – едва держащиеся на ногах скелеты: таких истощенных узников мне не доводилось видеть еще ни в одном лагере, а побывал я во многих»
> 82
> .

В построенных каторжным трудом узников цехах подземного завода спешно установили 20 тысяч станков и агрегатов. Для обеспечения производства «чудо-оружия» сюда были в порядке трудовой повинности принудительно направлены концернами «АЭГ», «Сименс», «Рейнметалл-Борзиг», «Динамит АГ», «Крупп» и «Тиссен – Хиттон» 9 тысяч квалифицированных немецких рабочих. Здесь же круглые сутки в поте лица подневольно трудились 32 500 заключенных. По просьбе концернов эсэсовцы передали им узников концлагерей «для использования» в качестве дешевой рабочей силы.

В ракетном бизнесе, открытом Вернером фон Брауном, монополии видели осуществление своих самых радужных мечтаний. И впрямь! В их распоряжении находились совершенно бесправные рабы, которых можно было подвергать нещадной эксплуатации. Государство обеспечивало полную загрузку производственных мощностей. Оно же гарантировало сбыт «чудо»-продукции, а тем самым – неслыханные прибыли монополий.

И не случайно у этого источника неописуемых страданий для одних и неслыханного обогащения для других оказалось семейство фон Браунов. Правда, живущий ныне в боннском государстве глава этой семейки 85-летний Магнус фон Браун пытается утверждать: «Характерно, что мы, к примеру, очень мало знали о том, что происходило в концлагерях». Но ведь оба его сына – Вернер и Магнус – подолгу пребывали в лагере «Дора», осуществляя научно-технический надзор за работой подземного ракетного завода. Они не только видели весь этот ужас, но и наслаждались им. Они подогревали его своими истерическими требованиями увеличить объем производства, повысить темпы. В ту пору папаша Браун с гордостью заявлял, что его сын Вернер как инженер-химик «длительное время руководил серийным производством на ракетном предприятии около Нордхаузена».

Тщетны попытки «доказать», будто Вернер фон Браун не знал обо всех ужасах «Доры» и не видел их. Его разоблачает и бывший политический заключенный № 31573 концлагеря «Дора» польский антифашист Адам Габала:

> «...Немецкие ученые во главе с профессором Вернером фон Брауном также видели все это. Когда они проходили по штольням, они видели, как тяжело, не разгибая спины, работают заключенные, как над ними издеваются. Во время своих частых посещений лагеря «Дора» профессор Вернер фон Браун ни разу не протестовал против этой жестокости и бесчеловечности... На небольшой площадке рядом с помещением амбулатории валялись кучами трупы заключенных, замученных до смерти непосильным трудом и издевательствами мстительных надзирателей. Трупы людей выглядели издали как сплошная серая масса. Но ведь профессор Вернер фон Браун проходил мимо них, и проходил так близко, что почти касался трупов. Неужели это зрелище не произвело на него ни малейшего впечатления? Даже заключенных охватывал ужас при виде этой картины. Людям становилось дурно, их тошнило, они теряли сознание. Даже момент смерти заключенных не казался столь страшным, как их вид после смерти... Проходивший мимо профессор Вернер фон Браун даже не смотрел в ту сторону. Я не думаю, что в этот момент он был занят только мыслями о межпланетном пространстве и не видел умирающих в грязи и нечистотах. Он должен был их видеть! Почему он молчал?
>
> Профессор Вернер фон Браун жив. Он не ответил на этот вопрос, потому что до сих пор никто не спросил его об этом. Поэтому я первый спрашиваю, почему он молчал?
>
> > В подземельях «Доры» кроме профессора Вернера фон Брауна находились и другие известные немецкие ученые, физики и химики, инженеры и техники. Там бывали офицеры и генералы третьего рейха. Они также молча проходили мимо трупов. Представители крупнейших фирм Германии ни одним словом не выразили своего протеста...»
> > 83

Фронт антифашистской борьбы проходил тогда не только на Востоке и Западе, он был и в самой Германии. Мужественные подпольщики-антифашисты, несмотря на нечеловеческие условия, боролись с заклятым врагом и в лагере «Дора».

С одним из транспортов заключенных из бухенвальдской внешней команды «Кассель» сюда прибыл истощенный узник в полосатой лагерной одежде.

– Фамилия, имя? – заорал эсэсовский шарфюрер
84
.

– Кунц, Альберт.
– Сколько лет в заключении?
– Одиннадцать.
– Ага, коммунист? – осклабился эсэсовец.
Шарфюрер сделал особую пометку в списке. Шагая в деревянных башмаках, Кунц занял место в строю своих товарищей по мукам. Колонна скрылась во мраке туннеля.
С этого дня в «Доре» начал действовать закаленный в суровых испытаниях член тельмановского Центрального Комитета Коммунистической партии Германии Альберт Кунц. Медник из Вурцена, он вот уже четверть века принадлежал к авангарду германского рабочего класса.
Коммунист Альберт Кунц сразу же стал в центре разгоревшейся в лагере «Дора» антифашистской борьбы. Основную массу заключенных здесь составляли советские люди, французы, чехи и поляки. Кунц нашел надежных людей для связи с этими национальными группами. Одним из них был советский летчик – капитан Еловой из Одессы. В лагере его звали Семен Гринько. Фашисты сбили его над Лодзью; он пытался с чужими документами перейти линию фронта, но гитлеровцы схватили его и отправили в Германию. Знания Елового в области авиации и пилотирующих устройств сослужили подпольной организации ценную службу.
Когда началось производство самолетов-снарядов «Фау-1» и ракет «Фау-2», подпольный лагерный комитет сразу же решил всеми средствами сорвать его. Но делать это надо было так, чтобы не поставить под угрозу жизнь товарищей.
Чтобы установить связь с внешним миром и информировать англичан о грозящей опасности, необходим был радиопередатчик. Очень нужен был подпольному комитету и радиоприемник. Чех Ян Халупка, по специальности радиотехник, успел, прежде чем эсэсовцы убили его, собрать в стерилизационном бараке доктора Чешпивы портативный приемник, при помощи которого Интернациональный лагерный комитет узнал, что линии фронтов приближаются к Германии. В середине 1944 года подпольщикам удалось похитить использовавшийся для ракет радиоаппарат типа «Отто-111» и собрать передатчик. Но одного этого было мало. На помощь пришли французские товарищи. Еще со времен своей партизанской деятельности они знали, на каких волнах работают тайные английские рации и какой код применяется для связи с ними. Французские заключенные первыми установили радиосвязь с англичанами прямо из главного центра производства фашистского «чудо-оружия»!
Поскольку подземный завод был надежно укрыт от воздушных налетов, рассчитывать на помощь англо-американской авиации почти не приходилось. Поэтому Интернациональный лагерный комитет принял решение усилить саботаж производства самолетов-снарядов и ракет. Был брошен лозунг: «Чем медленнее работаешь, тем ближе к миру!» Из уст в уста передавался пароль советских пленных: «Команда икс – работа никс!» и русское «Помаленьку!»
Заключенные преднамеренно выводили из строя на целые часы и дни гидравлические прессы, насосы и другие механизмы. Если даже простое количественное сокращение производительности труда приводило к дезорганизации строго скоординированного серийного производства, то нечего и говорить, что целеустремленный саботаж в таком деле, как изготовление сложных и тонких механизмов для ракет, имел для фашистов поистине катастрофические последствия. Специалисты из числа заключенных сразу нашли наиболее чувствительные места гитлеровского «чудо-оружия» и инструктировали своих товарищей, как приводить его в негодность. Ведь иногда достаточно было испортить пустяковую деталь, чтобы ракета взорвалась на старте или же сошла со своей траектории. Спайки многочисленных контактов делались, к примеру, так непрочно, что расходились сразу же после технического контроля. Важные детали из дефицитных жаропрочных металлов исчезали со складов, полуфабрикаты вдруг «по ошибке» попадали не в тот цех, и все это, вопреки требованиям фон Брауна, тормозило производство.

Непригодными к запуску оказывались каждая вторая ракета «Фау-2» и каждый пятый самолет-снаряд «Фау-1». Заключенные даже не знали, что «Фау-2» выпускались по Англии не позднее, чем через три дня после того, как покидали подземный завод.
Эсэсовцы чувствовали, что здесь налицо вредительство, но, несмотря на усиленный до предела контроль, не могли заполучить никаких убедительных доказательств.
Наконец о большом количестве отказавших ракет и самолетов-снарядов стало известно Гитлеру, Гиммлеру, Шпееру и верховному командованию вермахта. Аппарат нацистского сыска заработал на полный ход. Главное хозяйственно-административное управление СС дало секретную директиву: беспощадным террором сломить всякое сопротивление заключенных.
В лагере «Дора» эту директиву пронумеровали и аккуратно подшили к делу. Отныне она служила «основанием» для беспримерного террора, для массовых казней, совершаемых эсэсовцами по требованию руководства подземного завода, в котором оба Брауна играли влиятельную роль. Фашисты решили обеспечить бесперебойное производство своего «чудо-оружия» при помощи механизированных виселиц. «Изобретательные» эсэсовцы придумали способ казни 60 заключенных сразу. Два уцелевших очевидца, Оскар Бюхлер и Тео Веберс, рассказывают: «Под потолком штольни находилась крановая тележка, к которой были прикреплены две балки. Через каждую балку перекидывали по тридцать веревок с петлями, которые затем накидывались на шею приговоренных к смертной казни заключенных. Палач поднимался на крановую тележку, включал подъемный механизм, и таким образом всех 60 заключенных вздергивали одновременно. Если нужно было сразу повесить более 60 заключенных, а для эсэсовцев это «удовольствие» тянулось слишком долго, то еще живых осужденных опускали вниз, били их почти бездыханных табуретками и железными прутьями, а затем приканчивали выстрелами в затылок».

Но и это не сломило узников. Тогда служба безопасности стала подсылать к ним своих шпиков, переодетых в одежду заключенных; они должны были выловить организаторов саботажа. Однако лагерный комитет во главе с Альбертом Кунцем своевременно принял контрмеры. Доктор Чешпива пишет в своих воспоминаниях: «Он (Кунц. –
Ю. М
.) твердо и верно руководил работой организации Сопротивления, направленной против вышколенных кадров службы безопасности СС и «абвера»... Гестапо бросило против нас шпиков в одежде заключенных, которых мы большей частью вовремя распознали, и в этой борьбе не на жизнь, а на смерть никому из них не удавалось прожить долго... Подводя итог, можно сказать, что из этой неравной битвы мы вышли победителями. Хотя конструктор фон Браун лично осуществлял надзор над производством ракет, значительная часть этого коварного оружия, как видно из немецких источников, либо оказывалась негодной к запуску, либо терпела аварию между английскими графствами Саффольк и Гэмпшир. Эти отказы всегда вызывались саботажем заключенных, которые в процессе производства повреждали пилотирующее устройство»
85
.

В конце концов эсэсовцам удалось подослать к заключенным провокатора. Он успел выведать многое, прежде чем узники поняли, что это шпик.
Служба безопасности, гестапо, а также возглавлявшийся полковником Айххорном «абвер» произвели массовые аресты. Были схвачены и брошены в гестаповские застенки Альберт Кунц, доктор Чешпива, Ян Халупка, Любомир Баштар, Поль Шандон, Альфред Унтерайнер, Отто Рунки, Пауль Люциус, Гейнц Шнайдер, Христиан Вехам. Среди арестованных были бывшие французские офицеры, польские партизаны, чешские ученые, немецкие коммунисты, советские военнопленные.

«Я оказался в карцере в камере № 8, – писал впоследствии доктор Чешпива о тех страшных днях,– и слышал, как по ночам допрашивали немецких коммунистов. Они молчали. Альберта Кунца истязали, как, пожалуй, никого из нас, непрерывно в течение 14 дней. Перед рождеством 1944 года я встретил его в коридоре карцера и едва узнал. Но фашисты

не могли сломить его. Альберт упорно отказывался подписать какие-либо протоколы допросов.

Эсэсовец Зандер набросился на него с криком:

– Убью тебя! Нам нужно только да или нет! Слышишь, ты? Убью!

Последние слова, которые я слышал от Альберта, были:

«Это естественный конец революционера: пуля, петля или быть избитым до смерти!»»

Память об этих героях Сопротивления, ценою собственной жизни стремившихся помешать варварскому обстрелу Англии брауновскими ракетами, живет и в сердцах английских антифашистов. Но нет им в Англии ни памятника, ни мемориальной доски. Зато английское «Общество межпланетных полетов» после заключения пакта НАТО «удостоило» эсэсовского штурмбанфюрера Вернера фон Брауна золотой медали!

Несмотря на массовые казни, саботаж заключенных не прекратился. В толстых досье эсэсовца Зандера теперь все чаще и чаще стали появляться экземпляры газеты «Свободная Германия», печатавшейся немецкими антифашистами в далекой Москве. В номере от 8 октября 1944 года, прежде чем он попал в архив службы безопасности, кто-то жирной линией подчеркнул слова: «Только тот немецкий рабочий и служащий защищает свою родину, кто склоняет товарищей по работе к саботажу, к срыву военного производства, чтобы не дать Гитлеру оружия для продолжения войны...»

Захватанный край этой газеты, найденной в раздевалке немецких рабочих, принудительно мобилизованных на военные предприятия, свидетельствует о том, что она побывала во многих трудовых руках.

Зандер и его шпики из СД установили усиленную слежку за немецкими рабочими-специалистами. Одного за другим таскали их на допрос, большей частью по ночам. Многие исчезли по мановению руки гестапо. Среди них были и те, кто тайком делился своим скудным пайком с советскими, польскими, французскими заключенными, и те, кто был связан с антифашистским движением Сопротивления.

Одним из них был Йозеф Цилинский. Он принадлежал к числу тех квалифицированных рабочих, которых концерны направили сначала в Пенемюнде, а затем в подземный центр ракетного производства в Гарце. Цилинский прибыл в Гарц в 1943 году и сразу установил контакт с советскими военнопленными. Ему помогло знание русского языка. Взаимное доверие установилось быстро. Вскоре один из немецких заключенных-уголовников, некий Медлер, выследил Цилинского и получил свои иудины сребреники. Цилинский был схвачен и брошен в карцер казармы Нордхаузена. Как и остальных товарищей по заключению, его ожидала виселица. Спас Цилинского случай. Во время налета англо-американской авиации на город Нордхаузен казарма была разбомблена. Цилинский бежал в близлежащие леса Гарца, где и скрывался до конца войны.

Интернациональная солидарность, воля к борьбе, отлично организованное сопротивление заключенных создали серьезное препятствие на пути нацистских ракетостроителей. Благодаря этому значительная часть ракетных планов Гитлера, Гиммлера и Брауна так и осталась на бумаге. Здесь, в мрачном подземелье завода в Гарце, согнанные на рабский труд чуть ли не со всей Европы люди во многом решали исход битвы на ракетном фронте.

Несмотря на разнузданный кровавый террор, нацисты добились весьма малого, к тому же они нуждались в дешевой рабочей силе – узниках.

Борьба народов против самого современного в те годы оружия не ограничивалась подземным центром ракетного производства. Где бы ни появлялись гитлеровцы со своими ракетами – брались за дело антифашисты.

Участники голландского движения Сопротивления, поддерживавшие связи с английской разведкой, вели наблюдение не только за постройкой пусковых установок, но и за доставкой по ночам тщательно охраняемых длинных «сигар» с взрывчаткой. Они контролировали шоссе и железнодорожные линии. Радиосигналы патриотов означали для Лондона объявление воздушной тревоги. Особенно отличились два мужественных голландских антифашиста – Аат ван дер Гиссе и Ян Ритшотен. Они также были преданы, попали в руки службы безопасности и «абвера», подверглись средневековым пыткам и

убиты. Их товарищи по борьбе – 44 антифашиста – были замучены эсэсовцами в концлагере Маутхаузен
86
.

Операция «Эльстер» терпит крах

Двое в надувной лодке, с трудом переводя дыхание, гребли к берегу. Перед ними расстилалось восточное побережье Соединенных Штатов. Подводная лодка «U-1230» германского военно-морского флота, только что доставившая их сюда, легла на обратный курс. В беззвездную ночь с 29 на 30 ноября 1944 года небо было затянуто тучами, берег погружен во тьму. Наблюдатели у радаров, верно, дремали – как же иначе большой подводный корабль чужого флота смог вплотную приблизиться к американскому побережью?
Лодка причалила к берегу. Два хорошо натренированных эсэсовских диверсанта спрыгнули на землю. Гиммлеровская операция «Эльстер» («Сорока») началась. Агенты службы безопасности (СД) выпустили воздух из лодки и подхватили свои водонепроницаемые чемоданы. Там, скрытые под двойным дном, лежали 60 тысяч долларов, упакованные в мешочки бриллианты, микрофотокамеры, чернила для тайнописи, специальная радиоаппаратура. Под одеждой эсэсовцы прятали автоматические пистолеты.
У одного из них были поддельные документы на имя капитана Эдварда Грина из Бриджпорта (штат Коннектикут). Другой диверсант выдавал себя за Джека Миллера. На самом деле он звался Эрихом Гимпелем и числился агентом СД № 146 Главного Управления имперской безопасности. Отделом диверсий в Главном управлении руководил Отто Скорцени.
Радиоинженер по специальности, Гимпель с 1935 года шпионил против Англии и США. Гитлеровский адмирал-шпион, начальник «абвера» Канарис направил его резидентом в Лиму, столицу Перу, где Гимпель действовал под видом торговца техническими товарами.
Перед тем как отправить Гимпеля на задание в США, его несколько месяцев знакомили с фашистским ракетным оружием, а специалисты-радиотехники концернов «АЭГ» и Сименса посвятили его в тайны нового метода наведения ракет на цель.
Сообщник Гимпеля, тоже агент службы безопасности, был американцем полунемецкого происхождения. Звали его Уильям Куртис Колпаг, агентурная кличка – «Билли». Он получил солидное электротехническое образование в Массачусетском технологическом институте и окончил военно-морской колледж, откуда вышел мичманом американского флота. Изменив своей стране, он несколько лет выполнял шпионские задания доктора Шольца, нацистского консула в Бостоне. Потом «Билли» через Аргентину и Португалию переправили в Германию. Эсэсовская секретная служба приберегала его для самых рискованных дел.
Каковы же были задачи операции «Эльстер»? Радионаведение фашистских суперракет на центр Нью-Йорка; сбор шпионской информации о работах над созданием американской атомной бомбы; действия нацистских диверсионных групп (их предполагалось забросить из Южной Америки) на предприятиях военной промышленности США.

После войны англичанину Бернарду Ньюмэну удалось ознакомиться с планом операции «Эльстер». Этот план он изложил следующим образом: «Немцы хотели заранее объявить о том, что Эмпайр Стейт Билдинг
87
будет разрушен в определенный день и час. Моральный эффект оказался бы при этом огромным. Однако для этого требовалось оружие, которое било бы точно по цели... Скорцени указал на две возможности осуществления этого плана. Первая из них уже приобрела практическое значение – управление посредством радиосигналов. Другая носила характер более сенсационный: немцы экспериментировали с новой радиоаппаратурой, позволявшей наводить ракету не с базы запуска, а непосредственно из района цели. Диверсант был обязан к указанному моменту установить в Эмпайр Стейт Билдинг аппарат,

который, проработав всего несколько минут, как магнит, притянул бы к себе ракету. Гиммлеру эта идея пришлась по вкусу»
88
.

Итак, эсэсовские агенты Гимпель и Колпаг уже находились в США и ждали сигнала. А на другой половине земного шара штурмбанфюрер СС Вернер фон Браун все еще экспериментировал, создавая ракету, гибельную для Соединенных Штатов. В его сейфе еще с 1941 года, за несколько месяцев до вступления США во вторую мировую войну, лежал проект обстрела Америки межконтинентальными ракетами. В биографии немецкого ракетного специалиста Германа Оберта об этом говорится следующее: «Однажды фон Браун дал ему (Оберту. –
Ю. М
.) задание спроектировать трансатлантическую ракету, которая могла бы достигнуть Нью-Йорка.

– Мы должны приняться теперь за проектирование ракет гораздо большего радиуса действия, – сказал фон Браун. – Прошу вас, разработайте теоретический проект такой двух– или трехступенчатой трансатлантической ракеты. Как она должна выглядеть? Сколько потребует горючего? Во сколько примерно обойдется?»
89
.

В октябре 1941 года Оберт закончил расчеты. В начале 1944 года, когда фашисты всеми силами старались заключить сепаратный мир с Англией и США, фон Браун в одной из своих ставших обычными дружеских бесед с Гитлером рассказал ему о плане создания ракеты для обстрела Америки. Фон Браун не ошибся в своих ожиданиях: Гитлер ухватился за эту идею, как утопающий за соломинку, он дал задание немедленно сконструировать такую ракету, «сократить период испытаний и сразу же начать ее промышленное производство». Все последние 14 месяцев войны – с февраля 1944 по апрель 1945 года – Гитлер не переставал подгонять команду фон Брауна. «Гитлер сулил Брауну все золото мира, он заставлял конструкторов работать по 15-16 часов в день без перерыва, то обещая им свою исключительную помощь, когда бывал доволен, то клеймя их как самых гнусных предателей в истории, когда ему казалось, что дело идет недостаточно быстро...»
90

Вернер фон Браун жаждал денег и славы и не давал своим сотрудникам ни минуты отдыха. Проект принимал все более конкретные очертания. Агрегат «10» высотой 18 метров, диаметром 3,5 метра и весом 87 тонн должен был служить первой ступенью ракеты «А-9». Весь же колосс со смонтированным на нем оперением площадью 13 квадратных метров, весивший 100 тонн, за 35 минут полета должен был, израсходовав 70 тонн горючего, донести до Нью-Йорка всего одну тонну взрывчатки! Этот совершенно нерентабельный проект, который родился в воспаленном мозгу нацистов, одержимых манией величия и стремлением к мировому господству, сулил всем монополиям-участницам и их акционерам огромные прибыли. Гитлеровским же генералам он должен был послужить моральным подспорьем.
Однако создать ракету такого типа было технически нелегко. Это усугублялось лихорадочной спешкой. Пробный запуск первой ракеты «А-9/А-10», произведенный 8 января 1945 года, оказался неудачным. Вернер фон Браун с треском провалился.
Провалились и гиммлеровские агенты. Сначала им удалось благополучно проскользнуть под носом американских сторожевых кораблей, постов береговой обороны и контрразведки США. Но на этом и кончилось везение диверсантов. Разоблачить их помог антифашистски настроенный американец Том С. Уорренс. Он занимал видный пост в военной промышленности США. Колпаг, который когда-то был знаком с Уорренсом, попытался завербовать его, втянуть в

операцию «Эльстер». Уорренс, дважды раненный на войне, на следующий же день отправился в федеральное бюро расследований и сообщил о готовящейся диверсии.
Там к его заявлению отнеслись весьма иронически, более того – высмеяли. Но Уорренс категорически требовал ареста фашистского диверсанта, хотя сотрудники ФБР и пугали его неприятными юридическими последствиями в случае, если обвинение окажется ложным. Колпаг признался на первом же допросе и, желая спасти свою голову, сразу выдал Гимпеля, с которым расстался несколько дней назад. Сотрудники ФБР были вне себя от удивления. Как, неужели еще один агент СД обретается в Нью-Йорке и преспокойно спит где-то в Манхэттене? Колпаг, боясь суровой кары, заклинал их поскорее разыскать Гимпеля, пока не произошло беды. ФБР пришлось поднять в Нью-Йорке самую крупную тревогу за все годы второй мировой войны. Целая армия полицейских и агентов бюро, в форме и в штатском, получив описание внешности Гимпеля, охотилась за ним.
А тем временем Гимпель уже слал из номера 1559 отеля «Пенсильвания», расположенного в центре нью-йоркского сити, первые шифрованные радиограммы в Берлин. Вот уже четыре недели жил он в городе, небоскребы которого должен был помочь превратить в груду развалин. Если гитлеровские ракеты обрушатся на огромный город, где живут 8 миллионов человек, это, по расчетам нацистов, окажет большое психологическое воздействие.
Сотрудники ФБР выспрашивали у Колпага особые приметы и особенности поведения Гимпеля. Арестованный вспомнил, что Гимпель обычно держал монеты не в кошельке, а в верхнем левом кармане пиджака...
Наступили рождественские дни. Нью-Йорк готовился к сочельнику; никакой светомаскировки, никаких видимых признаков войны. Празднично настроенные люди даже и не подозревали о дьявольском плане, который собирались осуществить против них в далеком рыбацком поселке Пенемюнде на немецком острове Узедом, где находился фашистский ракетный центр. К газетному киоску на Таймс-сквер подошел одетый по последней американской моде мужчина. Не вынимая сигары изо рта, он потребовал иллюстрированный журнал, протянул продавцу долларовый банкнот; получив несколько центов сдачи, сунул их в левый верхний карман пиджака. Заранее проинструктированный киоскер сразу подал условный сигнал сотрудникам ФБР. Через несколько мгновений наручники защелкнулись на запястьях агента СД, в которого Гиммлер вложил целое состояние. Шпиона и диверсанта препроводили в специальную тюрьму форта Джей в штате Нью-Йорк, где посадили в проволочную клетку, день и ночь освещавшуюся яркой лампой.
Президент США Франклин Делано Рузвельт, когда его информировали о случившемся, приказал немедленно предать преступников военному суду «по обвинению в шпионаже и других враждебных действиях». Гимпель пытался вывернуться, все еще не теряя надежды воспользоваться той сотней тысяч марок, которые он получил от СС. И вот суд поднялся, чтобы вынести приговор двум эсэсовским террористам, которые хотели взорвать Нью-Йорк. Их признали виновными по всем пунктам обвинительного акта. Председатель суда полковник Клинтон Дж. Харрольд четко произнес слова смертного приговора: «To be hanged by the neck until dead!», что означает в переводе с английского: «Висеть, пока не умрешь!».
Колпага казнили. А второй шпион, часы которого, казалось, были уже сочтены, уцелел. После смерти Рузвельта новый президент Гарри Трумэн заменил ему смертную казнь сначала пожизненным, а затем тридцатилетним заключением. Благодаря стараниям боннского правительства Гимпель в 1956 году был освобожден американским правительством, препровожден в аденауэровский рейх, радушно принят там и щедро вознагражден в качестве компенсации за «позднее возвращение».
Но вернемся к 1945 году. Итак, у нацистов не осталось на американском континенте агентов, которые могли бы навести их ракеты на цель. Однако Вернер фон Браун нашел выход, опять же в гитлеровском духе: пусть ракету «А-9/А-10» направит на Нью-Йорк пилот-смертник! 24 января 1945 года фон Браун после пробного запуска заявил, что проблема последней ступени ракеты технически уже решена.
И только Советская Армия сорвала планы фашистских ракетчиков. Ожесточенное сопротивление эсэсовских частей не смогло остановить советские войска на Одере. Нацистам пришлось спешно переносить свои испытательные полигоны дальше на запад. Не успевал бетон стартовых площадок просохнуть, как начиналось новое отступление гитлеровцев.

Нынешние западногерманские партнеры США по агрессивному блоку НАТО и по сей день цинично прославляют нацистского конструктора Вернера фон Брауна за его попытку создать ракету, предназначавшуюся для удара по территории Соединенных Штатов. Издаваемый военным министерством ФРГ журнал «Зольдат унд техник» пишет: «Там (в Пенемюнде. –
Ю. М
.) он вместе со своими сотрудниками сконструировал на основе «Фау-2» первую двухступенчатую ракету дальнего действия. То была так называемая «Америка-ракета А-9/А-10»– первая пилотируемая летчиком межконтинентальная ракета, колосс длиною 29 метров, с дальностью полета 5000 километров и грузом взрывчатки, равным 1000 килограммов... Этот первый «привет» от Вернера фон Брауна, – признает журнал, – так и не был изготовлен»
91
. Тем не менее фон Браун, носивший черную эсэсовскую форму и жаждавший богатств, обещанных Гитлером, до последнего момента носился с мыслью о ракете, при помощи которой можно будет терроризировать и шантажировать американцев.

«Если бы мы заполучили его (фон Брауна. –
Ю. М
.) в 1945 году, – заявил известный английский кинорежиссер Дж. Ли Томпсон,– то наверняка предали бы суду военного трибунала. И, вероятно, он был бы повешен». Ли Томпсон сказал это в связи с постановкой в Америке «суперфильма» под названием «Вернер фон Браун: стремлюсь к звездам». Но фон Браун (об этом фильм умалчивает) стремился прежде всего к иной, к земной и весьма низменной цели: к истреблению английского гражданского населения, на которое обрушились его «Фау-1» и «Фау-2». Впрочем, он весьма охотно перебил бы своими ракетами и американцев.

Приказ Гиммлера: «Скрыться!»

«Русские танки у Штеттина!» Когда дежурный унтер-офицер ворвался с этой ошеломляющей вестью в офицерское казино ракетного центра Пенемюнде, все побледнели. Советская Армия на Одере! И ее не остановить! Теперь конструкторам ракетного оружия стало не до новых проектов – они побросали остро заточенные карандаши и ринулись на запад.
Об этих днях горького похмелья Вернер фон Браун однажды вспомнил в кругу своих единомышленников в американском ракетном городке Хантсвилле:

«Когда в январе 1945 года стало ясно, что Красная Армия подходит все ближе, я оказался в Пенемюнде более или менее предоставленным самому себе. Генерал Дорнбергер находился в Бад-Захсе в Средней Германии, где занимался (ракетным. –
Ю. М
.) обучением войск. В этот критический период я получил с полдюжины всяких приказов от самых различных германских органов, которые предписывали мне эвакуироваться со всем имуществом и специалистами. Но как осуществить такую эвакуацию, предусмотрительно не указывалось. Другие приказы, главным образом местных властей, например гаулейтера Померании и командующего обороной Балтийского побережья, гласили: «Оставаться на месте, а каждый, кто не пожелает защищать священную землю Померании, будет расстрелян как дезертир!» Тогда в одном из крестьянских домов недалеко от Пенемюнде, где мы могли чувствовать себя не под надзором, я устроил совещание начальников отделов и познакомил их со всеми этими противоречивыми приказами. Я сказал: «В этой ситуации мы должны принять решение сами». Голосование показало, что все за то, чтобы двинуться на запад. Затем я созвал общее собрание всего нашего персонала (а он составлял минимум четыре тысячи человек) и не долго думая зачитал те приказы, в которых говорилось об

эвакуации. О других приказах и распоряжениях я просто-напросто умолчал, и передислокация была одобрена. Это решение и стало именоваться «приказом фюрера»» [92].

В рассказе Вернера фон Брауна кое-что намеренно искажено. Приказ как можно быстрее эвакуироваться из Пенемюнде в действительности был отдан не им самим, а Гитлером и Гиммлером: они ни в коем случае не могли допустить, чтобы в руки Советской Армии попало хоть что-либо, имеющее отношение к секретному оружию. Вернер фон Браун лишь задним числом приписал себе «неповиновение» властям.

На деле эвакуация из Пенемюнде происходила совсем не так. В самом конце 1944 года Гитлер назначил рейхсфюрера СС Гиммлера командующим «группой армий Висла», приказав ему любой ценой остановить Советскую Армию на Одере. Гиммлер поставил во главе дивизий самых отъявленных нацистов. Таким был, к примеру, оберштурмбанфюрер СС и начальник диверсионной службы СД Отто Скорцени, которому было поручено оборонять плацдарм на Одере у города Шведта. Эсэсовцы выселили из зоны боев всех жителей, позволив им взять с собой только самое необходимое, затем открыли на Одере шлюзы и затопили тысячи гектаров немецкой земли. Каждому подростку от 14 лет и мужчине до 65 лет вручили винтовку, автомат или противотанковый «фаустпатрон» и отправили на фронт. Каждый, кто без разрешения покидал часть, получал пулю или петлю. На придорожных деревьях раскачивались повешенные за «дезертирство» и неповиновение, а под ними нескончаемым потоком шли люди, согнанные эсэсовцами с родных мест. Дороги были забиты брошенной техникой, а по обочинам валялись опрокинутые фургоны, павший скот, ручные тележки и детские коляски.

И вот в этой обстановке из Пенемюнде на запад двинулась длинная колонна автомашин. 2 тысячи грузовиков и тысяча прицепов везли 12 тысяч тонн груза и несколько тысяч специалистов, большей частью вместе с семьями. Эвакуация была подготовлена весьма тщательно: об этом свидетельствуют специально изготовленные дорожные указатели с понятными только посвященным сокращением «V. z. b. V» – «Оружие возмездия особого назначения» [93]. Гиммлер позаботился о максимально полном демонтаже пенемюндских объектов, что вполне соответствовало желаниям фон Брауна. В то время как насильно эвакуируемым жителям Восточной Пруссии и Померании приходилось шагать пешком, а немецкие фронтовые части испытывали большую нужду в горючем, Гиммлер не пожалел для ракетчиков огромного количества бензина.

Команда Вернера фон Брауна вывезла из Пенемюнде все, что только представляло какую-либо ценность. Ракетчики, писал вскоре после войны нью-йоркский иллюстрированный журнал «Лук», «погрузили все движимое имущество, включая машины, модели, планы и другие документы...» [94]

В автоколонне рядом с фон Брауном уже не было инженера Клауса Риделя. Вместе с отстраненным от дел с 1934 года Рудольфом Небелем он являлся владельцем самого крупного в Германии ракетного патента и многие годы принадлежал к кругу самых близких друзей Брауна. Но поскольку Ридель не пожелал облачиться в эсэсовскую форму и придерживался собственных концепций в ракетном деле, между ним и фон Брауном постоянно возникали разногласия. И вот в 1944 году Ридель внезапно погиб при автомобильной катастрофе. Несчастный случай? Об этом говорили только шепотом. Никто не решался высказать свои сомнения вслух: с тех пор как эсэсовцы обосновались на ракетном острове, это было равнозначно самому себе вынести смертный приговор. Правда стала известна только после войны.

Бывший административный директор Испытательной базы Пенемюнде Вилли Генте показал в 1952 году под присягой: прибыв на место происшествия сразу же после гибели Клауса Риделя,

он понял, что катастрофу подстроили, – сломавшаяся правая рулевая штанга была явно подпилена. Генте подтвердил, что у Риделя вообще были плохие отношения с эсэсовцами и правителями третьего рейха и в конце 1943 или начале 1944 года он находился под следствием. Как удалось установить автору книги, в связи с этим расследованием Ридель в ночь с 20 на 21 марта 1944 года был арестован и доставлен в гестапо Штеттина. С 2 апреля 1944 года он был фактически подвергнут аресту: его повсюду сопровождала специально приставленная охрана. Таков был конец немецкого инженера-ракетчика, своим опытом и квалификацией намного превосходившего Вернера фон Брауна.

В начале февраля 1945 года кавалькада ракетчиков прибыла в Нордхаузен. Там серийное изготовление ракет продолжалось еще восемь недель и достигло предельной производительности. Но надежда гитлеровцев на «чудо-оружие» оказалась тщетной. Англо-американские войска не спеша продвигались к Гарцу. Нацисты не оказывали им сколько-нибудь значительного сопротивления. Они бросили все силы, еще имевшиеся в северной части Германии, а также остатки своих разбитых армий в битву за Берлин – против неудержимо наступавших советских войск. Удерживать Нордхаузен вместе с центром ракетного производства «Дора» стало невозможно.

3 апреля 1945 года командир армейского корпуса ракетного оружия группенфюрер СС Ганс Каммлер приказал «немедленно эвакуировать руководящие кадры производства оружия «Фау» в так называемую «Альпийскую крепость»». Генерал-лейтенант Дорнбергер, обеспечивавший снабжение Каммлера ракетами и руководивший обучением специальных ракетных войск в Бад-Захсе, недалеко от Нордхаузена, отобрал для эвакуации около пятисот специалистов-ракетчиков.

4 апреля 1945 года, за четыре дня до взятия Нордхаузена, когда танковые авангарды американской армии оставили позади Геттинген, американская авиация совершила налет на концлагерь «Дора-Миттельбау». Бомбами, изготовленными в Детройте и Сан-Франциско, было убито множество русских, французов, поляков и чехов – узников зловещего лагеря.

У эсэсовцев не хватило времени привести в исполнение свой чудовищный план уничтожения заключенных: загнать узников в штольни, а затем, завалив взрывами и замуровав все выходы, удушить их газом. Тогда лагерное начальство построило 30 тысяч заключенных в колонны, и начался марш смерти. Узников гнали в Люнебургскую пустошь, чтобы уничтожить всех до единого: они должны были унести в могилу тайну фашистского ракетного производства.

> В одной из колонн среди 2 тысяч заключенных смертников шел Симон Феликс. На его глазах озверевшие охранники-эсэсовцы расстреляли после налета американской авиации 500 узников; сотни погибли от голода. Остальных палачи убили около селения Гарделеген. Симон Феликс рассказывает, что тысячу с лишним заключенных, треть которых составляли советские военнопленные, загнали в большой сарай и там уничтожили противотанковыми «фаустпатронами», ручными гранатами, автоматными очередями. Такая же участь постигла и другие колонны заключенных концлагеря «Дора». После войны окружные власти города Вольмирштедт (ГДР) произвели эксгумацию трупов заключенных из колонны, которую эсэсовцы гнали в направлении города Стендаль. Результаты эксгумации показали, что у большинства убитых проломлен или прострелен череп, а некоторые из жертв, как это установлено по положению тел, были закопаны в общие могилы живыми [95].

В то время как эсэсовцы с ведома и согласия руководства подземного ракетного завода уничтожали заключенных лагеря «Дора-Миттельбау», Вернер фон Браун, генерал Дорнбергер и специалисты-ракетчики, общим числом 468 человек, следовали в указанный им район Обераммергау (Бавария). Официальное задание, данное Дорнбергеру, гласило: «Продолжать важные для войны эксперименты». И это всего за четыре недели до безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии! Вернер фон Браун и его подручные все еще не сдавались. Они устремились в тот труднодоступный для американских наземных войск район, который нацисты высокопарно назвали «Альпийской крепостью». Верховным шефом здесь был назначен обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер – начальник полиции безопасности и СД.

В колонне Дорнбергера находился инженер Гельмут Гретруп. Эсэсовская служба безопасности уже давно считала его «ненадежным». С 1942 года он состоял под особым наблюдением гестаповцев. Весной 1945 года эсэсовцы посадили его в гестаповскую тюрьму Штеттина, но вскоре, поскольку он был незаменим, выпустили, приставив к нему постоянную охрану. Гретруп не хотел больше принимать участия в гитлеровской ракетной программе, к тому же он чувствовал опасность, грозящую ему со стороны СД. В письме автору книги от 12 марта 1962 года Гретруп сообщил: «В апреле 1945 года был составлен поезд из специалистов по «Фау-2», который отправился в Обераммергау. С этим поездом выехал и приставленный ко мне охранник в штатском; как я узнал впоследствии, в кармане у него лежал приказ о моем аресте в день прибытия на место. Но обер-штурмбанфюрер СС Гайзен из Нордхаузена считал, что экзекуции, распоряжение о которой было им отдано, меня следует подвергнуть немедленно. Я сбежал с поезда и вместо того, чтобы явиться в Обераммергау, перешел через приближавшуюся линию фронта к американцам».
Пока эсэсовцы расправлялись с заключенными «Доры», поезд с нацистскими ракетчиками мчался на юг и наконец прибыл в Гармиш-Партенкирхен – райский уголок для любителей лыжного спорта. Оттуда путь их лежал в район, где сходились границы трех государств – Швейцарии, Австрии и Германии. Здесь, вблизи высокогорного курорта Хинделанг, Вернер фон Браун расположился в фешенебельном отеле «Ингебург» (Оберйох), где он со своими подручными и провел последние недели войны, наслаждаясь великолепной природой и загорая на весеннем солнце. Владелец отеля на запрос автора книги сообщил: «Профессор фон Браун со своим штабом прибыл незадолго до конца войны вместе с грузовой колонной, которой командовал генерал Дорнбергер... В этой группе находилось множество офицеров, фельдфебелей, унтер-офицеров, машинисток и прочих лиц, но делать им тут особенно было нечего. Продовольствие и спиртные напитки они привезли с собой или же им их доставляли».
На немецкой земле бушевала смерть, а здесь шла беспробудная пьянка. Нелепый фарс с «геройским» самоубийством Гитлера был воспринят ракетчиками-фанатиками как конец Германии. Они решили в плен не сдаваться, а... ждать, пока янки придут и заберут их сами!
Навстречу американским частям выехал Магнус фон Браун-младший: он должен был привести сюда американцев, предварительно выяснив, находится ли среди них вашингтонский профессор Гетц Энтони Брифс. На то были свои причины.
И вот вскоре на извивающейся серпантинной лентой дороге появился мчащийся к Оберйоху «джип». В нем – трое американцев. Один из них мистер Брифс.
Фашистские ракетчики выстраиваются в три ряда. Генерал-лейтенант Дорнбергер официально просит взять их в плен. Американцы держатся запросто. Профессора Брифса интересует единственный вопрос: «Where is Dr. Braun?» – «Где доктор Браун?»
Мистера Брифса подвели к Брауну. Знакомство состоялось.

> Отец Вернера фон Брауна впоследствии выболтал, что именно побудило его сына и остальных фашистских ракетчиков переметнуться к американцам: «Вместе с большинством других руководящих лиц в области ракетных исследований и производства они в конце концов сдались американцам в Оберйохе (Альгеу). Там они – впрочем, без всякого давления на них (! –
> Ю. М
> .) – предложили свое сотрудничество Америке, так как уже не видели никакой возможности продолжать свою деятельность в Германии и из всех наших прежних врагов Америка... в политическом и деловом плане подходила им более всего»
> 96
> .

> Итак, прежние хозяева – Гитлер, Гиммлер и иже с ними обанкротились, а посему Вернер фон Браун решил найти себе других! США казались теперь Вернеру фон Брауну наиболее многообещающими и в «политическом и в деловом плане», хотя какими-нибудь ста днями ранее он хотел обрушить на Нью-Йорк свои гигантские ракеты. Дабы сделать правдоподобной такую ошеломляюще внезапную смену своих взглядов и убеждений, фон Браун стал уверять, что в моральном и политическом отношении он всегда был безупречен.

Обер-ракетчик, например, заявлял: «Многие – солдаты, ученые и прочие – сознавали, что они служили режиму, законность которого была более чем сомнительна. Но что может сделать отдельный человек в таком положении? Может ли он бежать или же должен твердо стоять на своем посту? Я решил остаться (с Гитлером. –
Ю. М
.)»
97
. Вернер фон Браун внезапно «позабыл» и о своем усердии в оснащении вермахта оружием агрессии, и о своем угодничестве перед Гитлером, и о матерях и младенцах, убитых его ракетами в Лондоне, Антверпене, Льеже и Ремагене, и о горах трупов в концлагере «Дора», и о служивших виселицами электрокранах своего подземного ракетного завода!

Другая попытка отмыть от крови фашистского убийцу была предпринята после войны – постановкой уже упоминавшегося фильма «Вернер фон Браун: стремлюсь к звездам». В этом фальсифицирующем истину фильме, сценарий которого фашистский ракетчик лично подверг строгой цензуре, есть, например, такая сцена. Американский офицер, допрашивающий фон Брауна, обвиняет его в том, что он дал гитлеровскому правительству оружие массового уничтожения. В ответ Вернер фон Браун заявляет: «Если все, кто работал на ракетном заводе, – военные преступники, то тогда и я тоже. Я сконструировал ракеты задолго до войны. Космонавтика – вот все, что меня интересует»
98
.

Нет, не космос, не далекие миры были целью фон Брауна, а уничтожение противников гитлеровского режима ракетами, которые он неустанно проектировал. Верно только одно: создавать эти орудия убийства Вернер фон Браун начал задолго до войны. Сегодня он предпочитает не вспоминать и о том, что советские, польские, французские, голландские, чешские и немецкие антифашисты, нередко жертвуя своей жизнью, наносили чувствительный урон его ракетной программе смерти.
Уроки истории ничему не научили фон Брауна. Он по-прежнему такой же заклятый враг мира и закоренелый милитарист, как и в годы третьего рейха. Разница только в том, что ныне Вернер фон Браун служит другим хозяевам.

Спасение приходит из-за океана

Однако вернемся назад и посмотрим, почему профессор Брифс последовал за американскими танками туда, где он смог заключить в свои объятия Вернера фон Брауна.
Обратимся к истории. В 1872 году германский рейхстаг принял «закон об иезуитах», запрещавший деятельность в Германии этого строго по-военному организованного ордена, издавна стремившегося обрести политическое влияние. В течение 50 лет католическое духовенство всячески добивалось отмены закона, препятствовавшего подрывной политической деятельности иезуитов. Сделать это удалось только в 1917 году. Иезуит Брифс, занимавший важный пост в кайзеровском ведомстве внутренних дел, развернул в прессе широкую кампанию за отмену закона. Начальником бюро информации ведомства внутренних дел был тогда не кто иной, как отец Вернера фон Брауна Магнус фон Браун. Благодаря стараниям Брифса и Брауна закон 1872 года был отменен, тем самым были сняты и препоны, мешавшие политической деятельности иезуитов в Пруссии и во всей Германии.
В 1934 году профессор Брифс перебрался в США, где начал преподавать политическую экономию в иезуитских колледжах. Начало второй мировой войны застало Брифса в Джорджтаунском университете в Вашингтоне.
Иезуиты не забыли помощи, оказанной им Магнусом фон Брауном, тем более, что в 1943 году в Ватикане появился его старший сын Зигмунд. Правда, в 1941 году этот гитлеровский дипломат

был арестован англичанами в Аддис-Абебе, но вскоре выпушен и в конце 1942 года вернулся через Кению в Германию, где ему дали поручение весьма деликатного свойства.
После мощного удара, который Советская Армия нанесла вермахту на Волге, и дальнейших поражений гитлеровцев на Восточном фронте, нацисты, а особенно эсэсовская верхушка, стали предпринимать попытки вступить в переговоры с англичанами и американцами с целью заключить антисоветский союз между Германией, Италией, Японией, с одной стороны, и Великобританией и США – с другой. Наиболее подходящим местом для переговоров нацисты сочли Ватикан. Придавая этой миссии исключительное значение, они направили туда самых опытных дипломатов.

Весной 1943 года в Ватикан прибыл назначенный к папе послом бригаденфюрер СС и довереннейший сотрудник личного штаба Гиммлера барон Эрнст фон Вейцзекер. До этого в течение четырех лет барон занимал должность статс-секретаря фашистского министра иностранных дел фон Риббентропа. В списках эсэсовцев Вейцзекер стоял по выслуге лет на 301 месте и был награжден «золотой шпагой рейхсфюрера СС»
99
. Характерно, что в качестве помощника к Вейцзекеру был прикомандирован сын старого пособника иезуитов Зигмунд фон Браун.

Государственный департамент США направил к папе Пию XII под видом личного посланника Майрона Чарлза Тэйлора. Этот американский миллионер-католик занимал пост директора компании «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» и представлял интересы треста Моргана, а также Уолл-стрита. Тэйлор не скрывал своих симпатий к фашизму.

Американский автор Авро Манхэттэн, отличный знаток профашистских интриг Ватикана, писал об одной из них, в которой принял участие Зигмунд фон Браун
100
.

«Нацистский посол в Ватикане барон Вейцзекер неоднократно посещал папу и кардинала – статс-секретаря (кардинала Маглионе. –
Ю. М.
), а также встречался с Майроном Тэйлором (в июне – июле 1944 года. –
Ю. М
.)... Во время предпринимавшихся папой усилий с целью помочь фашистской Германии заключить мир Вейцзекер со всей серьезностью стремился договориться с Ватиканом насчет условий этого мира. В мае и июне кардинал Маглионе, Майрон Тэйлор, барон фон Вейцзекер и английский посол неоднократно совещались; поводом для таких совещаний было решение повторить в Германии итальянские события, чтобы таким образом «открыть путь к прекращению военных действий». Решение это следовало осуществить быстро. Полный развал всего центрального участка гитлеровского Восточного фронта, выход Италии из войны, предстоявшее вторжение союзников на Западе – все это были явные признаки неотвратимого поражения Германии, которое теперь стало лишь делом времени. В то время как союзникам было важно скоординировать свои военные усилия и нанести нацистской Германии решающий удар, Ватикан заботился о том, чтобы политическими маневрами обеспечить сохранение в Германии основ фашизма»
101
.

Ватикан, где находилась и резиденция генерала ордена иезуитов, явился одним из центров антикоммунизма, оплотом заговора против прогресса и мира во всем мире. Поскольку крушение фашистской «оси Берлин – Рим – Токио» стало уже очевидно, католический клир желал превратить Соединенные Штаты в свой военный арсенал борьбы против коммунизма. И уж конечно в этом антикоммунистическом арсенале почетное место должно было занять гитлеровское ракетное оружие.

Именно поэтому иезуит Брифс и получил задание отправиться в Германию, найти Вернера фон Брауна и обеспечить ему полную безопасность
102
. Вот почему нацистский дипломат Зигмунд фон Браун еще до окончания войны сообщил своему братцу Вернеру о прибытии «старого знакомого нашей семьи и политического друга» профессора Брифса.

Начальником профессора Брифса во время поисков Вернера фон Брауна был генерал-лейтенант американской секретной службы Дональд Линдер Путт
103
. Ему военное министерство США поручило заполучить не только нацистские ракеты, но и их конструкторов. Генерал Путт возглавил пресловутую «операцию Пейперклип», что в переводе с английского означает «операция Канцелярская скрепка». Название загадочное, но объяснялось оно довольно просто: в картотеке лиц, за которыми охотилась американская секретная служба, карточки с фамилиями нацистских ракетчиков были сколоты специальными нержавеющими канцелярскими скрепками.

В группе Путта выделялся своей холеной внешностью некий господин в офицерской форме и темных солнцезащитных очках. Это был американский инженер Ричард Уильям Портер. Ему разведка США была обязана многими весьма ценными данными о гитлеровских ракетчиках. Американцы располагали весьма подробными данными о каждом из них, полученными не в результате совместной деятельности с английской секретной службой. Источник информации был иным: просто-напросто мистер Портер принадлежал к руководящей верхушке крупнейшего американского электроконцерна «Дженерал электрик компани», поддерживавшего деловые связи с германскими монополиями.

Посланец «Дженерал электрик» не жалел сил своих, взбираясь на альпийские кручи, лишь бы поскорее добраться до Вернера фон Брауна: ведь американские концерны рассчитывали на огромные прибыли от производства ракет. «Дженерал электрик компани» давно уже приметила, какой выгодный бизнес делает на ракетах концерн «АЭГ», да и сама американская компания снимала сливки с производства «чудо-оружия», когда гитлеровские дьявольские «сигары» обрушивались на Англию и Бельгию, а под конец и на немецкую землю. Ведь еще в 1922 году «Дженерал электрик» заключила с «АЭГ» договор о партнерстве, а в 1929 и 1936 годах приобрела значительную часть его акций, составившую в конечном итоге не менее одной пятой всего капитала германского концерна. Тесно переплетающиеся интересы международного капитала и на этот раз оказались сильнее, чем противоречия между капиталистическими государствами. Народы истекали кровью, а монополии обогащались. Победа или поражение означали для владельцев денежных мешков прежде всего – какая именно группа монополий одержит верх. Итак, эта далеко не святая троица – махровый антикоммунист иезуит Брифс, генерал Путт из Пентагона и представитель алчного моргановского треста Портер – бросилась на поиски возглавляемых фон Брауном ракетчиков. Их не смущало ни нацистское прошлое конструкторов «чудо-оружия», ни расходы, которые, впрочем, должен был возместить ракетный бизнес. Они заботились прежде всего о том, чтобы усилить военный потенциал Соединенных Штатов для будущей антикоммунистической агрессии. Посланцы из-за океана спешно приступили к демонтажу центра ракетного производства в Нордхаузене, чтобы успеть сделать это до отвода американских войск на установленную еще ранее демаркационную линию: ведь Тюрингия, где находился этот центр, входила по союзническим соглашениям в Советскую зону оккупации Германии. Многотонные американские военные грузовики в огромном количестве вывезли из Нордхаузена детали ракет, машины, чертежи, модели, а кроме того – более сотни комплектных ракет «А-4». В Антверпене их погрузили на суда и отправили в США
104
. Американская секретная служба захватила и также отправила за океан «тысячи тонн»

105
документации, связанной с конструированием и производством ракет.

Ни один немецкий ракетчик или инженер-ученый не должен был ускользнуть из рук военных монополий США. Едва смолкли орудия, едва народы облегченно вздохнули, как по требованию реакционных американских кругов из Германии начали вывозить в США всех видных специалистов военной промышленности, особенно в области ракетного дела. Вот официальное свидетельство самого Ричарда У. Портера, относящееся к 1959 году: «Тот факт, что в те месяцы (с марта 1945 года. –
Ю. М
.) многие сотрудники доктора Брауна были эвакуированы из той области, которая позднее стала частью Восточной Германии, следует отнести главным образом за счет моих личных усилий. Осуществлялось это с целью дальнейшей отправки их в Соединенные Штаты. Во исполнение договора (с нацистскими ракетчиками. –
Ю. М
.) «Дженерал электрик» в первые годы их пребывания в Америке предоставила в распоряжение доктора фон Брауна и его группы все необходимое, в частности обеспечила оборудование и введение в строй первой базы в Эль-Пасо (Техас), а также оказала помощь в их перебазировании в Редстоунский арсенал и создала здесь (в Хантсвилле. –
Ю. М
.) ракетные заводы»
106
.

Американская команда охотников за немецкими специалистами-ракетчиками расположилась в начале 1945 года со своими канцелярскими скрепками на курорте Бад-Киссинген в отеле «Виттельсбахер-гоф». Туда «секретная служба американской армии в большой спешке, но по заранее составленному плану доставляла вывезенных из советской (оккупационной) зоны (границы которой были заранее согласованы между союзниками по антигитлеровской коалиции и являлись для них обязательными. –
Ю. М
.) немецких ученых-ракетчиков и инженеров... Небольшой отель, теперь уже переоборудованный под сберкассу, напоминал лагерь. Пока мужчины проходили отбор с точки зрения их технической квалификации, жены ракетчиков устроили нечто вроде коммунальной кухни, которая снабжалась американскими продуктами. Дети заполонили вестибюль отеля, внезапно ставшего колыбелью американских ракетных исследований»
107
.

Такова была политика влиятельных сил США. Она проводилась вопреки совместно подписанной правительствами США, СССР и Великобритании в октябре 1943 года декларации об ответственности гитлеровцев за совершенные преступления. Эта декларация категорически предупреждала фашистских военных преступников, что «три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и предадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие»
108
. Между тем военный преступник Вернер фон Браун находился отнюдь не на краю света, а в курортном местечке Германии, в американской зоне оккупации. А фамилия Брауна, вместо того чтобы значиться, как ей положено, вместе с фамилиями многих его коллег-ракетчиков в списке военных и нацистских преступников, стояла под сулящим круглые суммы контрактом с «Дженерал электрик компани».

Американские власти торопились как можно скорее вывезти из Германии завербованных ими нацистских ракетчиков. Когда 2 августа 1945 года президент Гарри Трумэн поставил в Потсдаме свою подпись под соглашением, которым предусматривались, в частности, «полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства»
109
, Вернер фон Браун уже сбежал из страны своих аристократических предков. Его приезд в Соединенные Штаты был скрыт даже от выдающего визы государственного департамента. В ноябре 1945 года в Нюрнберге собрался Международный военный трибунал, чтобы судить главных нацистских и военных преступников. Правда, на скамье подсудимых все же оказались эсэсовские шефы фон Брауна, гитлеровский министр вооружения Шпеер и некоторые представители военных монополий
110
. А вот самого фон Брауна в Германии не обнаружили! И не удивительно: в это время в американском форте Блисс и на полигоне Уайт Сэндс Браун монтировал захваченные разведчиками США ракеты «Фау-2». Американские офицеры и представители военных концернов знакомились с «гвоздем» фашистской военной техники. Все это происходило в строгой тайне. В Соединенных Штатах, с гордостью сообщал в 1952 году западногерманский журнал «Вельтраумфарт», Вернеру фон Брауну «в качестве первоочередной задачи было поручено обучить персонал американской армии и инженеров „Дженерал электрик компани“ обращению с „Фау-2“»
111
.

Когда в 1946 году Международный военный трибунал в Нюрнберге в своем приговоре объявил гитлеровские СС преступной организацией, подчеркнув при этом, что, «рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов «общих СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова»»
112
, ни один сотрудник ФБР не был послан на роскошную виллу импортированного в США штурмбанфюрера СС Вернера фон Брауна. Американская военщина, магнаты военной промышленности и секретная служба США и по сей день не сочли нужным подвергнуть Вернера фон Брауна хотя бы формальной денацификации. А западногерманская печать откровенно превозносит этого нацистского преступника, который, по ее мнению, «поступил правильно, когда весной 1945 года предоставил себя в распоряжение американцев... Выбрав США, он выбрал демократию и свободу»
113
.

Странная это, однако, демократия, которая берет под особую защиту эсэсовских штурмбанфюреров! Странная это свобода, когда на свободе остаются фашистские преступники! Нет, Вернер фон Браун выбрал вовсе не демократию и не свободу, а доллары Уолл-стрита и опеку Пентагона, и сделал он это, чтобы и впредь осуществлять свои опасные для дела мира планы.

О том, какое значение в этих планах приобретает Вернер фон Браун и его ракеты, откровенно писал начальник Редстоунского арсенала в Хантсвилле генерал Хольгер Нельсон Тофтой
114
в официальном органе американских вооруженных сил газете «Старс энд страйпс»: «Немецкая ракета „Фау-2“ сэкономила американской военной технике (ведь когда эти ракеты были доставлены из Германии, мы еще были в этом деле просто приготовишками) 50 миллионов долларов и 5 лет, которые ушли бы на исследовательскую работу»
115

. Так гитлеровский фаворит стал первым ракетчиком сначала американской армии, потом Соединенных Штатов в целом, а затем и «огромной надеждой свободного мира»
116
, как назвала его одна западногерманская газета.

Прежде Вернера фон Брауна опекала секретная служба Гиммлера. Ныне он находится под покровительством американского Центрального разведывательного управления. При участии фон Брауна получили дальнейшее развитие два опаснейших средства массового уничтожения, созданные империалистическими государствами во время второй мировой войны: атомная боеголовка и ее носитель – баллистическая ракета. Американские империалисты угрожают этим оружием народам, не желающим установления мирового господства США. А Вернер фон Браун уже похваляется тем, что он конструирует вооруженную ядерными ракетами межпланетную станцию, с помощью которой США якобы смогут осуществить свои планы господства над всем миром
117
.

Итак, Вернер фон Браун не просто остался таким, каким был. Он стал еще более опасным, ибо Пентагон снабдил его ракеты ядерными зарядами. «Ракетный барон» всегда чувствовал себя отлично там, где куется оружие агрессии и массового убийства, среди воинствующих милитаристов и жаждущих крови империалистов. Такова преемственность между Пенемюнде и Хантсвиллом.

Американские шефы Вернера фон Брауна делают все, чтобы сохранить в тайне нацистское прошлое почетного обитателя ракетного города Хантсвилла. Они представляют бывшего гитлеровского ракетчика как безобидного мечтателя о звездных пространствах. На самом деле Вернер фон Браун вновь мечтает об агрессии и войне. С помощью его ракет воинствующие круги Соединенных Штатов и других стран НАТО рассчитывают повернуть историю вспять. Но мировая история не стоит на месте. Соотношение сил в мире изменилось в пользу социализма. Ныне решающим фактором развития человеческого общества стала мировая система социализма. Лагерь мира во главе с Советским Союзом располагает для своей обороны непревзойденной военной мощью, и это служит серьезным предупреждением не в меру ретивым агрессорам, к числу которых принадлежит и барон Вернер фон Браун. Однако, пока этот бывший эсэсовский штурмбанфюрер играет важную роль в развитии военной ракетной техники империалистических агрессивных сил, народы должны держать его под своим неослабным наблюдением.

Иллюстрации

26 мая 1943 года, Пенемюнде. Вот они, нацистские преступники. В первом ряду слева направо: гросс-адмирал Дениц, генерал артиллерии Брандт, полковник Дорнбергер и Вернер фон Браун (со значком гитлеровской партии в петлице).

Англичанка – старший лейтенант Констанция Бэбингтон-Смит («Бэбс»). Это она первая обнаружила на аэрофотоснимках брауновскую ракету.

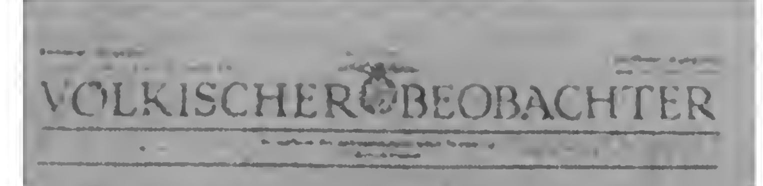
Польские партизаны после успешной операции по обнаруживанию «чудо-оружия».

Через несколько минут дьявольская «сигара» фон Брауна обрушится на Лондон.

Орган нацистской партии газета «Фёлькишер беобахтер» сообщила о награждении конструкторов «Фау», утаив их имена.

VÖLKISCHER BEOBACHTER

Auszeichnung für fünf um die „V 2" verdiente Männer

Berlin, 23. Dezember.

Der Führer verlieh auf Vorschlag des Reichsministers für Rüstung und Kriegsproduktion, Albert Speer das Ritterkreuz des Kriegsverdienstkreuzes mit Schwertern an fünf Wissenschaftler und Techniker, die sich um die Entwicklung, Fertigung und den Einsatz der V 2, einmalige Verdienste erworben haben. Ihre Namen werden zu einem späteren Zeitpunkt der Öffentlichkeit bekanntgegeben. Im Auftrag des Führers überreichte ihnen Reichsminister Speer am Einsatzort die hohen Auszeichnungen.

Подписанный Гитлером секретный приказ, предписывающий обеспечить бесперебойное производство вооружения, в том числе ракетного оружия.

DER FÜHRER

G 973/Ee
4

Geheime Kommandosache
103/23 g(Kdos)
Führerhauptquartier, den 31.1.1945

Die Produktion derjenigen Waffen, die im Notprogramm von mir festgelegt worden sind, ist derzeit wichtiger als Einziehungen daraus zur Wehrmacht, zum Volkssturm, Volksaufgebot oder zu anderen Zwecken.

Ich ordne daher an, daß alle im Notprogramm beschäftigten Facharbeiter mit Ausnahme der Jahrgänge 1926 und jünger von jeder Einziehung freizustellen sind, sofern sie nicht vorwärtig vor allem durch Fachkräfte stillgelegter Betriebe ersetzt werden können.

Diese Anordnung gilt auch für diejenigen Fertigungen, die als Grundindustrie und Zulieferung zur Fertigung des Notprogrammes notwendig sind (Eisenschaffende Industrie, Zulieferungsindustrie sowie für die Betriebe, die die Ausrüstungen dafür fertigen: Optik, Elektrotechnik usw.).

Die vorgesehenen oder geplanten Einziehungen müssen unabhängig von diesem Schutz von der übrigen Rüstungswirtschaft aufgebracht werden.

Der für das Notprogramm erforderliche Transportraum ist zu stellen und darf nicht für andere Zwecke beschlagnahmt bzw. abgezogen werden.

Kohle und Energie sind nach Möglichkeit im Rahmen der Einzelanweisungen des Reichsministers für Rüstung und Kriegsproduktion dem Notprogramm zuzuführen.

I.d.R.d.A.

(Saur)

Anlage
Rüstungs-Notprogramm

Врата нацистского ада. Туннель «А» подземного ракетного завода «Дора». Отсюда на поверхность земли вывозили только трупы и ракеты.

Каторжный труд и плеть вместо пищи. Результат – трупы узников «Доры».

Днем и ночью стлался дым из трубы крематория концлагеря.

Американцам гитлеровские ракетчики предпочли сдаться в штатской одежде. Слева направо: лейтенант Магнус фон Браун, генерал-лейтенант Дорнбергер (в шляпе и с сигарой), Вернер фон Браун (с театрально загипсованной рукой).

Бывший штурмбанфюрер СС Вернер фон Браун охотно позирует перед объективами американских телевизионных камер. Ракетчик обрел новых боссов. Теперь он держит в своих руках американскую ракету!

Примечания

1

С 1945 года называется Быстрица и входит в состав Польской Народной Республики.

2

«Der Spiegel», Hamburg, Nr. 53, 1955, S 29.

3

Magnus von Braun
, Von Ostpreu?en bis Texas, Stollhamm 1955, S.71.

4

Sefton Delmer
, Trail Sinister – Top Newsman remembers Europe, 1961, p. 179-180.

5

Walter Dornberger, V2 – Der Schu? ins Weltall, E?lingen 1952, S. 25.

6

«Der Spiegel», Hamburg, Nr. 53, 1960, S. 88.

7

«Der Spiegel», Hamburg, Nr. 53, 1955, S. 30.

8

«Frankfurter Allgemeine Zeitung», Frankfurt/Main, 3.XI. 1960.

9

Wernher von Braun

, Konstruktive, theoretische und experimentelle Beitr?ge zu dem Problem der Feussigkeitsrakete, Stuttgart 1959, S, 3.

10

Соответствуют следующим общеармейским чинам гитлеровского вермахта: генерал пехоты и других родов войск, генерал-лейтенант, генерал-майор, полковник, подполковник, майор. –
Прим. перев.

11

«Frankfurter Rundschau», Frankfurt/Main, 10.III.1961.

12

Rudolf Lusar, Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung, M?nchen 1959, S. 122.

13

«Die Welt», Hamburg, 20.11. 1958.

14

Walter Dornberger
, V-2 -Der SchuB ins Weltall, E?lingen 1952, S. 45-46.

15

Генрих Любке с 1959 года является президентом ФРГ.

16

«Weltraumfahrt», Frankfurt/Main, Heft 3, 1952, S. 66.

17

«Spandauer Volksblatt», Westberlin, 17.IX. 1959. Ракета «А-4», когда ее поставили на вооружение, в пропагандистских целях была названа нацистами сокращенно «Фау-2.» (V2) от слова «Vergeltungswaffe», означающего: «оружие возмездия».

18

Эрнст Штулингер, родом из Штутгарта, живет в США под псевдонимом мистер Апекс и работает вместе с Вернером фон Брауном в Хантсвилле.

19

Фриц Гаевский проживает в Леверкузене (ФРГ), является директором и председателем правления «Динамит АГ» в Тройсдорфе. За «заслуги» во второй мировой войне был награжден в 1953 году «Большим крестом за заслуги».

20

Карл Вагнер до 1958 года работал над созданием боевых ракет в США. В настоящее время является директором западногерманского института физической химии им. Макса Планка. Живет в Геттингене (ФРГ).

21

Выдержки из протокола совещания заимствованы автором из документа 079-L, представленного на процессе главных нацистских военных преступников в Нюрнберге.

22

Ulrih Detlev Rose
, Die unheimlichen Waffen – Atomraketen ?ber uns, M?nchen 1957, S. 18.

23

Эрхард Томфор также был казнен нацистами.

24

Гитлеровский генерал-лейтенант Йозеф Каммхубер до 1962 года был инспектором (командующим) западногерманских ВВС. Ныне получает солидную пенсию.

25

Karl Koller
, Der letzte Monat, Mannheim 1949, S. 103.

26

«Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbreeher vor dom Internationalen Milit?rgerichtshof», N?rnberg 1947, Band XVI, S. 578.

27

«8 Uhr-Blatt», N?rnberg, 24. VIII. 1960.

28

«Волчье логово» (WoHsschanze) – условное наименование ставки Гитлера, находившейся в районе города Растенбург в Восточной Пруссии. –
Прим. перев
.

29

«Spandauer Volksblatt», Westberlin, 17. IX. 1959.

30

«8 Uhr-Blatt», N?rnberg, 23. VIII. 1960.

31

Walter Dornberger, V2 – Der Schufi ins Weltall, S. 117.

32

Bernard Newman, They saved London, London, 1952, p. 186.

33

Стефан Игнашак живет сейчас в Познани (ПНР).

34

Бесцветная, вязкая, дымящая на воздухе, неприятного запаха жидкость; сильный восстановитель. –
Прим. ред.

35

После освобождения из концлагеря Маутхаузен Жак Бержье написал на основе своего дневника доклад, который сыграл важную роль на процессе фашистских военных преступников во французском военном трибунале.

36

Так называлась на солдатском жаргоне осветительно-сигнальная многозвездная ракета. –
Прим. перев.

37

Так именовались заправилы гитлеровской военной экономики. –
Прим. перев.

38

Расчеты сделаны на основании установленных производственных расходов и являются, таким образом, минимальными. Английский автор Бернард Ньюмэн (ссылающийся на протокол допроса одного из главных военных преступников Шпеера) приводит их в английской валюте: один самолет-снаряд – 3000, ракета «А-4» – 15 000 фунтов стерлингов. В указанный период фунт стерлингов равнялся 20,42 марки. –

Bernard Newman
, They saved London, p. 176– 178.

39

Карл Хеттлаге избежал наказания за свои военные преступления. Более того, он шаг за шагом поднимался по иерархической лестнице боннской бюрократии. Сначала Хеттлаге стал министераль-директором в министерстве финансов земли Рейнланд-Пфальц, затем в 1958 году – директором управления по бюджетным вопросам боннского министерства финансов, а в 1959 году он уже восседал в кресле статс-секретаря этого министерства. Здесь Хеттлаге при составлении разбухшего военного бюджета ФРГ несомненно пригодился опыт нацистских времен. Высшей точки послевоенная карьера бывшего нацистского эксперта по вопросам вооружения достигла в октябре 1962 года, когда он с помощью президента Западной Германии занял пост представителя ФРГ в верховном органе «Европейского объединения угля и стали» – руководящем синклите финансового капитала стран «Европейского экономического сообщества».

40

Соответствует чину капитана вермахта. –
Прим. перев.

41

После войны военные заводы братьев Штроер, находившиеся в тогдашней Советской оккупационной зоне, были на основе Потсдамского соглашения безвозмездно конфискованы и переданы в руки немецкого народа. Нацистский «вервиртшафтсфюрер» Карл Штроер избежал наказания за зверское обращение с эксплуатировавшимися на его предприятиях военнопленными. Он вместе с братом бежал в Западную Германию. Оба проживают в Дармштадте, являясь владельцами концерна «Велла», и принадлежат ныне к числу мультимиллионеров боннского государства. В 1958 году обербургомистр Хюнфельда доктор Рудельсдорф даже назвал именем этих торговцев смертью одну из улиц города.

42

Этот завод после 1945 года был на основе Потсдамского соглашения конфискован у его владельцев – военных преступников и ныне, являясь народным предприятием «Электроаппаратеверке», служит мирным целям.

43

Фридрих Шпенарт является ныне членом наблюдательного совета «АЭГ» и других концернов, почетным президентом западноберлинской «Торгово-промышленной палаты»: проживает в

Далеме (Западный Берлин). Правительство ФРГ наградило его «большим федеральным крестом за заслуги со звездой и лентой».

44

Wolfgang Hahn, Lotar Kruss
, Elektrokonzerne – Rustungskonzerne. Berlin 1961, S. 54.

45

Министерство авиации. –
Прим. перев
.

46

«Geheim-Nachrichten des Beichsministers f?r Bewaffnung und Munition». Berlin, Nr. 8., 7. VIII. 1942.

47

Ганс Хейне, проживающий в Западном Берлине, возглавляет ныне дочернюю компанию «АЭГ» – «Телефункен Гмбх» и играет влиятельную роль в качестве члена «Федерального союза западногерманской авиационной промышленности».

48

Герман фон Сименс с 1941 по 1946 год являлся главой концерна. В 1945 году американцы включили его в список военных преступников. В 1955 году правительство Аденауэра «в знак признания его заслуг в строительстве германской экономики» наградило Германа фон Сименса «большим федеральным крестом со звездой и лентой». Проживая в Мюнхене, он, как и прежде, является членом наблюдательного совета «Сименс унд Гальске», а также сената геттингенского «Общества Макса Планка».

49

По данным документа XIII, гл. 1, доклада американского полковника Бернарда Бернштейна о преступной роли концерна «ИГ Фарбен» во время войны. Доклад был представлен возглавлявшейся сенатором Килгором подкомиссии по военным делам сената США.

50

«Geheim-Nachrichten des Reichsministers f?r Bewaffnung und Munition», Berlin, Nr. 8, 7. VIII. 1942.

51

«Der Spiegel», Hamburg, Nr. 53, 1955, S. 31.

52

Hans Hartl
, Hermann Oberth Vorkampfer der Weltraumfahrt, Hannover 1958, S. 190-191.

53

Соответствует чину генерал-лейтенанта вермахта, –
Прим. перев.

54

«По следам вундерваффе».

55

«Raketenflug – Mitteiluagsblatt des Raketenflugplatzes M?nster», Nr. 11, 1955.

56

Гроу до 1953 года возглавлял техническую службу объединенного англо-американского штаба в Вашингтоне (где находится и ныне) и, занимая этот пост, даже работал вместе с Вернером фон Брауном над созданием предназначенных для агрессивных целей типов вооружения.

57

Rudolf Lusar
, Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung, M?nchen 1959, S. 124-125.

58

«Spandauer Volksblatt», Westbcrlin, 17. IX. 1959.

59

Из документа 079-L (доказательство VS-27).– См. «Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Milit?rgerichtshof», Band XXXVII, N?rnberg 1949, 6. 546-554.

60

Ганс Шпейдель до недавнего времени занимал пост командующего сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе. В настоящее время Шпейдель находится в почетной отставке.

61

Hans Speidel
, Invasion 1944, Tubingen – Stuttgart 1949, S. 116-117.

62

Jacques Bergier
, Secret Weapons – Secret Agents, London 1958, p. 132.

63

Эрнст Леммер с 1952 года является членом бундестага от аденауэровского ХДС, в 1956 году стал министром связи ФРГ. С 1957 года до произошедшего в 1963 году (после скандала, вызванного репрессиями против журнала «Шпигель») переформирования правительства ФРГ возглавлял боннское «министерство по общегерманским вопросам», ведущее подрывную деятельность против ГДР. Ныне стал преемником изобличенных военных преступников Теодора Оберлендера и Крюгера на посту министра «по делам изгнанных, беженцев и инвалидов войны».

64

«Pester Lloyd», Budapest, 20. VI. 1944.

65

Walter Dornberger
, V2 – Der Schu? ins Weltall, S. 117.

66

«Volkischer Beobachter», Berlin, 28. X. 1944.

67

Эсэсовский преступник Вернер Науман является ныке генеральным представителем нескольких западногерманских стальных концернов, проживает в Дюссельдорфе и поддерживает тесные связи с неофашистскими элементами в Западной Европе и Северной Африке.

68

«V?lkischer Beobachter», Berlin, 2. IX. 1944.

69

Josef Stemmer,
Raketenantriebe – Ihre Entwicklung, Anwendung und Zukunft, Z?rich 1952, S. 449.

70

Цифры взяты из итогового доклада английского маршала авиации Родерика Хилла, опубликованного в «London Gazette» 20 октября 1948 года. По данным Лузара, потери от ракет «Фау-2» в Англии составили 2724 убитых и 6467 раненых. –
Rudolf Lusar
. Die deutschen Waffen und Geheimwaffen, S. 124.

71

В отношении Бельгии в распоряжении автора имелись только данные городского архива Антверпена от 13 ноября 1961 года. Не учтены людские и материальные потери Брюсселя и Льежа, причиненные ракетным обстрелом.

72

Geeb, Kirchner
, Deutsche Orden und Ehrenzeichen, Bonn, 1958, S. 134.

73

«Who's who in America», Chicago 1952/53, p. 664.

74

Rudolf Lusar
, Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung, S. 121 f.

75

Josef Stemmer
, Raketenantriebe – Ihre Entwicklung, Anwendung und Zukunft, S. 449. f.

76

Felix Kersten
, The Kersteu Memoires, 1940—1945, New York 1957, p. 273.

77

Sir Frederick Pill

, Ack-Ack, Britain's Defense against Air Attack during the secound World War, London, – Sydney – Toronto – Bombay 1949, Ch. XXXIII.

78

Bernhard Newman
, They saved London, p. 62;
Otto Skorzeny
, Geheimkommando Skorzeny, Hamburg 1950, S. 183.

79

Walter Schellenberg
, Memoiren, K?ln 1959, S. 245-246.

80

«Rhein-Echo», 1. IV. 1948.

81

«Internationales Biographisches Archiv (Mimzinger Archiv)», Ravensburg (Wurttemberg), ABA-Lieferung, 14/1958, Nr 3496, 5. IV. 1958.

82

Buchenwald-Archiv, Berlin, Bericht Nr. 621 – 622.

83

«Buchenwald – Mahnung und Verpflichtung», Berlin 1961, S. 371. «Бухенвальд. Документы и сообщения», М., 1962, стр. 318-319.

84

Унтер-фельдфебель. –

Прим. перев

.

85

«Buchenwald – Mahnung und Verpflichtung», S. 281-282.

86

Виновники этого преступления – обер-лейтенант Йозеф Гискес и штурмбанфюрер СД Йозеф Грайэдер живут в Западной Германии. Гискес служит в боннской разведке, возглавляемой бывшим гитлеровским генерал-лейтенантом Рейнгардом Геленом.

87

Самый высокий небоскреб Нью-Йорка.

88

Bernard Newman

, They saved London, p. 166.

89

Hans Hartl

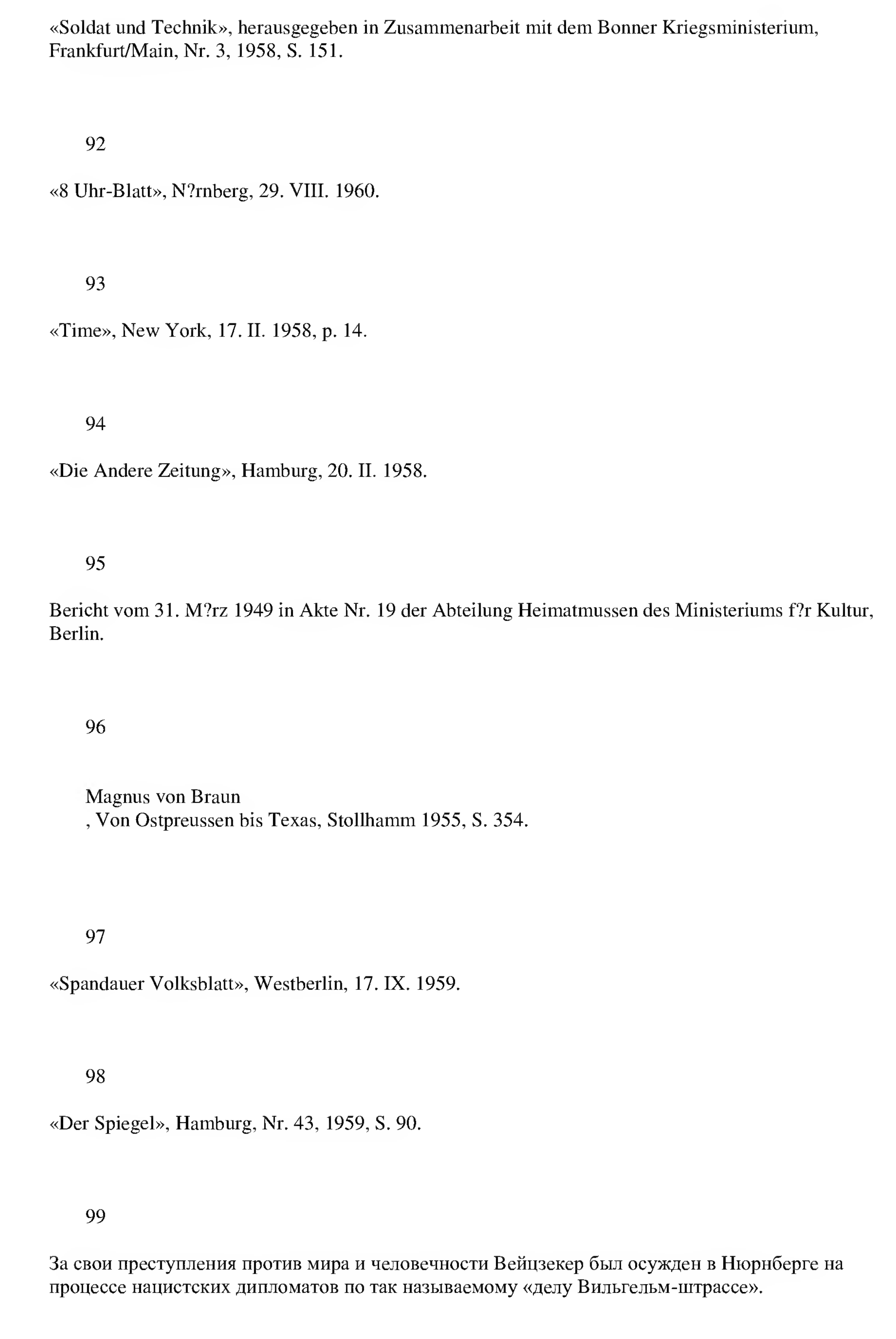
, Hermann Oberth – Vork?mpfer der Weltraumfahrt, Hannover 1958, S. 192.

90

Albert Ducrocg

, Les armes secr?tes allemandes, Paris 1947 p. 142-143.

91

«Soldat und Technik», herausgegeben in Zusammenarbeit mit dem Bonner Kriegsministerium, Frankfurt/Main, Nr. 3, 1958, S. 151.

92

«8 Uhr-Blatt», N?rnberg, 29. VIII. 1960.

93

«Time», New York, 17. II. 1958, p. 14.

94

«Die Andere Zeitung», Hamburg, 20. II. 1958.

95

Bericht vom 31. M?rz 1949 in Akte Nr. 19 der Abteilung Heimatmussen des Ministeriums f?r Kultur, Berlin.

96

Magnus von Braun
, Von Ostpreussen bis Texas, Stollhamm 1955, S. 354.

97

«Spandauer Volksblatt», Westberlin, 17. IX. 1959.

98

«Der Spiegel», Hamburg, Nr. 43, 1959, S. 90.

99

За свои преступления против мира и человечности Вейцзекер был осужден в Нюрнберге на процессе нацистских дипломатов по так называемому «делу Вильгельм-штрассе».

100

Зигмунд фон Браун до 1962 года был «церемониймейстером» (начальником протокола) при боннском «дворе». – С 1963 года он является западногерманским наблюдателем в ООН. Таким образом, все три брата Брауны находятся ныне в США.

101

Avro Manhattan
, The Catolic Church against the twentieth Century; «Der Vatikan und das XX Jahrhundert», Berlin 1958, S. 200.

102

Очевидно, не в последнюю очередь за «спасение» штурмбанфюрера СС Вернера фон Брауна аденауэровское правительство наградило профессора Брифса «большим федеральным крестом за заслуги».

103

После работы в секретной службе США Путт занимал руководящие посты в американской авиации: с 1948 по 1952 год был начальником исследовательско-конструкторского управления американских ВВС; в настоящее время служит в руководящем штабе ВВС США.

104

Об этом писал американский журнал «Look». См. «Die Andere Zeitung», Hamburg, 20. II. 1958.

105

Rudolf Lusar
, Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung, S. 253.

106

Цит. по

Carl Marzani, Victor Perlo
, Dollars and Sense of Disarmament, немецкий перевод: Dollars und Aufr?stung, Berlin 1961, S. 195.

107

«Rheinische Post», D?sseldorf, 29. VIII. 1960.

108

«Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, М., стр. 419.

109

«Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 340.

110

Группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Ганс Каммлер, боясь расплаты за свои преступления, в начале мая 1945 года при бегстве с базы запуска ракет «Фау-2» покончил жизнь самоубийством.

111

«Weltraumfahrt», Frankfurt/Main, Nr. 3, 1952, S. 66.

112

«Нюрнбергский процесс», т. VII, М. 1961, стр. 427.

113

«8 Uhr-Blatt», N?rnberg, 29. VIII. 1960.

114

Хольгер Н. Тофтой до 1944 года занимал руководящий пост в технической разведке на европейском театре военных действий. В 1945 году стал директором армейской лаборатории по

управляемым снарядам, а в 1954 году – начальником Редстоунского арсенала. В 1958 году Тофтой был назначен начальником войск управляемых снарядов американской армии.

115

«Stars and Strieps», Washington, 26.11. 1953.

116

«8 Uhr-Blatt», N?rnberg, 24. VIII. 1960.

117

«Der Spiegel», Hamburg, Nr. 53, 1955, S. 34.